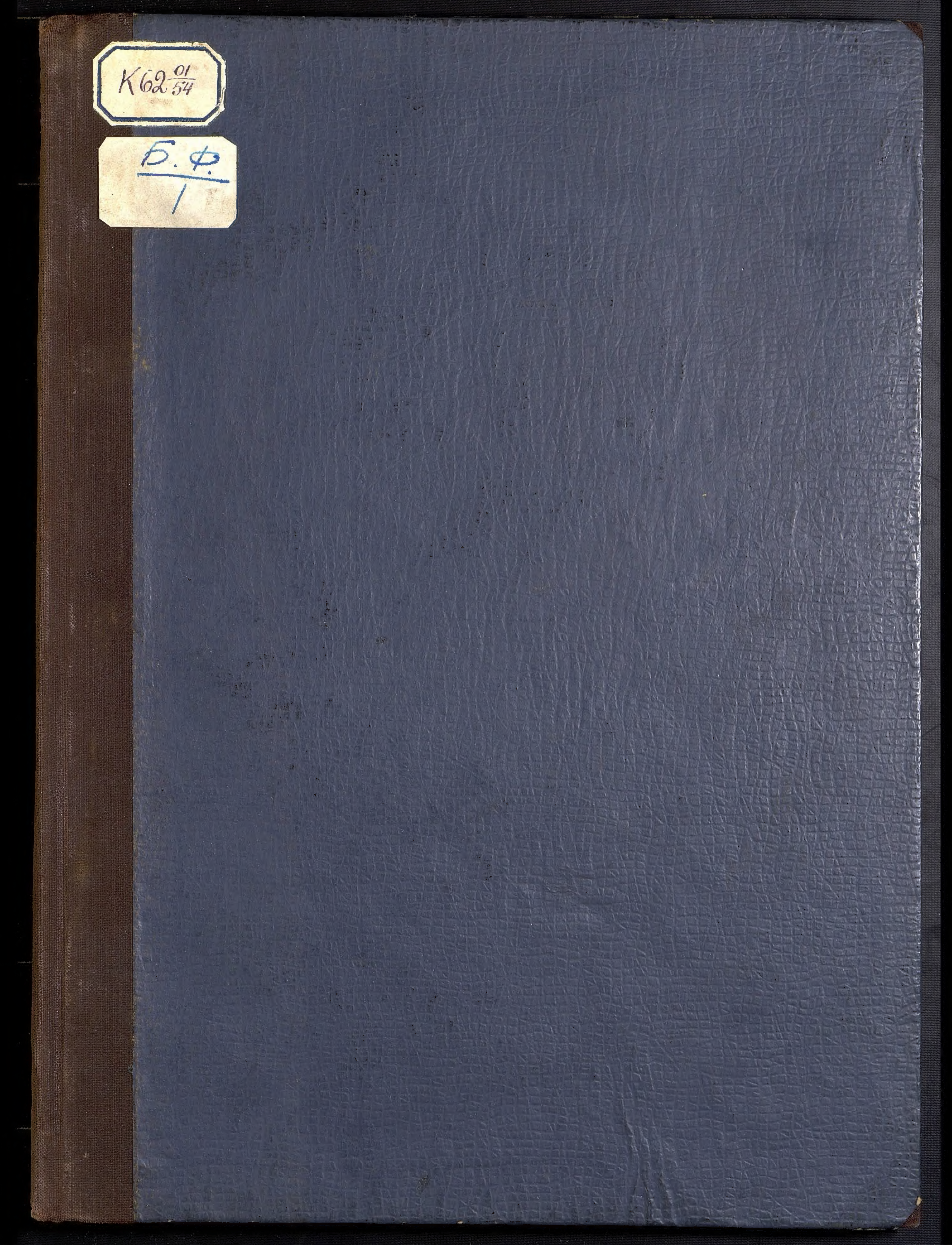

К62 01/54
Б. ф.
1

Люди смутнаго времени

Подъ редакціей
А. Е. Прѣснякова

Премія къ
„Вѣстнику и
Библіотекѣ
Самообра-
зованія.“

Брокгаузъ-Ефронъ
1905.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ и портретахъ

Люди смутнаго времени

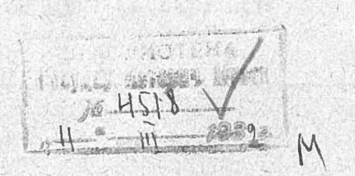
подъ редакціей
А. Е. Прѣснякова.

Безплатная премія къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія"
на 1905 годъ.

Брокгаузъ-Ефронъ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 Іюля 1905 г.

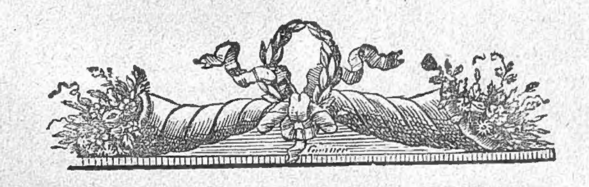
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный, № 6.

Предисловіе.

Задумавъ дать своимъ читателямъ „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ и портретахъ“, редакція „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія“ поставлена въ необходимость начать эту серію съ Смутнаго времени, такъ какъ, только начиная съ этой эпохи, имѣются болѣе или менѣе достовѣрные портреты нашихъ историческихъ дѣятелей.

Портреты Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Гермогена и Филарета взяты изъ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ рукописи: „Монархія Великаго Россійскаго царствія, великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ корень изъиде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго Августа Кесаря обладающаго всею вселенною“ (составлена была эта рукопись въ 1672 году.) Портреты Самозванца, Марины Мнишекъ, Михаила Скопина-Шуйскаго и Жолкѣвскаго заимствованы изъ книги Ровинскаго: „Матерьялы для русской иконографіи“. Оба фантастическихъ изображенія Самозванца воспроизведены со старинныхъ гравюръ. При выборѣ портретовъ редакція руководилась ихъ художественнымъ или историческимъ значеніемъ. Вотъ почему, воспроизводя на ряду съ дѣйствительными портретами Самозванца его фантастическія изображенія, возникшія уже въ XVII вѣкѣ, пришлось отказаться отъ мысли дать портреты Палицына, Минина, Пожарскаго и др.; наиболѣе раннія изображенія всѣхъ этихъ лицъ существуютъ лишь въ произведеніяхъ художниковъ начала XIX вѣка, облекающихъ ихъ въ ложно-классическіе костюмы, — произведеніяхъ, по своей фальши и фантастичности даже не характерныхъ для данной эпохи.

Смутное время.

А. Е. Преснякова.

Въ два столѣтія—XIV-е и XV-е—незначительное Московское удѣльное княжество выросло въ обширное Московское государство, объединившее всю Великороссію. Въ XVI в. ближніе и дальніе сосѣди увидали въ Московіи сильное и обширное государство, побѣдоносно справившееся съ поволжскими татарскими царствами, перекинувшее свою власть въ Сибирь, опаснаго врага и желаннаго союзника для западныхъ сосѣдей. Въ международныхъ отношеніяхъ политическіе дѣятели Западной Европы стали считаться съ новой силой, имѣвшей неизбѣжное значеніе какъ въ борьбѣ сѣверныхъ державъ за господство на Балтійскомъ морѣ, такъ и въ народившемся Восточномъ вопросѣ, борьбѣ христіанскихъ государствъ съ европейскимъ могуществомъ Турціи.

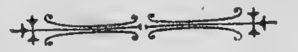
Но внѣшнее политическое значеніе казавшагося такимъ сильнымъ молодого государства было куплено дорогой цѣной неимовѣрнаго напряженія народныхъ силъ въ борьбѣ за свою самостоятельность противъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ сосѣдей, и напряженіе это нарушило внутреннюю крѣпость и равновѣсіе народныхъ силъ и средствъ. Въ XVII-й вѣкъ Московское государство переходитъ въ состояніи глубокой внутренней Смуты. Дальнѣйшая исторія показала, что эта Смута—только кризисъ, пережитый богатымъ жизненными силами народнымъ организмомъ. Но кризисъ настолько болѣзненный и тяжелый, что заслужилъ отъ современниковъ названіе «великой разрухи».

Причины Смуты коренились глубоко въ самомъ строѣ Московскаго государства XVI вѣка. Въ ихъ основѣ лежало противорѣчіе между цѣлями, которыя должно было преслѣдовать правительство, и средствами, какими оно располагало. Въ странѣ, слабо развитой въ экономическомъ отношеніи и сравнительно очень рѣдко населенной, создать достаточную крѣпость государственной самообороны, при сложныхъ международныхъ отношеніяхъ, было возможно только съ большимъ трудомъ, и притомъ сосредоточивая въ распоряженіи правительства всѣ средства и силы народныя. Оно и борется въ XVI в. за установленіе безусловной власти, сокрушая всѣ исторически сложившіеся частные и мѣстные авторитеты, какими отчасти оставались въ своихъ вотчинахъ потомки удѣльныхъ князей, бояре-княжата. Привилегіи, какими пользовалась эта древне-русская родовая аристократія, претендовавшая, по мѣстническимъ обычаямъ, на первую роль въ управленіи и въ царской думѣ, а по удѣльнымъ понятіямъ о землевладѣніи—на подчиненіе себѣ въ дѣлѣ суда, расправы и военной службы населенія своихъ вотчинъ, были сломлены бурей опричнины Грознаго. Уничтожая въ боярствѣ старое и привычное орудіе своей власти, старую и привычную опору своей военной силы, Московское правительство одновременно создаетъ взамѣнъ новую администрацію и новое войско, администрацію приказовъ и войско служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ и дворянъ. Въ этомъ классѣ, вершину котораго составила новая придворная знать, сильная не родовитостью, а высокимъ служебнымъ положеніемъ и царскою милостью,—ищетъ опоры царская власть. Этотъ классъ оно стремится обезпечить помѣстьями и крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, постепенно сводя на нѣтъ крестьянскую свободу и допуская закабаленіе крестьянъ помѣщикамъ. Но интересы помѣщиковъ часто противорѣчили интересамъ казны: дѣлясь съ служилыми людьми доходомъ съ крестьянскаго труда, она рисковала потерять источникъ своей финансовой системы при разореніи крестьянъ поборами и при обращеніи ихъ въ холоповъ, податей не платившихъ. Къ тому же потребность колонизировать Поволжье и южныя области, на югъ отъ Оки, заставляла правительство покровительствовать переселеніямъ земледѣльцевъ на новыя «украинныя» земли, наперекоръ и выгодѣ служилыхъ землевладѣльцевъ и податной исправности тяглаго крестьянства. Переселенческое движеніе вызвало сильный отливъ населенія изъ центральныхъ областей, что довело ихъ до тяжелаго сельско-хозяйственнаго кризиса.

Такъ, къ концу XVI в. Московское государство находилось въ періодѣ перестройки своихъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношеній, въ критическомъ состояніи всего своего строя. Сложный историческій процессъ вызвалъ глубокое броженіе и въ сознаніи русскаго общества. Столкновеніе противоположныхъ интересовъ, до-нельзя обострившееся и значительно усиленное нервно-торопливыми и кроваво-жестокими дѣйствіями Грознаго, привело къ двумъ главнымъ послѣдствіямъ: паденію правительственнаго авторитета, когда царь Иванъ «смяте люди вся» тѣмъ, что «всю землю яко сѣкирою на полы разсѣче» (на опричнину и земщину), и къ сознанію каждымъ общественнымъ классомъ своихъ особыхъ интересовъ, ярко сказавшемуся въ ихъ борьбѣ послѣ паденія династіи Рюриковичей. А это совпаденіе самаго остраго момента общаго соціально-политическаго кризиса съ прекращеніемъ династіи было послѣднимъ толчкомъ къ Смутѣ. Началась она сверху, борьбою разныхъ партій за престолъ, борьбою, которая не дала Борису Годунову укрѣпить шатающійся порядокъ на тѣхъ же основахъ, какія заложены были въ XVI в. Выдвинутый личными соперниками Годунова, первый Лжедимитрій побѣдилъ, въ сущности, при поддержкѣ низшаго слоя населенія, недовольнаго москов-

ской политикой, и родовитой знати, охотно измѣнившей опричнику-Годунову, увлекая за собою и служилыхъ людей, въ это время еще не сплотившихся въ особую политическую партію. Реакціонная—въ историческомъ смыслѣ этого слова—партія княжеской аристократіи свергла Самозванца и захватила власть въ свои руки при Шуйскомъ. Но противъ нея подымаются другія общественныя группы: закрѣпощаемое холопство и крестьянство, за которымъ стоитъ плоть отъ плоти его—казачество, подъ начальствомъ Ивана Болотникова, и враги бояръ, служилые люди, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ. Разыгравшаяся соціальная борьба довела государство до полнаго разрушенія и до вмѣшательства въ судьбы Московскаго государства сосѣдей (Жолкѣвскій). Международныя осложненія ставятъ передъ этимъ государствомъ новую задачу: одновременно преодолѣть внутреннюю смуту и организовать національную самооборону. Послѣ крупныхъ, но неудавшихся попытокъ въ этомъ направленіи, связанныхъ съ именами Скопина-Шуйскаго, Гермогена, Ляпунова и отчасти Филарета, подымаются съ большою энергіей на защиту государственной самостоятельности и внутренняго порядка средніе классы, служилые и торговые люди, по почину Саввы Ефимьева и Минина, и подъ руководствомъ Минина и Пожарскаго счастливо рѣшаютъ свою сложную историческую задачу.

Эта задача—возрожденія государственнаго порядка, въ конецъ разрушеннаго смутой, и защиты родины отъ осилившаго ее внѣшняго врага—была разрѣшена путемъ содержательнаго политическаго творчества. Смутное время было поворотнымъ моментомъ въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ. До него—подъ этимъ именемъ разумѣлись простыя совѣщанія московскаго правительства съ собственными агентами, созываемыми не по народному избранію и довѣрію, а по должностному, служебному положенію. Въ 1612 г. кн. Пожарскій созываетъ не такой «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ выбранныхъ населеніемъ земскихъ представителей всѣхъ сословій. Этотъ «совѣтъ всея земли» былъ признанъ не только всею страной, но и шведами, которые начали съ нимъ переговоры, какъ съ носителемъ верховной власти. Земскій соборъ избралъ на царство Михаила Романова и сохранилъ въ полной мѣрѣ свое значеніе, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда всѣ дѣла рѣшались царскимъ указомъ по всей земли приговору. Но по возвращеніи Филарета изъ польскаго плѣна положеніе собора начинаетъ измѣняться. Политика патріарха, правившаго государствомъ отъ имени сына, кладетъ прочное основаніе возстановленію порядковъ приказнаго управленія и основаннаго на закрѣпощеніи всѣхъ сословій общественнаго строя. Торжество этихъ порядковъ и этого строя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ естественно сопровождалось исчезновеніемъ земскихъ соборовъ, когда они попытались вступить въ борьбу съ возродившейся въ новой силѣ приказной, бюрократической средой, ставшей «средостѣніемъ» между властью и обществомъ, и «инстинктивно—по выраженію проф. Платонова—потянулись къ тому, что называется законодательной инціативой».

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

Изъ „Очерковъ исторіи Смуты" проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Въ началѣ великой исторической эпохи Смутнаго времени во главѣ правленія Московскимъ государствомъ стоялъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Родился онъ около 1551 г. и принадлежалъ къ роду, который происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, выѣхавшаго изъ орды на службу къ Іоанну Даниловичу Калитѣ (1330 г.). Родъ Годуновыхъ сравнительно высоко стоялъ по мѣстническимъ боярскимъ счетамъ. Самъ Борисъ началъ службу при особѣ царя Іоанна Грознаго: въ 1510 г. состоялъ при царскомъ саадакѣ (лукъ и колчанъ со стрѣлами). Женитьба на дочери царскаго любимца, Григорія Лукьяновича Малюты-Скуратова, Маріи, должна была укрѣпить его придворное положеніе тѣмъ болѣе, что и служилъ онъ въ опричнинѣ. Въ 1580 г. царь Іоаннъ выбралъ сестру Бориса, Ирину, въ невѣсты сыну своему, царевичу Ѳеодору, а Борису было тогда сказано боярство. Но ни при жизни царя Іоанна, ни въ первое время послѣ его кончины, Годуновъ не игралъ видной роли, отступая на второй планъ передъ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ (Захарьинымъ). Въ первые мѣсяцы по смерти Грознаго (18 марта 1584 г.) Н. Р. Юрьевъ и былъ настоящимъ руководителемъ царя Ѳеодора и всего государственнаго правленія. Но уже въ августѣ 1584 года болѣзнь лишила Никиту Романовича силъ, а въ апрѣлѣ 1585 года свела его въ могилу. Передъ смертью онъ ввѣрилъ Борису попеченіе о своей семьѣ и взялъ съ него клятву на вѣрность «завѣщательному союзу дружбы» съ молодыми Романовыми; Борисъ сталъ во главѣ боярскаго круга, имѣвшаго главное вліяніе въ царскомъ дворцѣ, и, поддержанный этимъ кругомъ, осилилъ всѣхъ соперниковъ. Сперва пострадали Головины, потомъ испыталъ царскую опалу старѣйшій изъ бояръ И. Ѳ. Мстиславскій. Одни Шуйскіе продолжали противиться Годунову—и въ 1587 г. боярская ссора была вынесена изъ дворца: въ Москвѣ произошло уличное движеніе, направленное противъ господства Годуновыхъ. Это было очень крупное дѣло, захватившее всѣ слои московскаго населенія, отъ митрополита Діонисія и знатныхъ бояръ до простыхъ служилыхъ людей и торговаго посадскаго люда. Царю били челомъ, чтобы онъ всю землю своей царской державы пожаловалъ: принялъ бы, ради царскаго чадородія, второй бракъ, а царицу перваго брака, Ирину Ѳеодоровну, отпустилъ бы въ иноческій чинъ. Движеніе это не удалось и повлекло за собой большой розыскъ: главными виновниками были признаны Шуйскіе. Ихъ вмѣстѣ съ сообщниками разослали въ ссылку, а имущество конфисковали. Къ лѣту 1587 г. Годуновъ сталъ силь-

Црь и великий кнзь
Борис Феодорович
всеа русии

нѣйшимъ человѣкомъ во дворцѣ и государствѣ. Онъ титуловался «начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества», а потомъ развилъ этотъ титулъ въ пышную оффиціальную формулу: «царскій шуринъ и правитель, слуга и конюшій бояринъ, и дворовый воевода, и содержатель великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго», причемъ послы объясняли иностранцамъ, что великія государства, Астрахань и царство Казанское, дѣйствительно даны въ обдержанье царскаго величества шурину, и что онъ стоитъ выше всѣхъ царей и царевичей, и королевичей и государскихъ дѣтей, которые великому государю служатъ.

Выражая титуломъ и словесными объясненіями мысль о томъ, что Борисъ стоитъ внѣ обычнаго порядка московскихъ служебныхъ отношеній и руководитъ имъ сверху, какъ правитель, московское правительство, руководимое Борисомъ, позаботилось выразить ту же мысль и дѣломъ. Въ 1588—89 гг. Борисъ побудилъ царя постановить съ боярами рядъ приговоровъ, для него чрезвычайно важныхъ: ему предоставлено было право участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными дворами въ качествѣ высшаго правительственнаго лица, отъ собственнаго имени, и въ Посольскомъ приказѣ заведены особыя «книги, а въ нихъ писаны ссылки царскаго величества шурина» съ иностранными правительствами. Эти приговоры превратили Бориса въ регента государства. А сложный этикетъ, заведенный имъ при собственномъ «дворѣ», и окончательно закрѣпилъ за нимъ исключительное правительственное положеніе. Иностранные послы, пріѣзжавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою торжественностью. Церемонія ихъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, представленія Борису, отпуска и посылки отъ Бориса «кормовъ» посламъ была точною копіею царскихъ пріемовъ. Борису «являли» пословъ его люди: встрѣчалъ на лѣстницѣ «дворецкой» Богданъ Ивановъ, въ комнату вводилъ «казначей» Девятой Аѳанасьевъ, въ комнатѣ сидѣли «отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чѣпяхъ золотыхъ», остальные же стояли «отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по сѣнямъ и въ передней избѣ». Послы приносили Борису поминки и величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и «пресвѣтлымъ величествомъ». Самое обращеніе пословъ къ Борису оффиціально разсматривалось какъ челобитье «съ великимъ прошеніемъ», чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, и дѣло это дѣлалось «по повелѣнію великаго государя, а по приказу царскаго величества шурина». Словомъ, всѣмъ давалось понять, что Борисъ есть истинный носитель власти въ Москвѣ. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Ѳеодора Іоанновича, такимъ образомъ, было временемъ формальнаго правленія Бориса, а не только его придворнаго фавора. Такъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. «Властодержавное правительство» Бориса было узаконено и оформлено. Тѣмъ, кто не былъ доволенъ успѣхами «правителя», оставалось лишь негодовать на него и тайно его осуждать. Явная борьба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ средствъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. Боярство не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій 1585 и 1587 годовъ, и Борисъ безраздѣльно «правилъ землею рукою великаго государя». Однако, если бы придворное его вліяніе было слѣдствіемъ только ловкой интриги и угодничества, если бы оно не опиралось на большой правительственный талантъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ сомнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума не отрицали даже его враги. У всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панегирики талантамъ Бориса. Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденій. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была поставлена рака съ мощами царевича Димитрія, и когда правительство Шуйскаго объявило, что царевичъ Димитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріялъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріявшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усомниться въ томъ, что говорило «житіе» царевича, и что онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Но житія царевича Димитрія происходятъ изъ повѣсти о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, политическаго памфлета, составленнаго въ 1606 г. преданнымъ Шуйскому авторомъ. Знаменательнѣе и важнѣе для историка двѣ особенности въ изложеніи дѣлъ Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII вѣка: во-первыхъ, они всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія, а, во-вторыхъ, они всѣ славятъ Бориса какъ человѣка и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно по красивой антитезѣ добродѣтелей Бориса, созидающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбія, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ. Притомъ сказанія, осуждающія Бориса, не умѣютъ согласно передать обстоятельствъ убійства Димитрія и заключаютъ не мало противорѣчій, а наиболѣе враждебныя и явно клевещутъ, приписывая Борису поджогъ Москвы въ 1591 г., отравленіе царя Ѳеодора и дочери его Ѳеодосіи. Малая историческая цѣнность житій и прочихъ сказаній объ убіеніи царевича даетъ намъ право устранить совсѣмъ углицкій эпизодъ 1591 года изъ нашей рѣчи о возвышеніи Бориса. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ временъ, совершенно ясно, что въ исторіи Годунова до его воцаренія углицкія происшествія играли очень малую роль. Смерть царевича, законность котораго, какъ сына едва ли не седьмой жены Грознаго, была спорной, не ведетъ къ какимъ-либо замѣтнымъ шагамъ, не мѣняетъ его позиціи, какъ ранѣе существованіе этого государева брата съ его роднею не мѣшало Борису добиваться исключительнаго положенія у власти. Пока не пущенъ былъ слухъ о томъ, что царевичъ Димитрій избѣжалъ смерти, кончина его мало кому была памятна. Въ свое время посудили о ней, даже заподозрѣли въ ней руку Бориса, но и предали дѣло забвенію. Не убіеніе царевича Димитрія, а болѣзнь и смерть царевны Ѳеодосіи Ѳеодоровны, послѣдовавшая 25 января 1594 года, открыли Борису путь къ престолу. Конецъ династіи сталъ явенъ, и Годуновъ, наблюдая постепенное угасаніе жизненныхъ силъ «изнемогавшаго» царя, готовился къ неизбѣжной развязкѣ. Къ этому времени относится любопытное осложненіе этикета при «дворѣ» царскаго шурина. Если не ошибаемся, не позднѣе 1595 года рядомъ съ именемъ Бориса начинаетъ упоминаться имя его сына, а самъ Ѳеодоръ Борисовичъ показывается какъ дѣйствующее лицо въ

церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарки шаху, Θеодоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Θеодоръ Борисовичъ встрѣчаетъ цесарскаго посла «среди сѣней», даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ привлеченіи мальчика въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова: задолго до воцаренія онъ уже намѣренъ былъ видѣть въ сынѣ преемника своего положенія и власти, возможнаго продолжателя «царскаго кореня». Годунову открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого опередить себя. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть пріятно, и они, съ своей стороны, принимали мѣры. Есть извѣстія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Но Москва—въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія. Всѣмъ было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Ириною, должны были сохраниться права на власть, и никто не зналъ, пожелаетъ ли она ими воспользоваться, или нѣтъ. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Θеодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія.

Въ Крещеньевъ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государствахъ его царствія осталась государынею его супруга Ирина Θеодоровна, которой тотчасъ же весь «царскій синглитъ», съ ея братомъ, правителемъ Борисомъ во главѣ, принесъ присягу въ присутствіи патріарха. Но Ирина, мучимая сознаніемъ, что ею единою «царскій корень конецъ пріятъ», не пожелала остаться на престолѣ и ушла въ монастырь. Въ Москвѣ открылось междуцарствіе, и началось исканіе царя. Оффиціальное обсужденіе вопроса было отложено до «сорочинъ» по усопшемъ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиною.

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого чрезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять, по поводу избранія Годунова въ цари, старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патріарха Іова прежними историками. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 г., какъ на грубую комедію, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на игрушку въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ нормаленъ и правиленъ. Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, съ значительной полнотою представительства, но «представительства по служебному положенію, а не по общественному довѣрію»: масса представителей явилась на соборъ въ силу своего должностного положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій. Подобное представительное собраніе—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества—все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ настроеній и мнѣній. Если мы удостовѣримся въ томъ, что соборъ 1598 года сознательно и свободно высказался въ пользу избранія именно Бориса, мы должны будемъ счесть его возведеніе на престолъ законнымъ и правильнымъ актомъ народной воли. Съ формальной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормальномъ составѣ, руководимый патріархомъ, единогласно нарекъ Годунова царемъ и многократными просьбами и настояніями вынудилъ его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ теченіе весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походѣ противъ татаръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность утвержденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которой соборное избраніе опять-таки представлено было единодушнымъ и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на этой грамотѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что грамота эта была не своевольною поддѣлкою «лукавыхъ рачителей» Бориса, а дѣйствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что оффиціальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которыя обезпечивали избранію непререкаемую законность. Частныя московскія извѣстія также говорятъ о томъ, что Борисъ былъ избранъ единодушно, съ одной стороны, потому, что народъ видѣлъ его разумное правленіе, а съ другой, потому, что онъ умѣлъ устроить свое избраніе, однихъ ульстивъ, другихъ подкупивъ, третьихъ застращавъ. Извѣстія иностранныя—польскія и нѣмецкія по преимуществу—даютъ, однако, интересныя свѣдѣнія о происходившей избирательной борьбѣ. Главными противниками Годунова были Романовы и Богданъ Бѣльскій. Послѣдній мало имѣлъ значенія, и борьба за престолъ шла, главнымъ образомъ, между Борисомъ Годуновымъ и Θеодоромъ Никитичемъ Романовымъ. Романовы стояли высоко и твердо въ средѣ московскихъ бояръ сплоченною и многолюдной семьею, вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по родству и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни, они должны были считать себя ближе къ престолу и династіи, чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою семьею. Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому суждено наслѣдовать царское достоинство, противопоставленіе Романовыхъ и Годуновыхъ стало неизбѣжно и должно было вести къ разрыву старой дружбы. Опора Романовыхъ была въ придворной знати, и потому самый составъ собора 1598 г., на который пришла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ—тѣ средніе слои общества, въ которыхъ Борисъ былъ популяренъ, слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, признать мало благопріятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ, чѣмъ для Романовыхъ. И если соборъ отдалъ вѣнецъ Борису—то потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить.

Но борьба за престолъ велась не только въ первыя недѣли послѣ кончины Θеодора, но и въ продолженіе всей весны 1598 г., уже послѣ того, какъ Борисъ былъ нареченъ царемъ. Когда не удалось направить выборъ земскаго собора на другое лицо, помимо Годунова, противники Бориса вспомнили о существованіи бывшаго когда-то во власти «великаго князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича, «земскаго» правителя во время опричнины, и выдвинули его имя противъ Бориса. Послѣдствіемъ этой интриги была новая редакція присяги на вѣрность Борису: въ текстъ ея было вставлено обязательство не хотѣть на царство «царя» Симеона Бекбулатовича. Опаснѣе было другое орудіе агитаціи противъ Годунова: попытка обви-

нить его въ смерти царевича Димитрія. Въ 1598 году появился разсказъ, совершенно невѣроятный по фабулѣ, но очень важный для характеристики минуты, обвинявшій Бориса въ томъ, что онъ измѣною убилъ Димитрія, а великаго князя отравилъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ ссорѣ изъ-за этихъ обвиненій, Ѳеодоръ Романовъ будто бы бросился на Годунова съ ножомъ, но его не допустили. Тотъ же разсказъ обвинялъ Бориса въ намѣреніи, если его не изберутъ въ цари, выдать за Димитрія какого-то своего друга, во всемъ очень похожаго на Димитрія.

Значитъ, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозванства уже бродила въ умахъ, и на Бориса падало обвиненіе въ смерти царя Ѳеодора и его брата царевича. Въ разсказѣ о Димитріи Годунову отводится самая черная роль, и, наоборотъ, Ѳеодоръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго мстителя. Это намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ разсказъ, и съ какою цѣлью онъ распространялся.

Понятно, что, вступая на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, Борисъ такъ дорожилъ торжественною формальностью при своемъ избраніи и вѣнчаніи на царство, пышнымъ текстомъ избирательной грамоты, мелочною предусмотрительностью текста присяги, который кончался фразой, обрекавшей проклятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису. Требуя знаковъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, царь Борисъ, кажется, и съ своей стороны далъ имъ нѣкоторыя обѣщанія. Въ XVII вѣкѣ жили неопредѣленныя объ этомъ воспоминанія, которыхъ пока нельзя ни отвергнуть, ни разъяснить. Такъ, разсказывали, что, «какъ-де Бориса выбирали на Московское государство, и онъ-де въ тѣ поры передъ всѣмъ народомъ клялся, что ему другу не дружить, а недругу не мстить». Не простою подозрительностью и мелочностью вызваны были всѣ эти предосторожности, но условіями воцаренія Бориса. Новый царь, вступая на царство, зналъ, что не всѣ одинаково желаютъ ему повиноваться.

Если же Борисъ достигъ престола при такихъ условіяхъ, то причина должна лежать въ такихъ чертахъ его дѣятельности, которыя подкупали въ его пользу общественное мнѣніе. И, дѣйствительно, роль, выпавшая на долю Бориса въ государствѣ, была чрезвычайно трудна, но симпатична. Судьбы страны попали въ его распоряженіе въ ту минуту, когда правительство должно было признать, что Московское государство и общество переживаютъ тяжелый кризисъ. Надобно было умиротворить страну, потрясенную политикою Грознаго и экономическимъ разстройствомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ опустѣвшемъ центрѣ, устроить служилый людъ на его обезлюдѣвшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между различными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣйствуетъ Борисъ. При немъ правительство стремится усвоить болѣе мягкіе пріемы дѣйствія и обращенія. Самъ правитель Годуновъ хвалится тѣмъ, что водворилъ вездѣ порядокъ и правосудіе, что «строеніе его въ землѣ таково, каково николи не бывало: никто большой, ни сильный никакого человѣка, ни худого сиротки не изобидятъ». Разумѣется, это риторика; но очень знаменательно, послѣ оргій Грознаго, что правитель вмѣняетъ въ честь и заслугу себѣ гуманность и справедливость; привѣтливость, мягкость и любезность Бориса въ личномъ обращеніи засвидѣтельствованы многими современниками. Особенно характеристиченъ для него одинъ жестъ, обратившійся у него въ привычку,—браться за жемчужный воротъ рубашки и говорить, что и этою послѣднею готовъ онъ подѣлиться съ тѣмъ, кто въ нуждѣ и бѣдѣ. При своемъ вѣнчаніи на царство, Борисъ въ порывѣ чувства и, очевидно, неожиданно для всѣхъ вспомнилъ свой обычай: схватился за «верхъ срачицы» и сказалъ патріарху, что онъ «и сію послѣднюю раздѣлитъ со всѣми». И можно думать, что «свѣтлодушіе» и обходительность Бориса не были только лукавою личиною. И какъ правитель, и какъ царь, онъ много поработалъ для бѣдныхъ и обиженныхъ. Онъ широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ слабыхъ, искоренялъ произволъ и безпорядокъ. Въ грамотахъ Борисова времени ярко выступаетъ его стремленіе къ облегченію народныхъ тяготъ. Особенно ясно сказалось оно при воцареніи Бориса, когда онъ служилымъ людямъ «на одинъ годъ вдругъ три жалованья велѣлъ дать», а съ земли со всей никакихъ податей брать не велѣлъ, и гостямъ и торговымъ людямъ всего Россійскаго государства въ торгахъ повольность учинилъ. Трудно, конечно, рѣшать, гдѣ въ подобныхъ мѣрахъ кончалась искренняя и серьезная забота о народномъ благѣ, и гдѣ начиналась погоня Бориса за личнымъ успѣхомъ. Но не подлежитъ спору, что подъ управленіемъ Бориса, по согласному мнѣнію современниковъ, страна испытала дѣйствительное облегченіе. Русскіе писатели говорятъ, что въ правленіе царей Ѳеодора и Бориса Богъ «благополучно время подаде»: московскіе люди «начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити», «свѣтло и радостно ликующе», «и всѣми благиними Россія цвѣтяше». Иностранные наблюдатели также отмѣчаютъ, что положеніе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе успокаивалось и прибывало, упавшая при Грозномъ торговля расширялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ круто измѣнился къ лучшему.

Однако, положеніе дѣлъ было такъ сложно и запутано, что его нельзя было привести въ порядокъ одною кротостью и щедростью. Слишкомъ далеко разошлись интересы разныхъ общественныхъ группъ, слишкомъ большая вражда легла между ними. Крупный и льготный землевладѣлецъ, монахъ-землестяжатель, средній и мелкій разоренный помѣщикъ, застарѣвшій на частной землѣ крестьянинъ, гулящій человѣкъ, козакующій на полѣ,—все это взаимные недруги, которыхъ нельзя ни помирить, ни одновременно удовлетворить. Тройное жалованье однимъ, возвращеніе льготъ и тархановъ другимъ, прощеніе недоимокъ и даней третьимъ — это очень важныя, но не коренныя мѣры: онѣ облегчали, но не исправляли положеніе, не уничтожали вражды. И самъ Борисъ долженъ былъ понимать, что правительство не можетъ угодить всѣмъ одинаково. Для достиженія собственныхъ цѣлей, для поддержанія порядка въ странѣ и для сохраненія боевыхъ своихъ средствъ оно должно было, не сливая своего интереса съ интересами одной какой-либо общественной группы, поддерживать каждую изъ нихъ, когда ея стремленія совпадали съ правительственными, и, напротивъ, бороться съ ними, когда ихъ желанія не соотвѣтствовали правительственнымъ.

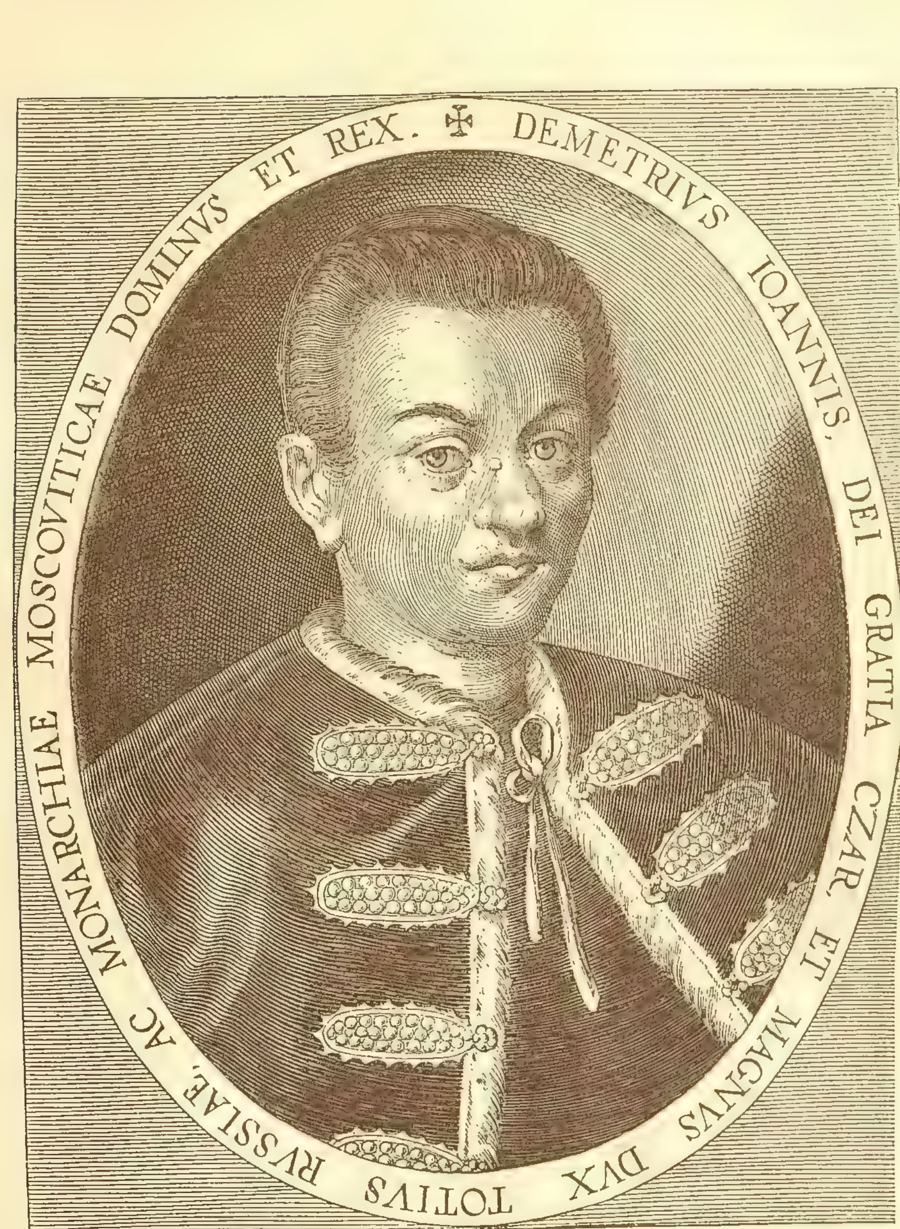
Какъ ни велико было желаніе Бориса завладѣть народнымъ расположеніемъ, все-таки положеніе, въ какое онъ поставилъ себя по отношенію къ различнымъ слоямъ общества, далеко не всегда бывало примирительнымъ. Прежде всего въ отношеніяхъ къ княжеской знати онъ оставилъ въ силѣ и дѣйствіи ту систему Грознаго, которая была направлена противъ княжатъ, и которую мы въ просторѣчіи зовемъ ея первоначальнымъ именемъ опричнины. Въ этомъ отношеніи Годуновъ оказался вѣрнымъ ученикомъ Грознаго и, продолжая отстранять отъ вліянія

«великородныхъ» людей, давалъ ходъ «худороднымъ». Идея опричнины не умерла съ ея творцомъ. Если правительство Годунова не наслѣдовало отъ Грознаго его ужасающей жестокости, то сохранило его подозрительное недовѣріе къ обломкамъ старинной родовой аристократіи и держалось его обычая выбирать совѣтниковъ не по породѣ.

И въ земельной политикѣ Борисъ сталъ на сторону простого служилаго люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Главный хозяйственный интересъ этого общественнаго слоя состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою свои земли, а на земляхъ—рабочее населеніе. Земли уходили, главнымъ образомъ, за монастыри; рабочихъ перезывали тѣ же монастыри и представители льготнаго «боярскаго» землевладѣнія; наконецъ, рабочее населеніе и само умѣло уходить на новыя землицы. Изъ двухъ заботъ—о землѣ и о рабочихъ людяхъ — правительство Бориса на первое мѣсто ставило заботу о людяхъ. Стремясь задержать и усадить населеніе на частныхъ земляхъ и, въ особенности, на земляхъ простого служилаго люда, правительство не отступало передъ мѣрами, направленными какъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ самого рабочаго населенія. Указами 1601 и 1602 года оно запретило крупнымъ земельнымъ собственникамъ «крестьянскую возку», то-есть перевозъ крестьянъ съ земель на земли, не запретивъ этого безусловно простымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, оно затруднило крестьянскій выходъ уже тѣмъ, что приняло за правило, особенно послѣ писцовыхъ книгъ «101 года» (т.-е. 1592—1593), считать старожильцами, лишенными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ книгахъ на тяглыхъ жеребьяхъ. Итакъ, будучи поставленъ между разнородными и взаимно противорѣчащими интересами различныхъ общественныхъ слоевъ, Борисъ достаточно опредѣленно сталъ на сторону общественной середины. Къ старой знати онъ питалъ непріязнь, наслѣдованную отъ Грознаго и выросшую на почвѣ политической. Интересы трудовой массы онъ приносилъ въ жертву государственнымъ пользамъ, которыя отождествлялись съ интересами служилыхъ землевладѣльцевъ. Заботясь о поддержаніи хозяйствъ на служилыхъ земляхъ, онъ оказывалъ поддержку низшимъ разрядамъ помѣстнаго служилаго класса. Прощая дани и давая «повольность въ торгѣхъ», онъ всего болѣе покровительствовалъ высшимъ слоямъ тяглаго населенія, державшимъ въ своихъ рукахъ городской торгъ и промыселъ. Въ этихъ среднихъ классахъ и слѣдуетъ искать сторонниковъ и поклонниковъ Бориса. Если бы въ общемъ строѣ московской жизни средніе классы занимали господствующее положеніе, политика Бориса опиралась бы на прочное основаніе. Но при жизни Бориса средніе слои общества еще не владѣли положеніемъ. Послѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисовой династіи отъ крушенія, когда на нее встали верхъ и низъ общества: старая знать—по политической непріязни и крѣпостная масса — по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ, вслѣдствіе сильнаго неурожая. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта благая по цѣли мѣра принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться и дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало, и много народу умерло. Къ тому же и милостыню подавали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи, и въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 127 тыс. Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропитаніе. Главную роль играли выгнанные своими господами во время голода холопы. Борисъ приказывалъ такимъ холопамъ выдавать отпускныя, освобождавшія ихъ отъ холопства, но это не помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли нигдѣ пристроиться. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойниковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году явился слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Всѣ историки болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія Самозванца активную роль сыграло московское боярство, враждебное Борису. Есть извѣстіе, что Борисъ прямо въ лицо обвинялъ бояръ, что это ихъ рукъ дѣло. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ жилъ во дворѣ у Романовыхъ и Черкасскихъ, а также и разсказъ о томъ, что Вас. Ив. Шуйскій впослѣдствіи прямо говорилъ, что признали Самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса, и видѣть въ этомъ дѣлѣ продолженіе избирательной борьбы 1598 г. Эта возможность представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появленіи Самозванца народились въ Москвѣ какъ-разъ въ пору розыска о Романовыхъ, которыхъ обвиняли въ стремленіи себѣ «достать царство». Въ 1601 г. всѣ Романовы, пять братьевъ Никитичей, были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста. Вмѣстѣ съ ними были сосланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Ситскіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы. Немногимъ ранѣе опала постигла Б. Бѣльскаго. Устраняя этихъ бояръ, Борисъ избавлялся отъ тѣхъ, въ комъ долженъ былъ видѣть не только недоброхотовъ его царству, но и соперниковъ, притязавшихъ на его власть. Ссора и разрывъ съ Романовыми и ихъ родней поставили Бориса въ опасное положеніе тѣмъ, что лишили его партіи въ боярствѣ. Годуновы стали одиноки и потому слабы. Старая княжеская власть не признавала ихъ за своихъ, потому что придворная и чиновная карьера Годуновскаго рода создана была опричнинскими порядками московскаго дворца, направленными на погибель этой старой знати. Придворная же знать новѣйшей формаціи, въ которой первенствовалъ родъ «Никитичей» Романовыхъ, и съ которой былъ друженъ правитель Годуновъ, отшатнулась отъ него, когда онъ овладѣлъ престоломъ. Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ нѣдрахъ этой оппозиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о Самозванцѣ. Не князей «великой породы» заподозрѣлъ Борисъ въ самозванческой интригѣ,—Шуйскихъ, Голицыныхъ, Мстиславскаго онъ не задумался поставить во главѣ войскъ противъ Самозванца,—а другой слой боярства, очевидно, тотъ самый, который онъ подвергъ опалѣ и ссылкѣ въ 1600—1601 годахъ. Преслѣдуя своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій кружокъ, къ которому самъ когда-то принадлежалъ, и остался въ сущности

Οὐκ ἀφῆκεν αὐτὸν, ἕως ἤνεγκεν αὐτῷ σκῆπτρα βασιλείας
καὶ ἐξουσίαν τυραννούντων αὐτοῦ· ψευδεῖς δὲ ἔδειξε τοὺς μω-
μησαμένους αὐτὸν, καὶ ἔδωκεν αὐτῷ δόξαν αἰώνιον. Σοφ.

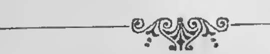
Admiratione uirtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
Scalpsit Lucas Kilianus Augustæ Vind. An. MDCVI

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Современный портретъ работы Луки Киліана. Гравированъ въ 1606 году.

одинокимъ среди московскаго боярства. Кромѣ его родни, ближайшихъ къ нему вѣтвей потомства мурзы Чета, у него теперь не было друзей. А тайные враги, разумѣется, были. Къ нимъ принадлежали, между прочимъ, до поры до времени сдержанные и покорные князья Шуйскіе, по родословцу «старѣйшіе братья» въ племени Александра Невскаго, и князья Голицыны, ведшіе себя отъ Гедимина, по своей молодости не имѣвшіе значенія въ пору возвышенія и правленія Годунова. А самозванческая интрига всколыхнула недовольныя народныя массы и нашла главную опору въ населеніи Сѣверской украйны, служившей убѣжищемъ для уходившихъ отъ крѣпостной неволи. Пока былъ живъ Борисъ, его правительственный авторитетъ и личные таланты удерживали еще въ повиновеніи ему московское общество, и Годуновы держались на верху порядка. Но въ самый напряженный моментъ борьбы съ поднявшейся смутой—13 апрѣля 1605 года—Борисъ отошелъ въ вѣчность. Князья-бояре сдѣлались хозяевами положенія и въ арміи, и въ столицѣ, и немедленно объявили себя противъ Годуновыхъ и за «царя Димитрія Ивановича». Ихъ затѣю приняли и поддержали отряды дѣтей боярскихъ, которые выступили противъ Годуновыхъ, а не за нихъ, хотя, казалось бы, именно этимъ провинціальнымъ служилымъ землевладѣльцамъ Борисъ благопріятствовалъ всего болѣе. Имѣли ли они твердое понятіе о томъ, что дѣлаютъ, или же полусознательно дозволили увлечь себя въ смуту, довѣряя своимъ вожакамъ и воеводамъ и искренно почитая Самозванца подлиннымъ царевичемъ, — это остается въ предѣлахъ простыхъ догадокъ. Правдоподобнѣе, впрочемъ, второе предположеніе. Состояніе умовъ въ войскѣ было такъ смутно, настроеніе такъ неопредѣленно, среди ратныхъ людей обращались такіе противорѣчивые слухи, что достаточно было одного рѣшительнаго толчка, и вся масса готова была податься по данному ей направленію. Измѣна воеводъ дала ей этотъ толчокъ, и Годуновы пали.

Такова была печальная судьба перваго избраннаго государя московскаго и его «династіи», угасшей на второмъ представителѣ, юношѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ.

Лжедимитрій I.

М. А. Поліевктова.

Личность одного изъ главныхъ героевъ Смуты остается до настоящаго времени невыясненной, и вопросъ о происхожденіи перваго Самозванца все еще продолжаетъ интересовать историковъ. Трудно даже говорить *о біографіи* Самозванца въ буквальномъ смыслѣ этого слова: намъ извѣстны обстоятельства лишь послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ его жизни. Отсутствіе положительныхъ данныхъ о происхожденіи того, кто называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, и сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о немъ до момента его появленія въ Польшѣ, не мѣшаетъ, однако, намъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе какъ о его личности, такъ и о его исторической роли.

Смутные слухи о томъ, что царевичъ Димитрій спасся отъ ножа убійцъ и живъ, начинаютъ ходить уже въ 1598 году, до избранія на царство Бориса Годунова. Когда въ царствованіе Бориса Россію постигли крупныя общественныя бѣдствія—голодъ, моръ и вызванные ими разбои, эти слухи принимаютъ болѣе упорный характеръ, и уже въ 1601 году приходитъ вѣсть о появленіи царевича Димитрія въ Польшѣ.

Какъ вполнѣ опредѣленная личность, Самозванецъ появляется только въ 1603 году на Волыни у князя Адама Вишневецкаго. Бѣжавъ изъ Москвы, постранствовавъ по южно-русскимъ монастырямъ, побывавъ въ Кіевѣ и попытавшись довольно неудачно, какъ говорила молва, завести рѣчь о своемъ происхожденіи съ самимъ Константиномъ Острожскимъ, онъ открылся князю Адаму. Онъ—сынъ царя Іоанна, законный наслѣдникъ московскаго престола, который вырветъ у узурпатора Годунова. Обширныя владѣнія Вишневецкаго, раскинувшіяся по обоимъ берегамъ Днѣпра, тянулись вплоть до московскаго рубежа; пограничныя недоразумѣнія давно уже создали крайне натянутыя отношенія между польскимъ магнатомъ и московскимъ правительствомъ, — и для Вишневецкаго представлялся удобный случай свести счеты съ Москвою, поддержавъ смѣльчака, съ помощью хотя бы тѣхъ же козаковъ, которые начали уже вокругъ него группироваться. Замысламъ Самозванца суждено было, однако, принять болѣе широкіе размѣры, выходящіе за предѣлы простого козацкаго набѣга. Вишневецкій писалъ о загадочной личности королю Сигизмунду III, король говорилъ объ этомъ папскому нунцію Рангони, и послѣдній не преминулъ сообщить объ интересной новости въ Римъ. Правда, оффиціальныя сферы отнеслись съ недовѣріемъ и къ самому новоявленному московскому царевичу и къ его замысламъ. «Sarà un altro Rè di Portogallo resuscitato» *),—помѣтилъ своею рукою на депешѣ Рангони папа Климентъ VIII, намекая на появлявшихся незадолго до этого въ Португаліи самозванцевъ лже-Себастіановъ. Сигизмундъ III также считалъ все предпріятіе не имѣющимъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ поручилъ кн. Константину Вишневецкому, родственнику князя Адама, привезти «царевича Димитрія» въ Краковъ. Путь въ столицу польскаго королевства шелъ для искателя московскаго престола черезъ Самборъ, резиденцію воеводы Сандомирскаго, Юрія Мнишка, тестя князя Константина.

*) «Еще одинъ возставшій изъ гроба португальскій король».

Игравшій въ свое время довольно сомнительную роль среди приближенныхъ Сигизмунда-Августа и еще болѣе скомпрометированный послѣ его смерти, Юрій Мнишекъ жилъ въ данный моментъ вдали отъ двора. Его когда-то значительное состояніе сильно пошатнулось; дѣлами благочестія и покровительствомъ католическому монашеству онъ старался возстановить свою во многихъ отношеніяхъ пострадавшую репутацію. Галиція переживала первые трудные годы соединенія съ римскою церковью. Католическому духовенству предстояло еще немало работы, и Самборъ сдѣлался центромъ, откуда исходила проповѣдь бернардинцевъ, направлявшаяся къ мѣстному, вновь обращенному населенію. Мнишекъ являлся постоянно защитникомъ этого ордена въ Польшѣ и старался выставить его заслуги передъ самимъ папскимъ престоломъ. Въ духѣ пламеннаго воинствующаго католицизма была воспитана бернардинцами и дочь Мнишка, Марина, жившая вдали отъ шумной придворной жизни. Орудіе личной мести противъ Москвы для Адама Вишневецкаго, замыслы московскаго царевича представляли для Мнишка удобный случай еще разъ выступить въ крупныхъ размѣрахъ поборникомъ католической вѣры и выставить въ выгодномъ свѣтѣ дѣятельность Бернардинскаго ордена, а сильное чувство къ Маринѣ, вскорѣ овладѣвшее сердцемъ претендента на московскій престолъ, обѣщало, казалось, полный успѣхъ планамъ ея отца. Въ Самборѣ новый гость былъ принятъ уже какъ истинный царевичъ. Здѣсь было подготовлено его обращеніе въ католичество. Отъ Мнишка и Константина Вишневецкаго исходили старанія расположить въ его пользу польское правительство и римскую курію. Въ сопровожденіи этихъ лицъ онъ отправился въ мартѣ 1604 года въ Краковъ. Мало чѣмъ отличавшееся вначалѣ отъ обычныхъ козацкихъ замысловъ, все дѣло принимало теперь характеръ правильно разработаннаго плана и получало польско-католическую окраску.

Оно было лишено этой окраски въ первые моменты своего развитія—таково положеніе, которое можетъ считаться въ настоящее время твердо установленнымъ въ исторической наукѣ. Кто именно былъ первый Самозванецъ—вопросъ этотъ до настоящаго времени не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Мнѣніе о томъ, что это былъ Григорій Отрепьевъ (личность вполнѣ историческая), какъ оффиціально заявляло само московское правительство, было впервые поколеблено Костомаровымъ, приводившимъ вѣскіе доводы противъ возможности подобнаго отожествленія. Позднѣйшія изслѣдованія Добротворскаго, Казанскаго и о. Пирлинга не позволяютъ, однако, считать старую точку зрѣнія совершенно отвергнутой.

Взглядъ на Самозванца какъ на истиннаго царевича Димитрія, котораго удалось спасти отъ рукъ убійцъ и во-время увезти изъ Углича, основывающійся прежде всего на извѣстіяхъ современника Маржерета, точно также находитъ сторонниковъ среди современныхъ изслѣдователей (къ нему, повидимому, склонялся и проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ), но ждетъ еще своего болѣе глубокаго обоснованія. Изъ всѣхъ гипотезъ можетъ считаться вполнѣ отвергнутой гипотеза заграничнаго (польскаго) происхожденія Самозванца. Обнародованное о. Пирлингомъ безусловно собственноручное письмо Самозванца къ папѣ Клименту VIII отъ 24 апрѣля 1604 года на польскомъ языкѣ, подвергнутое палеографическому и филологическому анализу (И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ и С. Л. Пташицкимъ), оказывается копіей, сдѣланной съ польскаго оригинала человѣкомъ, больше привыкшимъ къ русской рѣчи и письму, чѣмъ къ польской. Есть и другія указанія на то, что польская и латинская культура была лишь наноснымъ слоемъ на этомъ человѣкѣ, русскомъ по происхожденію и близко стоявшемъ къ кругу московскаго боярства. Само правительство Бориса Годунова, отожествляя Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ, сообщало, что онъ «жилъ у Романовыхъ во дворѣ», а нѣсколько позднѣе Василій Шуйскій заявлялъ, что Отрепьевъ «былъ въ холопехъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкасскаго». Даже если не настаивать на тожествѣ Самозванца съ Отрепьевымъ, нѣкоторыя черты его поведенія, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно подтверждаютъ его близость къ московскому боярству, и прежде всего, къ тѣмъ его представителямъ, которые являлись главными соперниками Бориса Годунова.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Фантастическій портретъ работы Іоде (1606).

Характерно и то, что слухи о Самозванцѣ появляются и усиливаются въ моменты, наиболѣе критическіе для личной карьеры Бориса: въ моментъ его избранія на царство и въ моментъ общественныхъ бѣдствій, подорвавшихъ его популярность среди московскаго населенія. Это подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые думаютъ, что онъ «былъ подготовленъ въ средѣ враждебныхъ Годунову московскихъ бояръ и ими былъ выпущенъ въ Польшу»*).

Въ Краковѣ, да и въ Римѣ, къ Самозванцу продолжали относиться сдержанно. Своею личностью и поведеніемъ онъ производилъ, правда, скорѣе выгодное для себя впечатлѣніе. При нѣкоторой самоувѣренности, онъ проявлялъ большое умѣніе держать себя, обходительность съ окружающими, интересъ ко всему, довольно развязное краснорѣчіе. Его отношеніе къ королю было болѣе чѣмъ почтительно. Взгляды, имъ высказываемые, должны были, казалось, расположить въ его пользу польское общество. Онъ любилъ говорить о распространеніи истинной католической вѣры въ Москвѣ, обнаруживалъ непріязненное чувство къ православному монашеству, вынесенное имъ изъ его собственнаго прошлаго; намекалъ на желательность упроченія дружественныхъ узъ между Польшею и Москвою въ виду опасности, грозившей имъ обоимъ и всему христіанскому міру со стороны Турціи. Походъ противъ послѣдней входилъ, повидимому, въ его политическіе планы. Наиболѣе осторожные изъ совѣтниковъ короля находили, однако, во всемъ этомъ дѣлѣ много неяснаго и рискованнаго и не считали возможнымъ идти

*) С. Платоновъ, «Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія». «Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія». 1904 г. № 32.

изъ-за какого-то авантюриста на открытый разрывъ съ Годуновымъ. Таково было мнѣніе обоихъ гетмановъ—польскаго и литовскаго—Замойскаго и Сапѣги; къ ихъ мнѣнію примыкали и наиболѣе опытные изъ военачальниковъ, Жолкѣвскій и Ходкевичъ. Янъ Острожскій предлагалъ просто-на-просто ассигновать Димитрію опредѣленный пенсіонъ и отослать его на всякій случай въ Римъ къ папѣ. Большинство, во всякомъ случаѣ, склонялось къ тому, что оффиціальное отношеніе Рѣчи Посполитой къ претенденту на московскій престолъ можетъ быть выяснено только на сеймѣ. И сеймъ, собравшійся уже послѣ вступленія Самозванца въ московскіе предѣлы, не нашелъ возможнымъ прямо и открыто стать на его сторону. Такое разрѣшеніе вопроса не соотвѣтствовало, однако, личнымъ разсчетамъ самого Сигизмунда III. Видя въ себѣ новаго защитника католицизма послѣ того, какъ было сокрушено могущество Филиппа II Испанскаго, онъ съ трудомъ могъ отказаться отъ поддержки предпріятія, сулившаго, казалось, новую побѣду римской церкви на сѣверѣ. 15 марта 1604 года король далъ Самозванцу аудіенцію въ замкѣ Вавель. Съ этого момента, продолжая оффиціально соблюдать самый строгій нейтралитетъ по отношенію къ Москвѣ, онъ лично постоянно проявлялъ къ Самозванцу самое горячее сочувствіе и даже оказывалъ ему щедрую поддержку. Самозванецъ могъ собирать на свой рискъ ополченіе, и Мнишку позволено было принять въ этомъ частнымъ образомъ ближайшее участіе. Тѣмъ временемъ и папскій нунцій Рангони, бывшій такимъ же представителемъ Самозванца передъ римской куріей, какимъ въ Польшѣ для него являлся самъ король, могъ порадоваться присоединенію московскаго царевича къ лону католической церкви. Въ Краковѣ, на ряду съ Мнишкомъ, Самозванецъ нашелъ новаго сторонника въ лицѣ воеводы краковскаго Николая Зебжыдовскаго. Черезъ этого послѣдняго у него завязались отношенія и съ польскими іезуитами, постаравшимися, такимъ образомъ, вырвать его изъ рукъ бернардинцевъ. Ученый теологъ іезуитъ Гаспаръ Савицкій первый пошелъ навстрѣчу этому сближенію, и старанія его скоро увѣнчались успѣхомъ. 24 апрѣля 1604 года, наканунѣ Пасхи, Самозванецъ принялъ католичество, о чемъ и поспѣшилъ увѣдомить собственноручнымъ письмомъ римскаго первосвященника. Въ этотъ же день онъ покинулъ Краковъ и вернулся въ Самборъ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Фантастическій портретъ 1683 г. изъ нѣмецкаго перевода книги Роколя „Les Imposteurs insignes“.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 24 мая въ Самборѣ былъ заключенъ брачный сговоръ между Мариною Мнишекъ и Самозванцемъ, титуловавшимся уже «славнѣйшимъ и непобѣдимымъ Димитріемъ Ивановичемъ, императоромъ Великой Руси, княземъ Углицкимъ, Дмитровскимъ и Городецкимъ, государемъ и наслѣдникомъ всѣхъ царствъ Московскаго государства». Въ даръ будущей царицѣ предназначались Новгородскія и Псковскія области съ правомъ заводить латинскія школы и учреждать католическія церкви и монастыри. Самъ Мнишекъ долженъ былъ получить Смоленскую и Сѣверскую области, не считая значительныхъ денежныхъ суммъ. Лѣто прошло въ военныхъ приготовленіяхъ. Подъ знамена Самозванца начали стекаться польское шляхетство и въ еще большемъ количествѣ козачество. Переправившись черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, Самозванецъ съ отрядомъ въ 3—4 тысячи человѣкъ въ концѣ октября 1604 года вступилъ въ московскіе предѣлы. На значительное усиленіе своего войска онъ могъ опять-таки разсчитывать со стороны козаковъ, какъ днѣпровскихъ, такъ и донскихъ, до которыхъ уже доходили его «прелестные письма», и которые давно уже поджидали его въ «полѣ». Пока въ Польшѣ старались создать изъ Самозванца орудіе польско-католической интриги, неспокойное населеніе юга Московскаго государства, раздраженное правительственной колонизаціей вольнаго «поля» въ интересахъ пограничной обороны, поднялось во имя защиты правъ царя Димитрія на Годунова. Поддержкою козачества, составившаго главную массу въ войскѣ Самозванца, и опредѣлились въ значительной степени его движеніе на Москву и характеръ имѣвшихъ при этомъ мѣсто военныхъ операцій.

Вступая въ предѣлы Московскаго государства, самъ Самозванецъ избралъ дорогу на Москву черезъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ и Калугу. Восточнѣе, черезъ Курскъ и Кромы должна была вторгнуться козацкая масса, которой и предстояло соединиться съ главнымъ отрядомъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь около Болхова. Первые шаги Самозванца были удачны Гарнизоны пограничныхъ крѣпостей Боровска и Чернигова перешли на его сторону. Подъ Новгородомъ - Сѣверскомъ его ожидало, однако, болѣе упорное сопротивленіе. Задержанный на избранномъ пути, онъ свернулъ на востокъ къ Сѣвеку, спѣша, очевидно, соединиться съ козаками, но на голову былъ разбитъ Мстиславскимъ и бѣжалъ назадъ въ Путивль, почти къ самому польскому рубежу. Положеніе его становилось критическимъ. Значительная часть польскихъ дружинъ разбѣжалась еще изъ-подъ Новгорода-Сѣверска, недовольная неаккуратною уплатою жалованья. Теперь ряды польскихъ отрядовъ еще болѣе порѣдѣли. Съ сѣвера надвигалась московская армія. Съ большимъ шумомъ начатая компанія сводилась, казалось, къ обычному исходу полуразбойничьяго набѣга. Дѣло приняло, однако, нѣсколько иной оборотъ. Пока московскіе воеводы гнали разбитаго Самозванца на югъ, полки козаковъ продвинулись далеко на сѣверъ, заняли Кромы, и донской атаманъ Корѣла имѣлъ случай удивить современниковъ своимъ инженернымъ искусствомъ, быстро соорудивъ цѣлый городъ подземныхъ укрѣпленій. Козачье войско очутилось въ тылу у московской арміи, и, когда Мстиславскій, почувствовавъ, откуда грозитъ главная опасность, поспѣшилъ повернуть на сѣверъ, онъ надолго уже долженъ былъ задержаться подъ Кромами и оказался почти

отрѣзаннымъ отъ Москвы. Сюда подъ Кромы въ московскую армію и пришло въ апрѣлѣ мѣсяцѣ извѣстіе о смерти въ Москвѣ царя Бориса.

При первыхъ слухахъ о появленіи Самозванца, Борисомъ Годуновымъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ предосторожности. Всѣ эти мѣры не достигали, однако, желаемаго результата. Слухи жадно ловились толпою, а оффиціальныя увѣдомленія о злодѣяніяхъ Гришки Отрепьева были приняты довольно холодно при иностранныхъ дворахъ—въ Польшѣ, Римѣ и германскимъ императоромъ. Достигнувъ московскаго престола, Годуновъ, съ другой стороны, какъ извѣстно, разошелся съ близкимъ ему кругомъ неродовитаго боярства, сильнаго своими родственными связями при старомъ дворѣ, и долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ. Въ минуту опасности онъ принужденъ былъ ввѣрить защиту государства представителямъ старыхъ княжескимъ родовъ—Мстиславскому, Шуйскимъ и Голицынымъ, оскорбленнымъ его возвышеніемъ и начинавшимъ теперь, въ свою очередь, подымать голову. Со смертью Годунова имъ некого было больше бояться, и они могли теперь начать дѣйствовать. Оставшійся въ Москвѣ В. Шуйскій началъ все громче и громче каяться въ своемъ грѣхѣ и разсказывалъ москвичамъ о спасеніи царевича Димитрія. Отправленный подъ Кромы къ войску П. Ѳ. Басмановъ, на которого возлагалъ надежду въ послѣдніе дни своего царствованія Борисъ Годуновъ, былъ человѣкъ безъ вліянія и значенія.

Въ арміи господствовало настроеніе, враждебное Годунову. Заручившись согласіемъ съ другими воеводами, Голицыными и Салтыковымъ, и поддержкой городскихъ ополченій заокскихъ городовъ, Басмановъ предпочелъ перейти на сторону Самозванца. Сдача московской арміи подъ Кромами была рѣшительною побѣдою послѣдняго надъ московскимъ правительствомъ Годуновыхъ. Путь къ Москвѣ былъ для него теперь расчищенъ, и онъ свободно подвигался къ цѣли, встрѣтивъ лишь незначительное сопротивленіе подъ Калугой и Серпуховымъ. Московскому правительству удавалось еще перехватывать его воззванія, обращенныя къ населенію. Но 1-го іюня Плещеевъ и Пушкинъ прочли, наконецъ, одно такое воззваніе въ Красномъ Селѣ подъ Москвою; толпа взяла ихъ подъ свою охрану, проникла съ ними въ Москву, гдѣ воззваніе вторично было прочитано на Красной площади. Московская чернь поднялась за Самозванца и, руководимая боярами, низвела съ престола Ѳеодора Годунова. 20 іюня послѣдовалъ торжественный въѣздъ Самозванца въ Москву.

Новые порядки, установившіеся въ Москвѣ со вступленіемъ на престолъ Самозванца, рѣзко отличались отъ вѣками выработаннаго чина московской придворной жизни. Если, однако, личное поведеніе и вкусы царя не соотвѣтствовали правиламъ московскаго хорошаго тона, то и его политика не во всемъ оправдала тѣ надежды, какія возлагали на него его друзья въ Краковѣ и Самборѣ.

Домъ Годунова былъ разрушенъ по приказанію Самозванца. Самъ онъ поселился, однако, не въ старомъ кремлевскомъ дворцѣ, но въ новомъ, наскоро отстроенномъ, поражавшемъ даже поляковъ богатствомъ своего убранства и своею помѣстительностью. Особа царя охранялась иностранными отрядами, во главѣ которыхъ стоялъ служившій еще при Годуновѣ капитанъ Маржеретъ. Со времени пріѣзда Марины этотъ новый московскій дворецъ зачастую оглашался застольною музыкою и былъ свидѣтелемъ шумныхъ баловъ на европейскій ладъ, такъ шокировавшихъ приверженцевъ московской старины.

21-го іюля Самозванецъ вѣнчался на царство. Древне-русскій обрядъ вѣнчанія былъ строго выполненъ даже въ тѣхъ его деталяхъ, которыя не совмѣстимы съ католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Царь любезно намекалъ зато бывшимъ при немъ іезуитамъ, что онъ преднамѣренно избралъ днемъ для своего торжества день св. Игнатія Лойолы.

При новомъ дворѣ стали появляться и новыя лица; возвращались и тѣ, которыя были удалены при Годуновѣ. Самозванецъ, видимо, не забылъ анаѳемъ, расточаемыхъ на него при Борисѣ патріархомъ Іовомъ. Іовъ былъ низведенъ, и его мѣсто занялъ рязанскій митрополитъ Игнатій. За нѣсколько дней до вѣнчанія на царство произошло свиданіе царя съ матерью, инокинею Марѳою, жившею въ селѣ Тайнинскомъ. Мать и сынъ встрѣтились на пути отъ Москвы къ Тайнинскому, и встрѣча имѣла, повидимому, самый задушевный характеръ. Во всякомъ случаѣ, сцена была разыграна въ совершенствѣ. Инокиня Марѳа признала своего сына; съ истинно-сыновнею почтительностью царь съ непокрытою головою шелъ рядомъ съ каретою царицы. Въ Москву вернулись Нагіе, Бѣльскій, Романовы,—все лица и семейства, пострадавшія при Годуновѣ. Романовы особенно были обласканы Самозванцемъ, и постриженный при Годуновѣ подъ именемъ Филарета Ѳеодоръ Никитичъ былъ возведенъ теперь въ санъ митрополита. Протягивая руку родственникамъ старой династіи, новый царь въ то же время видимо игнорировалъ представителей стараго родовитаго боярства. Обходя послѣднихъ при служебныхъ назначеніяхъ, онъ какъ бы возстановлялъ традиціи Іоанна Грознаго. «Самозванецъ, по мѣткому замѣчанію новѣйшаго историка, послѣдовательно старался возстановить прежнее положеніе боярскаго круга, разбитаго Годуновымъ... ту среду дворцовой знати, отъ которой всю вторую половину XVI вѣка терпѣли московскіе княжата» *). За перемѣнами въ личномъ составѣ приближенныхъ царя не послѣдовало какихъ-либо крупныхъ реформъ. Внутренняя политика Самозванца не была ознаменована сознательно-преобразовательною дѣятельностью. Культурныя начинанія Бориса не нашли въ немъ продолжателя. Лично жадный до знанія—даже во время похода на Москву онъ обнаруживалъ стремленіе пополнить свои научныя свѣдѣнія у сопровождавшихъ его іезуитовъ—онъ ничего не сдѣлалъ послѣ своего воцаренія для народнаго образованія, опасаясь, быть-можетъ, сопротивленія со стороны духовенства. Государственное управленіе точно также было затронуто мало. Есть намеки на то, что при Самозванцѣ была сдѣлана попытка возродить значеніе боярской думы, утраченное ею при Іоаннѣ Грозномъ, и нѣкоторые изслѣдователи готовы видѣть въ этомъ уступку съ его стороны боярству въ духѣ польскихъ аристократическихъ вольностей. Какихъ-либо точныхъ свѣдѣній о дѣятельности боярской думы при Самозванцѣ, однако, почти не сохранились, а то, что было только-что сказано объ его отношеніи къ старымъ боярскимъ родамъ, скорѣе противорѣчитъ послѣднему предположенію. Нѣкоторое облегченіе крѣпостныхъ отношеній и положенія крестьянъ и упорядоченіе взиманія податей сводились къ единичнымъ мѣропріятіямъ. Болѣе послѣдовательны стремленія Самозванца поднять промышленную дѣятельность и завязать правильныя торговыя сношенія Москвы съ европейскими государствами. При немъ были значительно расширены тѣ торговыя привилегіи, которыми со времени Іоанна Грознаго пользовались въ Россіи англичане, получившіе теперь право безпо-

*) С. Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты», стр. 290.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Современный портретъ, прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

Современный портретъ, прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

шлиннаго торга во внутреннихъ областяхъ государства. Подобныя же привилегіи были дарованы и польскому купечеству, подъ условіемъ, впрочемъ, соотвѣтствующихъ льготъ для русскаго купечества въ Польшѣ. Послѣ пріѣзда въ Москву Марины усилились, повидимому, торговыя сношенія съ Германіей; появлялись въ это время въ Москву представители и итальянскихъ фирмъ. Еще ближе, чѣмъ интересы промышленности и торговли, принималъ царь къ сердцу заботы о ратномъ дѣлѣ. Это соотвѣтствовало какъ его личнымъ вкусамъ, такъ и тѣмъ широкимъ, хотя и фантастическимъ планамъ агрессивной политики противъ Турціи, о которыхъ онъ такъ любилъ распространяться въ Самборѣ и Краковѣ. И въ этой области, однако, все свелось къ частностямъ—къ усиленнымъ военнымъ упражненіямъ, литью пушекъ, нѣкоторымъ инженернымъ усовершенствованіямъ. Извѣстный «адъ» Самозванца, о которомъ съ такимъ ужасомъ говорили москвичи, вѣроятно, былъ тоже нѣчто въ родѣ образцовой крѣпости, которою пользовались для стрѣльбы и артиллерійскаго ученія. Коренной реформы русскаго военнаго строя произведено не было. Во всемъ сказывался живой, подвижной и на все отзывчивый характеръ царя и полное отсутствіе продуманной программы.

Болѣе яркій, хотя и мимолетный, слѣдъ оставила по себѣ внѣшняя политика Самозванца. Извѣстія о московскихъ событіяхъ черезъ Краковъ и прямымъ путемъ довольно быстро проникали въ Европу. Бывшій при Самозванцѣ іезуитъ Лавицкій велъ журналъ своего пребыванія въ Москвѣ и переписывался какъ съ Краковомъ, такъ и самимъ генераломъ ордена Аквавивою. Нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ поддерживали сношенія съ мелкими итальянскими государями. Внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Москвѣ, и старый знакомый москвичей, іезуитъ Антоніо Поссевино, жившій въ то время въ Венеціи.

По мѣрѣ того какъ росъ успѣхъ Самозванца, измѣнялось отношеніе къ нему папской куріи, но только депеши Рангони за іюль 1605 г. окончательно утвердили преемника Климента VIII, Павла V, въ мысли воспользоваться новымъ царемъ какъ орудіемъ для насажденія католицизма въ далекой Московіи. Между Москвою и Римомъ завязались непосредственныя отношенія. Изъ Рима былъ посланъ племянникъ краковскаго нунція, князь Александръ Рангони. Одновременно съ этимъ и Самозванецъ отправилъ въ Римъ вышеупомянутаго Лавицкаго и увѣрялъ святѣйшаго отца въ своемъ намѣреніи объявить войну Турціи и поддерживать добрыя отношенія съ святымъ престоломъ и Польшею, несмотря на существующія разногласія съ польскимъ королемъ по вопросу о титулѣ. Почти тотчасъ послѣ воцаренія Самозванца начались и дипломатическіе переговоры между Москвою и Польшею, въ которыхъ вопросъ о бракѣ царя съ Мариною Мнишекъ постоянно перекрещивался съ заботами самого Сигизмунда расширить на счетъ Москвы предѣлы своего королевства и втянуть сосѣда въ свои собственные счеты со Швеціей. 1-го ноября 1605 г. прибылъ въ Краковъ чрезвычайный посолъ отъ Самозванца, дьякъ Аѳанасій Власьевъ, чтобы представлять собою особу царя при обрядѣ бракосочетанія послѣдняго съ Мариною, которое состоялось 19 ноября въ Краковѣ въ одной изъ залъ Краковскаго замка, временно обращенной въ капеллу. Рѣзко выдѣлялся московскій посолъ среди изнѣженнаго польскаго общества угловатостью своихъ манеръ и строгимъ отношеніемъ къ возложенной на него миссіи. На Власьевѣ лежала, однако, лишь показная сторона посольства; болѣе деликатные переговоры велись довѣреннымъ лицомъ при Самозванцѣ, его секретаремъ Яномъ Бучинскимъ.

Оставивъ вечеромъ въ день бракосочетанія Краковъ, Марина съ отцомъ направилась въ Самборъ, откуда и двинулась въ Москву въ концѣ февраля 1606 года. 8 апрѣля около Орши въ пасмурный дождливый день будущая московская царица вступила въ предѣлы своихъ новыхъ владѣній. Чуждая страна непривѣтливо встрѣчала пришелицу. На пути въ Москву не разъ происходили недоразумѣнія между сопровождавшимъ Марину духовникомъ ея мужа, іезуитомъ Савицкимъ, и мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ. Далеко не такимъ податливымъ, какъ можно было ожидать, судя по его прежнимъ обѣщаніямъ, которыя онъ расточалъ въ Самборѣ, оказался и самъ Самозванецъ.

Его отношеніе къ старымъ друзьямъ вообще замѣтно измѣнялось. По мѣрѣ того, какъ онъ началъ ощущать подъ собою твердую почву, вмѣстѣ съ самоувѣренностью росла въ немъ и заносчивость, которую должны чувствовать на себѣ не только москвичи, но и поляки. Въ переговорахъ съ Сигизмундомъ Самозванецъ проявлялъ большую долю непреклонности, какъ только рѣчь заходила о какой-либо земельной уступкѣ Польшѣ. Іезуитамъ казалось, что въ своемъ почтительномъ отношеніи къ православной церкви и религіи онъ переходилъ зачастую ту грань оффиціальной корректности, которая требовалась отъ него въ силу его сана. Поставленный въ патріархи Игнатій былъ извѣстенъ какъ убѣжденный противникъ латинства. Щедрость его простиралась не только на подчиненныя ему епархіи, но и на православныя братства Кіева и Львова. Въ своемъ пути въ Москву Маринѣ точно также пришлось подчиниться цѣлому ряду стѣснительныхъ требованій. Подъ Москвою она должна была провести нѣсколько дней въ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ и произошла ея первая встрѣча съ мужемъ, и даже въ праздникъ Троицы къ ней не былъ допущенъ никто изъ католическаго духовенства. А въ день коронованія, совершеннаго, какъ и вѣнчаніе на царство самого Самозванца, по строгому московскому церемоніалу, ей пришлось принять причастіе изъ рукъ православнаго патріарха. А вечеромъ во время свадебнаго пира Самозванецъ сумѣлъ дать почувствовать польскому послу Олесницкому разницу между нимъ, подданнымъ короля, и собою, московскимъ царемъ. Надежды, возлагаемыя на Самозванца Краковомъ и Римомъ, не оправдывались, и между старыми друзьями отношенія положительно начинали портиться.

Личное поведеніе царя и явное предпочтеніе, оказываемое имъ въ повседневномъ обиходѣ полякамъ, раздражало, однако, и русское населеніе. Присутствіе на православномъ богослуженіи католическаго духовенства, несоблюденіе царемъ русскихъ обрядовъ и неумѣніе его друзей, поляковъ, ужиться съ его коренными подданными, создавало непріязненное отношеніе къ царю московской черни. Этимъ легко было воспользоваться какъ тѣмъ, кто чувствовалъ себя обойденными при Самозванцѣ, такъ и тѣмъ, кому онъ былъ уже больше не нуженъ послѣ смерти Бориса. Замышлявшій на Самозванца въ моментъ его вступленія въ Москву, обвиненный и прощенный, кн. Василій Шуйскій снова вступаетъ теперь въ свойственную для него роль заговорщика. Къ маю 1606 года истинный царевичъ Димитрій опять обращается для Шуйскаго въ злодѣя и разстригу. Къ Шуйскому примкнуло не мало лицъ отъ московской знати, которыя и приняли руководство новымъ движеніемъ. Катастрофа не была неожиданностью для Кремля. Уже за нѣсколько дней до нея иностранцы предостерегали Самозванца. Какихъ-либо экстренныхъ

мѣръ предосторожности имъ принято не было, и утромъ 17 мая Шуйскій съ боярами овладѣлъ дворцомъ, а стрѣльцы заняли Кремль. Самозванецъ пытался спастись, выпрыгнувъ изъ окна, но неудачно, и сломалъ себѣ ногу. Здѣсь его нашли лежащимъ въ безпамятствѣ стрѣльцы. Прежде чѣмъ отъ него отреклась царица-инокиня Марфа, онъ былъ застрѣленъ дворяниномъ Валуевымъ, и трупъ его вмѣстѣ съ трупомъ его друга П. Басманова былъ выставленъ на Лобномъ мѣстѣ, откуда всего одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ провозглашенъ тѣмъ же Шуйскимъ истиннымъ царевичемъ Димитріемъ. Черезъ три дня его похоронили. Скоро, однако, трупъ былъ вырытъ снова и послѣ поруганія преданъ сожженію. Его пепломъ, смѣшаннымъ съ порохомъ, зарядили пушку и выстрѣломъ развѣяли прахъ Самозванца по вѣтру.

Такъ окончилъ свою жизнь первый Лжедимитрій. Стремясь къ престолу, онъ не ставилъ себѣ широкихъ государственныхъ задачъ, но преслѣдовалъ цѣль личнаго счастья: въ козачьей средѣ не могъ выработаться изъ него московскій типъ правителя-государственника. Необычайныя условія его возвышенія и паденія придали много романической красочности его царствованію. Онъ не опредѣлилъ дальнѣйшаго хода быстро развивавшихся событій, но самъ былъ подхваченъ и увлеченъ ихъ бурнымъ потокомъ. Смѣлый и самоувѣренный, онъ почти всегда оказывался орудіемъ въ рукахъ болѣе сознательныхъ и разсчетливыхъ дѣятелей, хотя, быть можетъ, и не тѣхъ, кого до сихъ поръ принято было считать его руководителями. Выдвинутый противъ Бориса московскимъ боярствомъ, первый Самозванецъ нашелъ себѣ главную поддержку въ козачествѣ; лишь позднѣе и далеко не успѣшно польское правительство и іезуиты попытались воспользоваться имъ ради своихъ собственныхъ политическихъ и религіозныхъ цѣлей.

Личность перваго Самозванца и событія его жизни очень скоро сдѣлались сюжетомъ какъ литературной обработки, такъ и художественнаго воспроизведенія. Его портреты, исполненные при его жизни, или передаютъ, повидимому, довольно вѣрно черты его лица, или нѣсколько идеализируютъ ихъ. По мѣрѣ того какъ послѣ смерти Самозванца его дѣйствительная біографія очень скоро начала окутываться туманомъ легенды, болѣе поздніе художники и граверы, стремясь удовлетворить любопытство публики, даютъ уже совершенно фантастическія изображенія. Наиболѣе достовѣрнымъ портретомъ Самозванца можетъ считаться воспроизводимая въ настоящемъ изданіи гравюра Луки Килиана (Аугсбургъ, 1606 г.). Портретъ изъ Сендомірскаго замка Вишневецкихъ (наход. въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ), изображающій Самозванца въ рыцарской кирасѣ, видимо, его идеализируетъ. Одинаковаго происхожденія съ этимъ послѣднимъ портретомъ—воспроизводимый нами портретъ Марины Мнишекъ. Гравюра голландскаго происхожденія работы Іоде (1606 г.) можетъ служить образцомъ перехода отъ реальнаго портрета къ фантастическому изображенію. Наиболѣе характернымъ фантастическимъ изображеніемъ является, однако, гравюра, приложенная къ нѣмецкому переводу книги Роколя «Les imposteurs insignes» (1683 г.), ни по костюму, ни по чертамъ лица ничѣмъ не напоминающая тотъ типъ, съ какимъ мы привыкли соединять представленіе о Самозванцѣ.

М. П.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

19 мая 1606 г.—17 іюля 1610 г.

С. В. Рождественскаго.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго представляетъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ моментовъ въ исторіи Смуты. При Шуйскомъ Смута разрастается въ широкое общественное движеніе, захватившее всѣ классы населенія и осложненное иноземнымъ вмѣшательствомъ, подвергнувшимъ серьезной опасности цѣлость и независимость Московскаго государства.

Родъ князей Шуйскихъ былъ одной изъ отраслей рода князей Суздальскихъ, которые вели свое происхожденіе, по однимъ даннымъ, отъ брата Александра Невскаго, Андрея Ярославича, а по другимъ—отъ сына Невскаго, Андрея Александровича, и въ XIV столѣтіи оспаривали у московскихъ князей великокняжеское достоинство. Столь высокое происхожденіе и родовыя традиціи выдвигали Шуйскихъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду княжатъ Рюриковичей. По утвержденію самого Василія Ивановича Шуйскаго, при его воцареніи, родъ его былъ даже старше угасшаго рода московскихъ государей, которые шли отъ младшаго сына Александра Невскаго. Занявъ при великомъ князѣ Василіи III первенствующее положеніе среди московскаго боярства, князья Шуйскіе были главными виновниками правительственной неурядицы, среди которой выросталъ Іоаннъ Грозный. Трагически погибшій въ 1543 г. кн. Андрей Михайловичъ Шуйскій былъ дѣдомъ будущаго царя. Сынъ кн. Андрея, Иванъ Андреевичъ въ 1569 г. былъ воеводой въ Смоленскѣ и въ 1573 г. погибъ въ Ливоніи. Въ эпоху опричнины Шуйскіе сумѣли настолько смириться и заслужить довѣріе царя, что попали въ составъ опричнаго «двора». Въ этомъ избранномъ кругу началъ свою карьеру и князь Василій Ивановичъ.

Время рожденія кн. Василія Ивановича въ точности не извѣстно: разные источники относятъ его къ 1542 г., 1547 г. и 1553 г. Видную роль въ придворной и военной службѣ князь Василій началъ играть въ послѣдніе годы жизни Грознаго: въ 1580 г. онъ былъ дружкомъ царя на бракосочетаніи его съ Маріей Нагой; въ послѣдующіе годы находился въ числѣ воеводъ, охранявшихъ южную границу государства отъ татаръ. Но за годъ до смерти Грознаго князь Василій возбудилъ противъ себя какія-то подозрѣнія: со всѣхъ его братьевъ была взята по немъ поручная запись. Со вступленіемъ на престолъ царя Θеодора, придворное положеніе князей Шуйскихъ должно было еще болѣе окрѣпнуть, благодаря свойству съ самыми близкими къ царю людьми: Борисомъ Годуновымъ, Н. Р. Юрьевымъ, кн. И. Θ. Мстиславскимъ. Самъ кн. Василій Ивановичъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на княжнѣ Е. М. Репниной, родствен-

Ц҃рь и великий кн҃зь
Василий Іоаннович
всеа Русии

ники которой находились въ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьей Романовыхъ. Внѣшнимъ знакомъ прочности занятаго Шуйскими положенія было пожалованіе князьямъ Василію и Андрею Ивановичамъ званія боярина по случаю вѣнчанія на царство Ѳеодора Ивановича.

Добрыя отношенія, связывавшія кругъ близкихъ къ царю по родству и правительственному значенію людей, скоро, однако, разстроились. Началась борьба Бориса Годунова съ его политическими соперниками, и въ этой борьбѣ Шуйскіе приняли дѣятельное участіе. Въ широко и тонко задуманной князьями Ив. П. и А. И. Шуйскими въ 1587 г. интригѣ противъ Годунова, князь Василій Ивановичъ прямо не участвовалъ: онъ «годовалъ» въ это время на воеводствѣ въ Смоленскѣ. Замыселъ Шуйскихъ сломить могущество царскаго шурина и «правителя» не удался. Шуйскіе попали въ ссылку, въ которой старшіе изъ нихъ погибли насильственной смертью, а Василій Ивановичъ съ братьями вскорѣ возвращенъ былъ въ Москву и снова успѣлъ завязать добрыя отношенія съ Годуновымъ. Своякъ послѣдняго, кн. Димитрій, получилъ въ 1591 г. званіе боярина, а кн. Василій въ томъ же году исполнилъ порученіе чрезвычайной важности: во главѣ особой комиссіи произвелъ разслѣдованіе объ убійствѣ въ Угличѣ царевича Димитрія. Въ результатѣ этого изслѣдованія было оффиціально объявлено, что смерть царевича приключилась «Божьимъ судомъ».

Принужденные смириться передъ Годуновымъ, сознавая свое безсиліе для прямой борьбы съ нимъ, Шуйскіе не могли, однако, отказаться отъ надежды сыграть когда-либо болѣе видную политическую роль, чѣмъ та, на которую они были обречены со времени опричнины. Удобнымъ моментомъ выйти, съ надеждой на успѣхъ, на широкую арену политической борьбы могло быть для Шуйскихъ прекращеніе династіи Калиты, когда возникъ вопросъ объ избраніи на Московское царство новой династіи. По словамъ одного источника («Новаго Лѣтописца»), при избраніи Бориса Годунова, Шуйскіе выступили его противниками: «князья Шуйскіе единые его не хотяху на царство: узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію; они же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша». Этому извѣстію новѣйшій историкъ смуты, проф. Платоновъ, не придаетъ цѣны. По его мнѣнію, «въ 1598 г. политическая роль Шуйскихъ еще не начиналась, и они, живя пока въ преданіяхъ опричнины, находились въ послушаніи у того самаго Годунова, надъ памятью котораго впослѣдствіи они такъ зло и неблагодарно надругались». Покорность Шуйскихъ новоизбранному царю не избавила, однако, ихъ отъ подозрительности послѣдняго. Ходили слухи, что Борисъ зорко слѣдилъ за Шуйскими, какъ и за другими князьями-боярами, и подвергалъ допросамъ тѣхъ, кто у нихъ бывалъ. Тѣмъ не менѣе, когда пришлось вступить въ открытую вооруженную борьбу противъ Самозванца, Борисъ не усомнился послать противъ него во главѣ войскъ именно знатнѣйшихъ бояръ-князей, въ томъ числѣ и Василія Шуйскаго. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что самозванческая интрига вышла не изъ среды княжеско-боярской аристократіи. Пока живъ былъ царь Борисъ, князья-бояре не измѣняли своему вѣрноподданническому и служебному долгу. Они передались на сторону Самозванца, когда престолъ занялъ молодой Ѳеодоръ Борисовичъ, не обладавшій ни авторитетомъ отца, ни вліятельной и преданной партіей сторонниковъ.

Въ виду приближавшагося торжества Самозванца особенно труднымъ было положеніе кн. Василія Шуйскаго. Въ критическую минуту его голосъ, какъ человѣка, нѣкогда оффиціально засвидѣтельствовавшаго фактъ смерти царевича Димитрія, долженъ былъ имѣть особенный вѣсъ. Но у Василія не хватило мужества принести въ жертву нравственному долгу свою личную карьеру. Когда молодой царь Ѳеодоръ отозвалъ его изъ войска въ Москву, онъ сначала торжественно подтвердилъ фактъ смерти царевича Димитрія, а затѣмъ тайно сталъ распространять молву, что названный царь Димитрій есть истинный царевичъ, спасенный въ Угличѣ отъ руки убійцъ; потомъ онъ поѣхалъ въ Тулу навстрѣчу Самозванцу ударить ему челомъ и, возвратясь въ Москву, привелъ населеніе къ присягѣ новому царю.

Передаваясь на сторону Самозванца, князья-бояре видѣли въ немъ лишь наиболѣе удобное орудіе для борьбы съ Годуновымъ. Когда же семья Годуновыхъ погибла, а Самозванецъ съ первыхъ шаговъ сталъ оскорблять московскихъ бояръ рѣзкимъ и безтактнымъ поведеніемъ и не обнаружилъ готовности вернуть имъ былое высокое политическое положеніе, то боярство скоро склонилось къ мысли о новомъ переворотѣ. Инпціативу въ этомъ дѣлѣ поспѣшилъ взять въ свои руки кн. Василій Шуйскій, который менѣе другихъ бояръ могъ разсчитывать на благоволеніе и довѣріе Самозванца. Но поспѣшность, съ какою Шуйскій съ братьями повелъ агитацію противъ Самозванца, только-что вступившаго въ Москву, едва не погубила его самого. Агенты Шуйскаго, которымъ поручено было распускать въ народѣ слухи, что новый царь «есть подлинно разстрига и хочетъ до конца разорить православную вѣру», начали дѣло такъ неосторожно, что злоумышленіе князя Василія скоро раскрылось, и онъ преданъ былъ суду собора изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. По словамъ лѣтописи, на томъ соборѣ ни «власти», ни боляре, ни простые люди,—никто не вступился за Шуйскихъ: «вси на нихъ же кричаху». Соборъ приговорилъ князя Василія къ смертной казни, а его братьевъ къ ссылкѣ. Были сдѣланы уже всѣ приготовленія въ Москвѣ, «на Пожарѣ», къ торжественной казни, Басмановъ прочиталъ народу грамату съ изложеніемъ вины Шуйскихъ, князь Василій мужественно положилъ голову на плаху, объявивъ, что умираетъ за правду и вѣру христіанскую; но въ послѣднюю минуту прискакалъ отъ царя гонецъ съ объявленіемъ, что князю Василію казнь замѣнена ссылкой. Шуйскихъ отправили въ ссылку, въ галицкіе пригороды, а имѣнія ихъ конфисковали. Все это дѣло происходило въ концѣ іюня или въ іюлѣ 1605 г. Но и на этотъ разъ князь Василій счастливо выпутался изъ бѣды. По легкомысленному ли великодушію, или изъ опасенія раздражить жестокимъ преслѣдованіемъ знатнѣйшаго боярскаго рода все вообще родовитое боярство, Самозванецъ скоро совсѣмъ простилъ Шуйскихъ и не только вернулъ кн. Василія въ Москву, но и приблизилъ его къ себѣ: Василій обѣдалъ за царскимъ столомъ и на свадьбѣ царя исполнялъ роль тысяцкаго. Въ то же самое время онъ готовилъ новый заговоръ вмѣстѣ съ другими боярами-князьями, которыхъ Самозванецъ напрасно старался расположить къ себѣ разными милостями. Какъ быстро созрѣлъ этотъ заговоръ, можно судить по тому, что уже въ началѣ 1606 г., едва Шуйскіе вернулись изъ ссылки, они, вмѣстѣ съ князьями Голицыными, поручили дворянину Безобразову, котораго Самозванецъ отправилъ посломъ къ Сигизмунду, тайно передать королю, что новый царь московскій—человѣкъ распутный, низкій и жестокій, что они, бояре, готовы свергнуть его и предложить московскій престолъ королевичу Владиславу. Тѣмъ временемъ въ самой Москвѣ быстро множились элементы, не-

довольные Самозванцемъ и готовые подняться на него. Профессоръ Платоновъ такъ объясняетъ причины, поставившія во главѣ возстанія, которое, по всей вѣроятности, вспыхнуло бы и помимо боярскаго заговора, именно князя Василія Шуйскаго, а не кого-либо другого изъ боярской среды: Шуйскій «уже первою весеннею попыткою пріобрѣлъ ореолъ «первострадальца», и въ глазахъ толпы его поведеніе было прямѣе и, такъ сказать, героичнѣе поведенія всякаго иного боярина, Мстиславскаго, Голицыныхъ и прочихъ. Голова его лежала на плахѣ: этого одного было достаточно, чтобы снискать уваженіе патріотовъ. Затѣмъ, Шуйскіе имѣли большія связи въ разныхъ кругахъ общества. Лѣтопись не разъ указываетъ на близость къ Шуйскимъ московскихъ купцовъ: въ видѣ догадки замѣтимъ, что эта близость образовалась по старинной вотчинной осѣдлости князей Шуйскихъ. Они имѣли вотчины въ клязьменскомъ краю, въ томъ районѣ, гдѣ сельскія поселенія достигли большаго развитія и отличались напряженіемъ торговаго оборота и разнообразіемъ производительнаго труда. Населеніе ихъ вотчинъ связано было съ московскимъ рынкомъ и связывало съ нимъ своихъ вотчинныхъ «государей». Насмѣшливое прозвище, данное въ народѣ князю Василію Ивановичу Шуйскому—«шубникъ», произошло отъ шубнаго промысла, который былъ развитъ въ старыхъ вотчинахъ его рода, Шуйскомъ уѣздѣ, откуда произошла и самая фамилія Шуйскихъ. Могли Шуйскіе разсчитывать, кромѣ собственно московскаго населенія, и на помощь иногородцевъ. Есть указанія, что они сумѣли присовокупить къ своему совѣту дѣтей боярскихъ новгородскихъ и псковскихъ, которые и сыграли въ возстаніи дѣятельную роль. Одинъ, правда мутный, источникъ сообщаетъ вѣроподобное извѣстіе, что Шуйскіе стянули въ Москву своихъ людей изъ разныхъ вотчинъ. Наконецъ, за Шуйскими пошли и воинскіе отряды, расположенные временно подъ Москвою для дальнѣйшаго «польскаго» похода въ Елецъ» («Очерки Смуты», 224).

17 мая 1606 г. подготовленный кн. Василіемъ Шуйскимъ и его сообщниками заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Самозванецъ погибъ, и власть очутилась въ рукахъ небольшого кружка бояръ, представителей родовитѣйшихъ княжескихъ фамилій. То были кн. Вас. Ив. Шуйскій съ братьями, кн. Вас. Вас. Голицынъ съ братьями, кн. Ив. Мих. Воротынскій и князь Ив. Сем. Куракинъ. Есть извѣстіе, что уже заблаговременно эти князья уговорились «разстригу беззаконнаго убити, а кому изъ нихъ по немъ на царство сѣсти, и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти». 19 мая на Красной площади собралась толпа народа, и кн. Василій Шуйскій былъ «выкрикнутъ» царемъ, по выраженію Соловьева. Между тѣмъ, боярство, не принимавшее участія въ заговорѣ 17 мая, думало о земскомъ соборѣ и на собраніи 19 мая предлагало избрать сначала патріарха, который въ безгосударное время долженъ былъ стать во главѣ собора и руководить дѣломъ избранія новаго царя. Но бояре заговорщики не надѣялись осуществить своихъ плановъ при посредствѣ земскаго собора и, пользуясь удобнымъ моментомъ, убѣдили народную толпу, что царь нужнѣе патріарха. Самъ Василій понималъ, повидимому, какое дурное впечатлѣніе должно произвести это избраніе помимо земскаго собора, и въ окружныхъ грамотахъ съ изложеніемъ событій 17—19 мая старался замаскировать незаконность своего избранія. Онъ увѣрялъ населеніе, что принялъ престолъ по челобитью освященнаго собора и бояръ и окольничихъ и дворянъ и приказныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ и дѣтей боярскихъ и гостей и торговыхъ и всякихъ людей Московскаго государства. Но не это «челобитье», которому Василій старался придать характеръ всенароднаго избранія, должно было служить главнымъ оправданіемъ его воцаренія, а «степень прародителей» его. Шуйскій особенно старался подчеркнуть въ своихъ грамотахъ, что онъ занялъ престолъ по праву рожденія, что Московское государство—его «отчина»: «учинилися есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ Государствѣ царемъ и великимъ княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего, великаго князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Россійскомъ Государствѣ быша прародители мои и по семъ на Суздальскій удѣлъ раздѣлишася не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, якоже обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати».

Но какъ ни старался Василій замаскировать незаконность своего избранія, это ему не удалось. Современники, русскіе и иностранцы, единодушно отмѣчаютъ, что царь Василій возведенъ былъ на престолъ «малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ», что онъ «сѣде царствовати безъ избранія земскаго», получилъ престолъ «по волчьему праву» и т. п.

Когда Василій былъ провозглашенъ царемъ, то, по разсказу лѣтописи, онъ пошелъ въ Успенскій соборъ и сталъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не повелось: «цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать безъ собору никакого дурна; отецъ виноватъ и надъ сыномъ ничего не дѣлать, а будетъ сынъ виноватъ, то отцу никакого дурна не дѣлать, а которая де была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, никакъ никому не мстить». Бояре и всякіе люди протестовали и говорили, чтобы онъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но царь не послушалъ и поцѣловалъ крестъ; а со всею землею и съ городами о томъ не ссылались,—прибавляетъ лѣтопись. Мало того, Василій не удовольствовался устнымъ клятвеннымъ обѣщаніемъ; оно было изложено въ особой крестоцѣловальной записи и разослано по всему государству. Въ оффиціальной редакціи записи есть одно существенное различіе сравнительно съ лѣтописнымъ разсказомъ: въ записи царь клятвенно обѣщаетъ творить истинный судъ «съ бояры своими» и ничего не говоритъ о «соборѣ».

Крестоцѣловальная запись царя Василія и извѣстія нѣкоторыхъ источниковъ объ ограниченіи его власти боярами подвергались различному толкованію въ исторической литературѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, власть Василія была формально ограничена Боярской Думой, держалась на политическомъ договорѣ съ боярствомъ; наиболѣе обстоятельно это мнѣніе развито проф. Ключевскимъ («Боярская Дума», 2-ое изд., гл. XVIII). «Старая династія, говорилъ онъ, собравшая боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными, извѣчными боярами своего дома. Бояре, съ своей стороны, видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ-быть, даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замыслы». Прекращеніе старой династіи, появленіе на престолѣ людей изъ среды самихъ же бояръ, Годунова и Шуйскаго, заставило боярство подумать объ обезпеченіи своего политическаго существованія. Въ статьѣ «Царь В. И. Шуйскій и боярство» («Историческое Обозрѣніе», V), сведя всѣ мнѣнія и свидѣтельства источ-

никовъ по данному вопросу, мы пришли къ заключенію, что торжественно данное всей землѣ обѣщаніе «истиннаго суда» не содержало въ себѣ по существу ограниченія власти Василія въ пользу боярства, что если и была сдѣлана попытка къ такому ограниченію, то она шла не отъ всего боярства, какъ цѣлаго, а отъ небольшого кружка бояръ-олигарховъ, посадившихъ Шуйскаго на царство. Наконецъ, проф. Платоновъ также не находитъ въ записи царя Василія ограниченія его власти. Эта запись, по его мнѣнію, «есть не договоръ царя съ боярами, а торжественный манифестъ новаго правительства, скрѣпленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василій говорилъ и думалъ, что возстановляетъ старую династію и старый порядокъ своихъ прародителей, «великихъ государей». «Старый порядокъ онъ понималъ такъ, какъ понимали люди его круга—родовитая знать, княжата, задавленные опричниною и теперь поднявшіе свою голову. Это былъ порядокъ, существовавшій именно до опричнины, до того періода опалъ, когда московскіе государи стали «всеродно» губить знать». При Шуйскомъ эта знать снова заняла первое мѣсто, и «устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только-что дѣйствовавшей системы и обѣщала истинный судъ и избавленіе отъ всякаго насильства и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства» («Очерки Смуты», 231—232).

Какъ бы ни толковать, однако, обстоятельства воцаренія кн. Василія Шуйскаго и его торжественныя обѣщанія, несомнѣнно, что новый царь неспособенъ былъ остановить широкое развитіе Смуты. Самая личность Василія не располагала къ себѣ сердца его подданныхъ. «Царь Василій — такъ изображаетъ его повѣсть князя Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго—возрастомъ малъ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣя; книжному поученію доволенъ и въ разсужденіи ума зѣло смысленъ; скупъ велми и неподатливъ; ко единымъ же къ тѣмъ тщаніе имѣя, которые во уши ему ложное на люди шептаху, онъ же сихъ веселымъ лицемъ воспріимаше и въ сладость ихъ послушати желаше; и къ волхвованію прилежаше, а о всѣхъ своихъ не радяше». Человѣкъ, такъ часто, передъ лицомъ всего народа, измѣнявшій своему слову, не могъ снискать необходимаго нравственнаго авторитета, и въ народѣ быстро росло убѣжденіе, что Василій—царь несчастный, что всѣ бѣды навлекъ онъ на землю своимъ «самоизбраніемъ» и «скоропомазаніемъ».

Самъ Василій торопился дать своей власти должную санкцію. Не дожидаясь выбора патріарха, онъ вѣнчался на царство; обрядъ совершенъ былъ 1 іюня новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ «въ присутствіи болѣе черни, чѣмъ бояръ», по свидѣтельству одного поляка. 3 іюня въ Москву торжественно привезено было тѣло царевича Димитрія, объявленнаго святымъ. Опасенія Василія были не напрасны: уже въ первые дни его царствованія стали обнаруживаться признаки новыхъ смутъ и крамолы. Маржеретъ разсказываетъ, что вскорѣ по воцареніи Василія нѣкоторые бояре, негодуя на то, что онъ избранъ безъ ихъ вѣдома, чуть-было не свели его съ престола. Въ этихъ первыхъ попыткахъ къ новой смутѣ оказались замѣшанными нѣкоторые виднѣйшіе бояре, Шереметевы, Мстиславскіе и другіе. Василій старался предупредить замыслы своихъ враговъ энергичными мѣрами, не гармонировавшими съ недавнимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ «истиннаго суда». Царь Василій говоритъ лѣтописецъ, вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, началъ мстить людямъ, которые ему грубили, бояръ и думныхъ дьяковъ и стольниковъ и дворянъ многихъ разослалъ по городамъ и по службамъ, а у иныхъ многихъ помѣстья и вотчины поотнималъ. За служилыми людьми начала волноваться и московская чернь, уже получившая вкусъ къ уличнымъ мятежамъ и грабежу, легко возбуждаемая подложными письмами и слухами о судьбѣ царевича Димитрія. Наконецъ, разстроились добрыя отношенія и между боярами-олигархами, возведшими Шуйскаго на царство: Голицынъ, Воротынскій, Куракинъ переходятъ въ ряды враговъ царя Василія. Общее недовольство и возбужденіе выразились въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе серьезныхъ попытокъ поднять населеніе Москвы противъ царя,—попытокъ, тайныя пружины которыхъ не всегда удавалось раскрыть. Только недостатокъ рѣшимости и организаціи до поры до времени не позволялъ врагамъ новаго правительства осуществить ихъ замыслы, и царь успѣвалъ болѣе или менѣе удачно тушить, иногда личнымъ вмѣшательствомъ, вспыхивавшій мятежъ.

Съ трудомъ ограждая свою безопасность въ самой столицѣ, правительство царя Василія оказалось уже совершенно безсильно справиться со Смутой, какъ стихійнымъ народнымъ движеніемъ, захватившимъ всю территорію государства и всѣ классы населенія.

Поднятое въ Сѣверской землѣ путивльскимъ воеводой кн. Шаховскимъ и даровитымъ Ив. Болотниковымъ возстаніе получило новый, небывалый дотолѣ характеръ соціальнаго междоусобія. Среди мятежниковъ, собравшихся подъ знаменами Болотникова, преобладающимъ элементомъ явились козаки, бѣглые крестьяне и холопы. Истиннымъ мотивомъ этого «воровскаго» движенія была не забота о возстановленіи законной династіи, а вражда къ высшимъ и состоятельнымъ классамъ, жажда мести за тѣ несправедливости соціальнаго строя, отъ которыхъ крестьянское и холопское населеніе центра государства спасалось въ «поле», на южныя окраины. По свидѣтельству патріарха Гермогена, заводчики мятежа въ своихъ «воровскихъ листахъ», разсылаемыхъ по городамъ, «велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; а шпынямъ и безымянникамъ-ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество». Одновременно поднялись, во имя спасшагося царя Димитрія, служилые люди на Рязанской украйнѣ подъ предводительствомъ Ляпунова и Сумбулова. Эти мелкіе провинціальные служилые люди не имѣли причинъ быть недовольными режимомъ перваго самозванца; правительство же Шуйскаго отталкивало ихъ своимъ аристократическимъ составомъ и олигархическими тенденціями. Кромѣ того, бояре, крупные землевладѣльцы, были экономическими соперниками провинціальнаго служилаго люда, мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ главныхъ центровъ, Сѣвера и Рязанской области, мятежъ разлился и по другимъ областямъ, захватилъ Поволжье, Астрахань, Пермь и Вятку. Скопища Болотникова соединились съ войсками Ляпунова и Сумбулова и въ октябрѣ 1606 г. осадили Москву. Царь Василій не могъ быть спокоенъ и за населеніе самой столицы, среди котораго было не мало элементовъ, сочувствующихъ анархическимъ стремленіямъ шаекъ Болотникова. Разладъ среди мятежниковъ спасъ Москву. Соціальные интересы служилыхъ людей, рязанскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, были несовмѣстимы съ разрушительными инстинктами скопищъ Болотникова. 15 ноября Ляпуновъ и Сумбуловъ со своими рязанцами «отъѣхаша отъ воровъ и пріѣхаша къ Москвѣ», а 2 декабря Болотниковъ былъ разбитъ и ушелъ сначала въ Калугу,

а потомъ въ Тулу. Царь лично предводительствовалъ войсками, осаждавшими этотъ оплотъ мятежниковъ, и только въ октябрѣ 1607 г. Тула была взята, и вожди мятежа захвачены. Расправа съ мятежниками была крайне жестокая: «воровъ» казнили сотнями и тысячами; цѣлыя области отдавались царскимъ войскамъ на грабежъ и разореніе. Возвратясь съ торжествомъ въ Москву, Василій въ январѣ 1608 г. отпраздновалъ свою свадьбу съ княжной М. П. Буйносовой-Ростовской, съ которою онъ былъ помолвленъ еще при самозванцѣ.

Глубокое соціальное значеніе мятежа 1606—1607 г. побудило царя Василія дѣйствовать не только военною силой, но также средствами моральнаго вліянія на народную массу и законодательными мѣропріятіями, касающимися обездоленныхъ классовъ населенія. Когда Болотниковъ осадилъ Москву, на все населеніе послѣдней былъ наложенъ покаянный постъ, а въ февралѣ 1607 г. Василій вызвалъ въ Москву бывшаго патріарха, престарѣлаго Іова, который въ Успенскомъ соборѣ торжественно разрѣшилъ москвичей во всѣхъ ихъ клятвопреступленіяхъ. Въ то же время появился рядъ публицистическихъ произведеній, имѣвшихъ цѣлью уничтожить легенду о спасеніи царевича Димитрія и освѣщавшихъ переживаемыя событія съ точки зрѣнія интересовъ правительства царя Василія. Но всѣ эти тенденціозныя произведенія не могли имѣть большого практическаго значенія.

Что касается законодательной дѣятельности Василія, то она находилась въ самой тѣсной зависимости отъ ясно обнаружившейся въ 1606—1607 г. гражданской смуты и имѣла цѣлью урегулировать правовое положеніе крѣпостного крестьянства и холопства. Указомъ 7 марта 1607 г. запрещено было поступать въ «добровольные холопи» безъ формальныхъ кабальныхъ записей, безъ вѣдома правительственныхъ органовъ: «не держи холопа, гласилъ указъ, безъ кабалы ни одного дни; а держалъ безкабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ». Мотивомъ этого закона, очевидно, было желаніе усилить средства надзора надъ тѣмъ обширнымъ классомъ общества, изъ котораго выходили наиболѣе опасные элементы всякихъ возстаній и мятежей. Но обычай добровольнаго, безкабальнаго холопства крѣпко привился, и боярскимъ приговоромъ 12 сентября 1609 г. возстановлено было дѣйствіе стараго закона 1597 г. о шестимѣсячномъ срокѣ добровольнаго холопства. Почти одновременно съ указомъ о добровольномъ холопствѣ, 9 марта 1607 г., явилось «соборное уложеніе» о крѣпостныхъ крестьянахъ, обсужденное въ торжественномъ засѣданіи Освященнаго собора и Боярской Думы. Это уложеніе устанавливало основаніемъ крестьянской крѣпости запись въ писцовой книгѣ, запрещало крестьянскій «выходъ» и опредѣляло 15-тилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ. Такимъ образомъ, законодательство царя Василія имѣло строго консервативный характеръ, послѣдовательно развивая принципъ закрѣпощенія, лежавшій въ основѣ всего соціальнаго строя Московскаго государства.

Не успѣлъ Василій покончить съ осадою Тулы, какъ въ августѣ 1607 г. появился второй самозванецъ, знаменитый Тушинскій воръ, сплотившій вокругъ себя и разсѣянныхъ-было «воровъ» Болотникова, и людей болѣе спокойныхъ слоевъ общества, но почему-либо недовольныхъ правительствомъ Шуйскаго, и смѣлыхъ польскихъ наѣздниковъ, искателей приключеній и наживы. Въ подлинность новаго самозванца «плохо вѣрили, его интересамъ служили дурно, но каждая общественная группа, бывшая при немъ, желала пользоваться его именемъ и властью для собственныхъ видовъ» (Платоновъ, «Очерки Смуты», стр. 273). Успѣхъ вора, осадившаго въ іюнѣ 1608 г. Москву, поставилъ царя Василія въ критическое положеніе. Отряды тушинцевъ и поляковъ расходились по странѣ, перехватывая главныя дороги, шедшія къ Москвѣ, и прерывая сношенія столицы съ другими центрами государства. Въ самой Москвѣ обнаруживались шатость и смятеніе: одни служилые люди разъѣзжались по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ, другіе прямо передавались вору. Государство явно раздѣлилось между двумя правительствами: московскимъ и тушинскимъ. Царь Василій вѣрно понималъ, что онъ можетъ ждать себѣ спасенья не столько отъ ненадежныхъ ратныхъ силъ, которыя находились у него подъ руками, сколько отъ того самостоятельнаго земскаго движенія въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ, которыя поднялись противъ самозванца, не будучи въ силахъ вынести тяжести разбойничьяго, воровского режима. Насколько позволяли силы и средства, царь пытался войти въ связь съ этимъ народнымъ движеніемъ и даже руководить имъ. Посылка князя М. В. Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ и организація имъ успѣшнаго похода къ Москвѣ были самымъ крупнымъ и блестящимъ результатомъ совмѣстной борьбы правительства и земщины противъ вора. Въ то же время Василій искалъ иноземной помощи. Лѣтомъ 1608 г. было заключено перемиріе съ Польшей, по которому польское правительство обязывалось вывести изъ Московскаго государства своихъ людей, служившихъ вору, и одновременно царь обратился за прямой, военной помощью къ шведскому королю Карлу IX, который еще во время возстанія Болотникова предлагалъ свои услуги.

Земское движеніе, поднявшееся на защиту государственнаго порядка, и шведская помощь лишь на короткое время улучшили положеніе царя Василія: Вору нанесенъ былъ сильный ударъ, и Москва избавилась отъ блокады. Но въ то же самое время надвинулся на Московское государство новый сильный врагъ: союзъ Василія съ шведскимъ королемъ послужилъ поводомъ къ вмѣшательству Польши въ московскія дѣла; въ сентябрѣ 1609 г. король Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Это вмѣшательство Сигизмунда имѣло одинаково гибельныя послѣдствія какъ для Вора, такъ и для царя Василія. Оно содѣйствовало разложенію тушинскаго лагеря и повело къ мысли о кандидатурѣ королевича Владислава, на которой сошлись представители тѣхъ слоевъ московскаго общества, которые одинаково враждебно относились и къ боярской олигархіи, посадившей на престолъ Шуйскаго, и къ анархическимъ стремленіямъ тушинскихъ воровъ. Договоръ съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 г., оффиціально поставившій кандидатуру королевича Владислава и отразившій въ себѣ интересы помянутыхъ среднихъ общественныхъ слоевъ, былъ жестокимъ ударомъ для царя Василія. Порвавъ со своими прежними единомышленниками, боярами-княжатами, утративъ всякій нравственный авторитетъ въ народной массѣ, имѣя передъ собой новаго соперника-претендента на московскій престолъ, Владислава, царь Василій не могъ опереться ни на одну сплоченную общественную группу и неминуемо долженъ былъ пасть.

Какъ ни легко, въ концѣ концовъ, совершилось низложеніе Василія, однако, тому предшествовалъ цѣлый рядъ неудачныхъ заговоровъ. Эти заговоры, руководимые мало-авторитетными и неэнергичными людьми, неоднократно разрѣшались безплодными демонстраціями уличной толпы. Василій находилъ возможнымъ лично выходить навстрѣчу къ мятежникамъ «мужественно и не убоявся отъ нихъ убійства» и смѣло говорилъ, что «безъ большихъ бояръ» ссадить его съ престола нельзя. Большіе же

Снимокъ

Потрета Князя Михайла Васильича Скопина.

бояре держали себя уклончиво и даже сами разбѣгались отъ мятежниковъ. Но послѣ смерти народнаго любимца, М. В. Скопина-Шуйскаго, и Клушинскаго пораженія, когда на Москву двинулись съ одной стороны вновь собравшійся съ силами Воръ, а съ другой—Жолкѣвскій, и положеніе Москвы стало явно безнадежнымъ, тогда во главѣ заговора стали видные и авторитетные люди. По изысканіямъ проф. Платонова, руководство послѣднимъ возстаніемъ противъ Шуйскаго исходило изъ двухъ общественныхъ центровъ: во главѣ одного стояли кн. В. В. Голицынъ, самъ мечтавшій о престолѣ, и братья Ляпуновы, во главѣ другого—Филаретъ Ник. Романовъ и сторонники Владислава.

Возстаніе, низложившее царя Василія, началось съ того, что предводители воровской рати, подошедшей къ Москвѣ, предложили москвичамъ: «вы убо оставите своего царя Василія и мы такожде своего оставимъ и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Предводимая Зах. Ляпуновымъ толпа москвичей, несмотря на противодѣйствіе патріарха Гермогена, принудила Василія отказаться отъ престола; его перевезли изъ дворца на его боярскій дворъ, а братьевъ арестовали. Но тушинцы обманули москвичей и на другой день, съѣхавшись для переговоровъ, говорили: «вы своего царя ссадили, забывъ крестное цѣлованіе; а мы за своего готовы умереть». Вызванное этимъ коварствомъ смущеніе дало-было Василію надежду вернуть себѣ власть: онъ сталъ склонять на свою сторону стрѣльцовъ, а Гермогенъ прямо увѣщевалъ народъ «паки возвести царя». Тогда заговорщики рѣшили довести дѣло до конца. 19 іюля Василія силою постригли въ монахи и отвезли въ Чудовъ монастырь, а жена его, также постриженная, водворена была въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Овладѣвшій Москвою гетманъ Жолкѣвскій потребовалъ отъ бояръ выдачи бывшаго царя и его братьевъ и перевелъ ихъ въ Іосифовъ-Волоколамскій монастырь, а затѣмъ увезъ Василія съ собой подъ Смоленскъ. Гетманъ не признавалъ законнымъ насильнаго постриженія Василія и позволилъ ему носить мірское платье. Подъ Смоленскомъ Василій пробылъ до самаго его взятія, а затѣмъ былъ отправленъ въ Варшаву. 29 октября 1611 г. происходилъ торжественный въѣздъ въ Варшаву Жолкѣвскаго. За экипажемъ гетмана везли въ королевской каретѣ Василія съ братьями. Бывшій царь одѣтъ былъ въ бѣлый шитый золотомъ кафтанъ и высокую шапку. Затѣмъ въ замкѣ, въ сенаторской избѣ, въ присутствіи сената, двора и прочей знати, Шуйскіе представлены были королю Сигизмунду. Жолкѣвскій произнесъ витіеватую рѣчь, поздравляя короля съ побѣдой надъ гордымъ нѣкогда и могущественнымъ царемъ московскимъ, нынѣ жалкимъ плѣнникомъ, повerженнымъ къ стопамъ короля. Разсказываютъ, что Василій держался съ тупымъ спокойствіемъ и послѣ рѣчи Жолкѣвскаго поклонился королю, коснувшись рукою земли. Послѣ этой тягостной церемоніи Шуйскіе поселены были въ Гостынскомъ замкѣ, гдѣ Василій и скончался въ сентябрѣ 1612 г. Вскорѣ за нимъ умеръ братъ его Димитрій и жена послѣдняго. Въ 1618 г. тѣла Шуйскихъ были перенесены въ Варшаву. При заключеніи Поляновскаго мира правительство царя Михаила Ѳеодоровича просило короля Владислава отпустить останки Шуйскихъ на родину. Поляки не сразу согласились удовлетворить эту просьбу. «Мы славу себѣ вѣковую, говорили они, учинили тѣмъ, что московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ, и погребены они честно, и устроена надъ ними каплица каменная». Наконецъ, дѣло было улажено, и тѣла Шуйскихъ выданы московскимъ посламъ. 10 іюня 1635 г. останки царя Василія были торжественно встрѣчены въ Москвѣ и на другой день погребены въ Архангельскомъ соборѣ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Платона Гр. Васенко.

Въ ряду замѣчательныхъ личностей, выдвинутыхъ Смутой начала XVII вѣка, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, успѣвшій за свою недолгую жизнь стать любимымъ героемъ народа и его пѣснопѣній. Этому способствовали и тяжелыя обстоятельства эпохи, въ которую побѣды Скопина были свѣтлымъ лучемъ надежды для истрадавшагося отъ «шатости» и «воровства» русскаго народа, и нежданная-негаданная смерть его, и, наконецъ, несомнѣнно личная обаятельность «великаго воина и воеводы», сошедшаго въ раннюю могилу во цвѣтѣ лѣтъ посреди напряженной дѣятельности. Скопинъ умеръ всего на 24-мъ году отъ рожденія. Онъ родился около 8-го ноября 1586 года. Принадлежа по происхожденію къ одной изъ наиболѣе знатныхъ фамилій въ государствѣ, князь Михаилъ Васильевичъ могъ разсчитывать на блестящую жизненную карьеру. Обстоятельства времени и личная даровитость Скопина способствовали необыкновенно быстрому возвышенію его. Способности будущаго «разсмотрительнаго воеводы» проявились весьма рано. «Богъ ему далъ», по выраженію его біографа-современника, «быстроту разума», такъ что Скопинъ «вскорѣ пріемлетъ книжное ученіе». Любознательность князь Михаилъ проявлялъ и впослѣдствіи, учась ратному дѣлу у иноземцевъ; кромѣ того, свои познанія онъ съ успѣхомъ примѣнялъ къ дѣлу, обучая при этомъ на новый ладъ и свои войска. Познакомившись съ немудрой наукой того времени, юноша Скопинъ былъ взятъ на службу ко двору «въ царскіе жильцы». Жильцы составляли нѣчто въ родѣ теперешней гвардіи. Въ ихъ рядахъ находились, съ одной стороны, выслужившіеся провинціальные дворяне, съ другой, подростки знатнѣйшихъ московскихъ родовъ. Князь Михаилъ Васильевичъ, принадлежа ко второй категоріи жильцовъ, могъ занять среди своихъ товарищей привилегированное положеніе. Однако, онъ держалъ себя очень скромно и тактично: онъ не гордился, не кичился своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ «на друговъ своихъ» и старался «тихимъ и молчаливымъ быть», что было очень трудно «въ толикое страстивое и нужное время».

Эпоха ранней юности Скопина совпала съ царствованіемъ

Годунова, при которомъ онъ былъ пожалованъ въ стольники. Начало же быстраго возвышенія князя Михаила падаетъ на время торжества Лжедимитрія. Исторія отношеній перваго Самозванца и Шуйскихъ извѣстна. Въ первые дни своего воцаренія Лжедимитрій всячески ласкалъ представителей этой фамиліи. Затѣмъ, узнавъ объ интригахъ князя Василія Ивановича и его ближайшей родни, подвергъ ихъ временной опалѣ. Ея избѣгнулъ даровитый юноша Скопинъ, вѣроятно, державшій себя тактично и осторожно. Лжедимитрій приблизилъ его къ себѣ, далъ ему званіе «великаго мечника», заимствованное новымъ царемъ изъ Польши, и послалъ Скопина за инокиней Мароой, бывшей царицей Маріей Нагой, матерью царевича Димитрія Углицкаго. Успѣшно исполнивъ свое порученіе, Скопинъ вернулся въ Москву, гдѣ долженъ былъ по званію великаго мечника занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди московскаго боярства. Переворотъ 17-го мая 1606 года, ниспровергнувшій Самозванца и посадившій на московскій престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, не могъ дурно повліять на карьеру родственника новаго царя тѣмъ болѣе, что политическія и соціальныя нестроенія въ государствѣ и вооруженныя возстанія народныхъ массъ давали полную возможность развернуться воинскимъ талантамъ Скопина. Послѣдній дѣйствовалъ съ успѣхомъ противъ отрядовъ Болотникова въ то время, какъ остальные воеводы царя терпѣли пораженія. Войска, предводительствуемыя княземъ Михаиломъ Васильевичемъ, относились къ нему съ любовью и довѣрчивостью; лишь разъ въ рати Скопина обнаружились шатость и измѣна царю Василью среди знатныхъ служилыхъ людей; однако, одинъ изъ участниковъ измѣны, князь Иванъ Катыревъ-Ростовскій, въ своей талантливо написанной «Повѣсти о смутѣ», съ большимъ уваженіемъ отзывается о князѣ Михаилѣ какъ «крѣпкомъ», «храбромъ и разсмотрительномъ воеводѣ» и отмѣчаетъ его «о своемъ дѣлѣ попеченіе».

Отъ своихъ ратныхъ подвиговъ Скопинъ отдохнулъ нѣсколько въ 1608 году; въ этомъ году онъ женился на Александрѣ Васильевнѣ Головиной. Черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы юный вождь долженъ былъ покинуть молодую жену. На него было возложено порученіе первостепенной важности и трудности. Правительство царя Василія не использовало во-время своей побѣды надъ возстаніемъ Болотникова, который послѣ многихъ неудачъ московскихъ воеводъ былъ, наконецъ, ими побѣжденъ. Оплошностью Шуйскаго воспользовался второй Самозванецъ, извѣстный Тушинскій Воръ. При помощи польскихъ отрядовъ и козацкихъ шаекъ Воръ захватилъ рядъ важныхъ пунктовъ на югѣ Московіи, а затѣмъ утвердился близъ столицы въ селѣ Тушинѣ; часть же его войскъ осадила Троице-Сергіевъ монастырь. Тогда царь Василій принужденъ былъ обратиться съ просьбой о помощи къ шведскому королю Карлу IX, предложенія котораго онъ до сихъ поръ отвергалъ. Князь Михаилъ Васильевичъ долженъ былъ отправиться на сѣверъ Московскаго царства съ цѣлью заключить союзный договоръ со Швеціей, а также организовать армію изъ жителей сѣверныхъ городовъ и идти противъ Вора и его войскъ. Безъ всякаго промедленія Скопинъ отправился въ путь. Надо имѣть въ виду, что ему приходилось дѣйствовать при очень тяжелыхъ условіяхъ. Хотя сѣверные города государства были менѣе другихъ охвачены смутой, но и тамъ успѣхи Вора производили довольно сильное броженіе. Такъ, въ Псковѣ, вскорѣ по пріѣздѣ князя Михаила въ Новгородъ, произошло открытое возстаніе противъ московскаго правительства, возникшее на почвѣ соціальной вражды между «лучшими» и «меньшими» псковскими людьми. Въ самомъ Новгородѣ настроеніе было неспокойное. Особенно недовольны были новгородцы самоуправствомъ и поборами второго своего воеводы, Михаила Игнатьевича Татищева, и дьяка Ефима Телепнева. Опасаясь послѣдствій народнаго неудовольствія, Татищевъ и Телепневъ задумали тайно покинуть городъ. Они убѣдили Скопина, дожидавшагося въ Новгородѣ результата переговоровъ со шведами посланнаго имъ въ Выборгъ своего шурина С. В. Головина, послѣдовать ихъ примѣру. Съ немногими людьми Скопинъ, Татищевъ и Телепневъ поспѣшно удалились изъ Новгорода 8-го сентября 1608 года, взявъ съ собой государеву казну. Остановившись въ 3-хъ приблизительно верстахъ отъ города, они вызвали прочихъ новгородскихъ начальниковъ и объявили имъ, что спѣшатъ въ Иваньгородъ, такъ какъ, судя по письму Головина изъ Выборга, надо торопиться съ наймомъ ратныхъ иноземцевъ. Бѣглецы, дѣйствительно, направились къ Иваньгороду, но жители его уже перешли на сторону Вора. Тогда Скопинъ и его спутники попытались занять Орѣшекъ. Однако, воевода этого города, знавшій отъ оставшихся въ Новгородѣ воеводы князя Куракина и дьяка Ивана Тимоѳеева, автора очень любопытнаго и цѣннаго «Временника» о Смутѣ, о самовольномъ уходѣ князя Михаила и товарищей его по странствію, не впустилъ ихъ. Онъ грозилъ даже арестовать Скопина и его спутниковъ, но преклонился на просьбы своего родственника, М. И. Татищева. Огорченные бѣглецы должны были скитаться въ дебряхъ пустыннаго края, и положеніе ихъ становилось трагическимъ.

Между тѣмъ въ Новгородѣ царила анархія, которую патетически описываетъ своимъ, къ сожалѣнію, вычурнымъ и малопонятнымъ слогомъ Иванъ Тимоѳеевъ. Оставшіеся въ городѣ Куракинъ и самъ Тимоѳеевъ были «отъ человѣкъ уничижени»; «владычествова же и царюя тогда во градѣ само живое Слово Божія Премудрости». Населеніе было страшно взволновано, и каждую минуту могъ вспыхнуть мятежъ. Вліятельные граждане старались лицемѣрно кроткими словами успокоить народъ. Наконецъ, митрополиту Исидору и другимъ лицамъ, пользовавшимся значеніемъ въ городѣ, удалось убѣдить новгородцевъ послать за популярнымъ Скопинымъ депутацію съ просьбой вернуться къ нимъ. Тогда злополучные бѣглецы съ торжествомъ прибыли въ Новгородъ по водному пути. Здѣсь они передъ всѣми гражданами повторили уже извѣстное намъ объясненіе причины ихъ внезапнаго отъѣзда. Этому объясненію не безъ основанія не вѣритъ Тимоѳеевъ, говоря, что они бѣжали «отъ вѣтра и отъ своея совѣсти». Замѣтимъ, что во всей этой исторіи дьякъ-писатель винитъ, главнымъ образомъ, Татищева и Телепнева, считая Скопина скорѣе жертвой интриги, чѣмъ участникомъ позорнаго поступка. Вскорѣ по возвращеніи князя Михаила Васильевича въ Новгородъ недавніе друзья, Татищевъ и Телепневъ, поссорились. Послѣдній донесъ Скопину, что первый хочетъ измѣнить царю Василью и, отправившись въ Москву, попытаться свергнуть его съ престола. Причина измѣны Татищева заключалась, по словамъ Тимоѳеева, въ томъ, что новгородскій воевода, оказавшій довольно большія услуги Шуйскому при его воцареніи, считалъ себя обойденнымъ наградой. Онъ былъ назначенъ вторымъ воеводой въ Новгородѣ въ прежнемъ чинѣ думнаго дворянина, а разсчитывалъ остаться въ столицѣ и сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, окольничимъ, если не бояриномъ. Узнавъ о замышляемой измѣнѣ Татищева, князь Михаилъ сообщилъ о ней новгородцамъ. Тѣ поспѣшили убить ненавистнаго воеводу, а трупъ его бросили въ рѣку. Имѣніе Татищева было конфисковано. Послѣ расправы съ Татищевымъ новгородцы окончательно успокоились, и положеніе воеводъ Шуйскаго въ этомъ городѣ упрочилось. Отрядъ

Кернозицкаго, высланный Воромъ для занятія Новгорода и подступившій къ нему въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1608 года, не имѣлъ большого успѣха, хотя и вызвалъ случаи частныхъ перебѣжекъ отъ Шуйскаго къ Самозванцу.

Вернувшись въ Новгородъ, Скопинъ занялся дѣятельнымъ собираніемъ и устроеніемъ рати, съ которой онъ долженъ былъ двинуться на выручку утѣсненной воровскими войсками столицѣ. Исторію этой организаціонной работы князя Михаила прослѣдилъ профессоръ Платоновъ въ своихъ извѣстныхъ «Очеркахъ по Исторіи Смуты». Было намѣчено нѣсколько важныхъ въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніи городовъ сѣвера и сѣверо-востока Россіи, каковы Вологда, Великій-Устюгъ и другіе, которые сдѣлались мѣстными центрами для стягиванья воинскихъ отрядовъ. Эти города сносились съ Новгородомъ, который игралъ роль общаго центра для всего предпріятія. И царь Василій, и Скопинъ разсылали всюду грамоты, разъясняя значеніе и размѣръ полномочій князя Михаила и требуя поддержки. Такими мѣрами къ веснѣ 1609 года удалось собрать въ Новгородѣ до 3000 русскаго войска. Тѣмъ временемъ Головину, цѣной уступки города Корѣлы, удалось заключить союзный договоръ съ шведскими уполномоченными. Къ маю собралась у Новгорода «нѣмецкихъ людей кованая рать», превышающая 15 тысячъ шведскихъ, французскихъ и другихъ наемниковъ, которымъ надо было платить большое жалованье. Главнымъ начальникомъ этой иноземной арміи былъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сдѣлавшійся впослѣдствіи благодаря своимъ талантамъ и подвигамъ военной знаменитостью Швеціи. Какъ русскій, такъ и шведскій полководцы были молодыми, полными силъ и отваги людьми. Делагарди шелъ всего 27 годъ, Скопину было лишь 22 года. Громаднаго роста, видный и статный собой князь Михаилъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на войска; полки Скопина не могли на него «назрѣться какъ на небесное солнце». Дѣйствительно, молодой вождь умѣлъ поддерживать порядокъ въ своей рати, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Объ этомъ говорятъ и рѣчи соратниковъ Скопина, произнесенныя ими передъ его трупомъ: «у тебя, государя нашего, въ полкѣхъ войска нашего и безъ казни страшно и грозно, а радостны и веселы». Въ то же время русскій вождь умѣлъ пріобрѣсть любовь и тѣхъ иностранцевъ, съ которыми ему пришлось ратоборствовать противъ враговъ. Онъ «сильно разумѣлъ какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть». И шведскій современный Скопину историкъ Видекиндъ замѣчаетъ, что князь Михаилъ отличался «умомъ, зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостью, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами». Даже враги Скопина, поляки, по словамъ дьяка Тимоѳеева, изумлялись русскому вождю и его воинскимъ талантамъ. Эти способности Скопина проявились во время похода соединенной шведско-русской рати къ Москвѣ. Медленно подвигаясь на югъ, сражаясь успѣшно съ войсками Вора, усиливая свои войска подходящими подкрѣпленіями изъ русскихъ городовъ, князь Михаилъ къ февралю 1610 года подошелъ къ столицѣ. Тушинскій Воръ бѣжалъ въ Калугу, Тушино перестало быть угрозой для москвичей. Успѣхъ Скопина обусловился, помимо удачныхъ дѣйствій русскаго и шведскаго вождей, вмѣшательствомъ въ московскія дѣла короля Сигизмунда. Послѣдній осадилъ Смоленскъ и перетянулъ въ свои войска многихъ польскихъ приверженцевъ Вора. Не слѣдуетъ забывать также и дѣятельности боярина Ѳ. И. Шереметева, очистившаго отъ смуты Поволжье и соединившагося въ подмосковной Александровской Слободѣ со Скопинымъ. Во всякомъ случаѣ, на долю князя Михаила выпала наиболѣе трудная часть дѣла и упорныя битвы подъ Торжкомъ, Тверью и Колязинымъ монастыремъ. За то и слава Скопина, а также народная любовь къ избавителю Москвы чрезвычайно возросли.

Въ народѣ начались толки, что любимый его герой достоинъ царскаго вѣнца. Объ этомъ говорятъ, между прочимъ, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ и намеки прибавленія къ псковской лѣтописи. Характеренъ также слухъ, сообщенный однимъ французомъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, о томъ, что царь Василій хочетъ отказаться отъ власти и предоставить выборъ царя Земскому Собору, который, по общему мнѣнію, посадитъ на Московскій престолъ Скопина. Наиболѣе нетерпѣливые люди не хотѣли ждать. Такъ, Прокопій Ляпуновъ отправилъ къ князю Михаилу изъ Рязани поздравительную грамоту, называя его царемъ и ругая Василія Шуйскаго. Скопинъ приказалъ-было арестовать посланцовъ Ляпунова и отослать ихъ въ Москву, но, тронувшись ихъ мольбами, разрѣшилъ имъ вернуться въ Рязань. Царь Василій получилъ обо всемъ этомъ доносъ «отъ злыхъ человѣкъ клеветниковъ» и сталъ очень подозрительно относиться къ знаменитому своему родственнику. Однако, не проявляя видимыхъ знаковъ неудовольствія, Шуйскій посылалъ къ Скопину милостивыя грамоты, въ которыхъ звалъ его въ Москву. Самъ русскій полководецъ намѣревался, не пріѣзжая въ столицу, двинуться во главѣ своей шведско-русской рати подъ Смоленскъ противъ польскаго короля. Делагарди раздѣлялъ мнѣніе Скопина, но пришлось повиноваться желанію царя. Торжественный пріемъ ожидалъ побѣдителей въ Москвѣ. Особенно горячо москвичи привѣтствовали своего популярнаго вождя. Братья же царя, а, главнымъ образомъ, честолюбивый, но бездарный Димитрій показывали явную враждебность князю Михаилу и старались всячески разсорить съ нимъ царя Василія. Видя враждебное настроеніе Шуйскихъ, Делагарди и другіе сторонники Скопина безпрестанно и настоятельно уговаривали его поспѣшить походомъ подъ Смоленскъ. Князь Михаилъ началъ подготовлять войска къ выступленію. Посреди приготовленій Скопинъ внезапно занемогъ на одномъ изъ многочисленныхъ пировъ, даваемыхъ тогда въ Москвѣ; это было крестинное торжество у князя Воротынскаго, у сына котораго князь Михаилъ былъ крестнымъ отцомъ, а жена князя Димитрія Шуйскаго крестной матерью. Перенесенный въ безчувственномъ состояніи домой, Скопинъ промучился около 2-хъ недѣль; у него были постоянное кровотеченье носомъ и жестокая лихорадка. Скончался Скопинъ въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля, сгорѣвъ на 24-мъ году своей недолгой, но обильной воинскими дѣлами жизни. Распространился слухъ о томъ, что молодой вождь отравленъ своей кумой. Есть извѣстіе, что толпа народа бросилась къ дому Димитрія Шуйскаго, котораго едва отстояли посланныя на выручку войска.

Вопросомъ о смерти Скопина и выясненіемъ причинъ ея много занимался авторъ обстоятельной біографической статьи о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ, профессоръ В. С. Иконниковъ. Тщательно разобравъ всѣ извѣстныя во время написанія его работы сообщенія и разсужденія современниковъ событія, В. С. Иконниковъ готовъ предположительно считать князя Димитрія Шуйскаго виновникомъ нежданной смерти Скопина. При этомъ названный изслѣдователь не вѣритъ въ причастность самого царя Василія къ злодѣянію его брата. Свои соображенія объ отравленіи князя Михаила В. С. Иконниковъ подкрѣпляетъ указаніемъ, что нѣкоторые яды производятъ такіе именно симптоматическіе признаки, какіе проявились у заболѣвшаго Скопина.

Трудно сказать, насколько вѣроятны были упорно державшіеся въ свое время слухи, перешедшіе и въ народныя поэтическія преданія, о томъ, что единственная тогда надежда русскихъ людей пала жертвой отравы. Мы не имѣемъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что именно насильственная смерть постигла Скопина. Скажемъ даже такъ: неожиданность кончины князя Михаила, враждебное отношеніе къ нему Шуйскихъ, соперничество съ нимъ нелюбимаго народомъ князя Димитрія могли создать почву и для невѣрнаго обвиненія противъ родни Скопина, а въ частности противъ старшаго изъ царскихъ братьевъ. Съ другой стороны, опытность Шуйскихъ въ интригахъ, нравы того времени и личныя свойства князя Димитрія позволяютъ, дѣйствительно, съ нѣкоторой вѣроятностью допустить, что смерть князя Михаила была слѣдствіемъ отравы. Прибавимъ, что и неизвѣстный проф. Иконникову дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ обвиняетъ родственниковъ Скопина въ его смерти, не выдѣляя при этомъ и царя Василія.

Смерть Скопина вызвала взрывъ непритворнаго горя всего народа. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуетъ рядъ современниковъ «таковаго мужа, воина и воеводы и на супротивныя одолителя». Особенно краснорѣчиво повѣствуетъ объ этомъ «Писаніе о преставленіи и погребеніи князя Михаила... рекомаго Скопина». По его словамъ, заливались горькими слезами осиротѣвшія мать и жена внезапно почившаго юноши, рыдали надъ безжизненнымъ тѣломъ своего вождя сподвижники Скопина, безутѣшны были шведы во главѣ съ Делагарди, тщетно старавшіеся при жизни князя Михаила помочь ему искусствомъ своихъ врачей. Весь народъ, отъ мала до велика, оплакивалъ кончину «доброхота земли русской». Не малую роль играли въ этомъ народномъ горѣ «безгодное время смерти» Скопина и слухи объ его отравленіи. Главнымъ же образомъ, личныя заслуги и душевныя свойства князя Михаила вызывали общую скорбь по немъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что современники князя Михаила подчеркивали непричастность его къ замысламъ пылкихъ приверженцевъ и почитателей «великаго, въ правдѣ истоваго воина и воеводы», а дьякъ Тимоѳеевъ прямо говорилъ о службѣ Скопина царю. На ряду съ такимъ мнѣніемъ нужно имѣть въ виду и многочисленные хвалебные отзывы о Скопинѣ какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ, въ томъ числѣ польскихъ, современниковъ русскаго полководца. Насколько высоко ставили нѣкоторые изъ близкихъ къ князю Михаилу лицъ его нравственныя свойства, видно изъ словъ одного слуги Скопина, приводимыхъ авторомъ помянутаго «Писанія»: «не подобаетъ убо таковому тѣлеси его въ земли разсыпатися; вѣмъ бо его тѣлесную чистоту, купно же и духовную». Самъ царь, видя общенародную скорбь, оплакивалъ князя Михаила. Должно-быть, Василій Шуйскій сознавалъ, что со смертью Скопина онъ лишился единственной поддержки своему правительству. Во всякомъ случаѣ, сонъ подьячаго посольскаго приказа, видѣвшаго незадолго до смерти князя Михаила внезапное паденіе одного изъ столповъ, поддерживавшихъ царскій дворецъ, по роковой игрѣ судьбы оказался зловѣщимъ пророчествомъ для царя Василія. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня смерти Скопина, какъ послѣ полнаго разгрома царскихъ войскъ, предводимыхъ на этотъ разъ корыстолюбивымъ и изнѣженнымъ Димитріемъ Шуйскимъ, при селѣ Клушинѣ царь Василій былъ сведенъ съ престола, и наступили тяжелыя времена междуцарствія. «Саможелатели царствія», замѣчаетъ по этому поводу Иванъ Тимоѳеевъ, «злосродніи сродницы» князя Михаила Васильевича «сами отломишася естественныя маслины» «ниже намъ того завистнѣ оставиша». Плѣнъ и униженіе въ далекой странѣ были удѣломъ людей, которые пожали горькіе плоды «зависти своея».

Станиславъ Жолкѣвскій.

К. В. Хилинскаго.

Богатая и знатная семья Жолкѣвскихъ пользовалась большимъ вліяніемъ въ той части нынѣшней Галиціи, которая подъ властью Польши называлась воеводствомъ Русскимъ. Здѣсь, въ селѣ Турынкѣ, неподалеку отъ Львова, у Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводы Русскаго, родился въ 1547 г. сынъ, названный тоже Станиславомъ, будущій полководецъ и государственный дѣятель. Годы дѣтства онъ провелъ въ деревнѣ, потомъ учился въ львовскихъ школахъ и поѣхалъ заканчивать образованіе за границу. Впослѣдствіи онъ очень отрицательно относился къ этимъ поѣздкамъ, но самъ, повидимому, времени за границей не терялъ, усердно учился и совершенствовался въ военномъ дѣлѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованій по Западной Европѣ, онъ возвратился въ Польшу очень образованнымъ, по тому времени, человѣкомъ: хорошо зналъ, кромѣ польскаго, шесть языковъ, былъ весьма свѣдущъ въ исторіи, юриспруденціи и военныхъ наукахъ. Въ 1575 г. онъ началъ свою службу государству.

Конецъ XVI вѣка былъ для Польши бурнымъ переходнымъ временемъ. Въ 1572 г. умеръ послѣдній король изъ дома Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ. Королевская власть уже ранѣе перестала быть наслѣдственной, но въ дѣйствительности она никѣмъ у Ягеллоновъ не оспаривалась; династія эта пользовалась большой популярностью, и избраніе короля имѣло только формальное значеніе. Теперь, когда нужно было избрать короля изъ другого дома, разгорѣлась, естественно, борьба партій, стремленій и интересовъ. За господствующее положеніе въ государствѣ боролись двѣ партіи: одна, «сенаторская», состояла изъ магнатовъ и стремилась къ олигархіи; другую, болѣе демократичную, составляла масса дворянства—шляхта. Во главѣ ея сталъ замѣчательный государственный человѣкъ, Янъ Замойскій. Послѣ недолгаго правленія Генриха Валуа—впослѣдствіи французскаго короля Генриха III—Замойскій провелъ избраніе Семиградскаго воеводы Стефана Баторія. Новому королю и Замойскому, его главному помощнику, пришлось силой защищать власть. Особенно опасно было возстаніе Гданска, противъ котораго былъ предпринятъ походъ; тутъ въ первый разъ отличился Станиславъ Жолкѣвскій (1577). Въ это время онъ сблизился

Rys. P. Czamanski, Ryt. M. Podoliński
Stanisław Żołkiewski
H. i K. W. K.

съ Замойскимъ, другомъ его отца, а черезъ Замойскаго попалъ въ число приближенныхъ самого короля. Благодаря этимъ связямъ блестящія дарованія молодого Жолкѣвскаго были скоро замѣчены, и онъ сталъ играть видную роль въ военной и политической жизни Польши. Онъ участвовалъ въ Ливонской войнѣ, командовалъ конницей во время осады Великихъ Лукъ (1580) и чуть не былъ убитъ подъ Псковомъ. Убѣжденный сторонникъ короля и канцлера Замойскаго, Жолкѣвскій, конечно, сталъ на ихъ сторону во время смуты, затѣянной магнатами Зборовскими. Одинъ изъ нихъ, Самуилъ, изгнанный за убійство каштеляна Ваповскаго въ воротахъ королевскаго замка, самовольно вернулся въ Польшу и дѣятельно агитировалъ противъ короля. Жолкѣвскій арестовалъ его, занявъ вооруженнымъ отрядомъ усадьбу одной родственницы Самуила, у которой тотъ находился, и привезъ его въ Краковъ. Здѣсь Зборовскій былъ казненъ (1584). Крутая расправа съ членомъ знатнаго и вліятельнаго семейства очень повредила и королю, и канцлеру, но болѣе всѣхъ Жолкѣвскому; его обвиняли въ нарушеніи закона, въ разбойническомъ нападеніи и т. д. Однако, процессъ, начатый Зборовскими, былъ прекращенъ, а сами они на этотъ разъ потерпѣли полную неудачу.

Вражда Зборовскихъ была не такъ опасна, пока жилъ король Стефанъ; но послѣ его смерти Жолкѣвскій, вѣрный помощникъ Замойскаго, опять сталъ подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ; во время сейма 1587 г., когда онъ заступалъ мѣсто отсутствовавшаго канцлера во главѣ его партіи, жизнь его подвергалась серьезной опасности; его чуть не убили сторонники Зборовскихъ; онъ долженъ былъ покинуть Варшаву, устроить за городомъ таборъ и отбиваться въ немъ отъ своихъ политическихъ противниковъ.

Положеніе Жолкѣвскаго улучшилось, когда на Польскій престолъ благодаря стараніямъ Замойскаго былъ избранъ шведскій королевичъ Сигизмундъ Ваза. Партія Зборовскихъ провозгласила королемъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, но подъ Бычиной Замойскій разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Въ этой битвѣ Жолкѣвскій командовалъ правымъ крыломъ польскаго войска и былъ раненъ въ колѣно. За заслуги, оказанныя имъ дѣлу Сигизмунда, онъ былъ назначенъ короннымъ польнымъ гетманомъ *).

Новый король преслѣдовалъ только свои династическіе и религіозные интересы; онъ не оправдалъ надеждъ патріотической партіи Замойскаго и Жолкѣвскаго и вскорѣ совершенно разошелся съ ними. Жолкѣвскій уѣхалъ къ южнымъ границамъ Польши и принялъ тамъ начальство надъ небольшимъ войскомъ, которое не получило жалованья и роптало. Дѣла на югѣ было много: постоянно бывали татарскіе набѣги (особенно въ 1595 и 1606 гг.); начинало волноваться козачество. Въ 1596 г. вспыхнуло возстаніе Лободы и Наливайки. Жолкѣвскій вмѣстѣ съ мѣстными магнатами усмирилъ козаковъ послѣ нѣсколькихъ битвъ (у Острополя, у Бѣлой Церкви и у Лубенъ); вожди возстанія были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Варшаву. Къ общему неудовольствію всѣхъ украинскихъ помѣщиковъ Жолкѣвскій заключилъ послѣ этого съ козаками договоръ; ему чуть было не пришлось употребить свои войска противъ одного изъ мѣстныхъ магнатовъ, князя Рожинскаго, который безконечными казнями могъ вызвать новые безпорядки. Жолкѣвскій былъ сторонникомъ той политики, какой держался по отношенію къ козакамъ король Стефанъ: онъ хотѣлъ имѣть въ нихъ сильное и дешевое пограничное войско, не посягая на ихъ самобытность и внутреннее устройство; политика эта не удалась, потому что ей мѣшало все болѣе распространявшееся крѣпостное право.

Кромѣ борьбы съ татарами и козаками, Жолкѣвскому приходилось также вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи и Валахіи, гдѣ польское вліяніе постоянно боролось съ турецкимъ. Въ 1599 г. коронные гетманы разбили у Тарговоста господаря Михаила и посадили на его мѣсто своего ставленника, Симеона Могилу. Когда не было военныхъ дѣлъ, Жолкѣвскій обыкновенно жилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Виннпкахъ; онъ выхлопоталъ ему права города и далъ новое названіе—Жулкевъ.

Тѣмъ временемъ политика Сигизмунда успѣла принести свои плоды: Швеція возстала противъ него, и король втянулъ въ борьбу съ ней Польшу (1601). Войну начали литовскія войска; въ 1602 г. на помощь имъ въ Ливонію былъ посланъ Жолкѣвскій съ коронными войсками, а вскорѣ туда явились самъ король, который всѣмъ портилъ дѣло, и Замойскій—главнокомандующій. Жолкѣвскій отличился въ этой войнѣ тѣмъ, что около Ревеля окружилъ и уничтожилъ значительный шведскій отрядъ (1603). Въ 1605 г. великій гетманъ литовскій, Карлъ Ходкевичъ, одержалъ надъ шведами блестящую побѣду при Кирхгольмѣ; но успѣхи на войнѣ не приносили пользы при бездарной политикѣ короля. Католическія и абсолютистическія стремленія Сигизмунда привели Польшу въ такое состояніе, что въ тотъ самый моментъ, когда побѣды въ Ливоніи и московская смута сулили королю и государству громадныя выгоды, въ странѣ разгорѣлось вооруженное возстаніе недовольной королемъ шляхты, съ Зебжидовскимъ во главѣ. Замойскаго въ это время уже не было въ живыхъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ возстановлять миръ. Задача была не изъ легкихъ. Какъ родственникъ Зебжидовскаго, гетманъ не внушалъ довѣрія королю; какъ предводитель войскъ, состоявшихъ почти исключительно изъ шляхты, онъ не могъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ шляхетскихъ сторонниковъ Зебжидовскаго; наконецъ, съ Жолкѣвскимъ спорили о власти Ходкевичъ и магнаты Потоцкіе, которые привели королю большое войско изъ Украины. Въ 1607 г. Зебжидовскій потерпѣлъ пораженіе при Гузовѣ; но возстаніе этимъ не окончилось, а Потоцкіе ушли на югъ, отвлеченные новыми смутами въ Молдавіи. Тогда Жолкѣвскій предложилъ королю рѣшить дѣло третейскимъ судомъ, если мятежники изъявятъ покорность: онъ боялся, что Россія, Швеція и Турція поспѣшатъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши. Но это предложеніе очень оскорбило короля; гетману пришлось оправдываться и увѣрять его въ своей вѣрности. Сигизмунду казалось подозрительнымъ и то, что Жолкѣвскій не вступалъ съ Зебжидовскимъ въ бой; но гетманъ нарочно медлилъ, такъ какъ каждый день проволочки ослаблялъ силы мятежниковъ: шляхта разъѣзжалась по домамъ. При такомъ положеніи дѣлъ возстаніе должно было окончиться безъ новаго боя; и, дѣйствительно, въ маѣ 1608 г. Зебжидовскій принужденъ былъ явиться въ Краковъ, былъ введенъ Жолкѣвскимъ въ сенатъ и торжественно просилъ у короля прощенія.

Возстаніе кончилось. Теперь Сигизмундъ могъ вмѣшаться въ московскія дѣла; до этого времени онъ не принималъ въ нихъ прямого участія. Жолкѣвскій относился къ авантюрѣ Юрія Мнишка и Самозванца очень скептически. Въ царское происхожденіе послѣдняго онъ совершенно не вѣрилъ и въ своемъ

---

*) Во главѣ польскихъ войскъ стоялъ великій гетманъ коронный, во главѣ литовскихъ—великій гетманъ литовскій. У каждаго изъ нихъ былъ помощникъ, польный гетманъ. Великимъ гетманомъ коронныхъ былъ тогда Замойскій.

сочинепіи о московской войнѣ *) называетъ его Разстригой, Гришкой Отрепьевымъ; виновникомъ смуты и войны онъ считалъ Сендомірскаго воеводу, о которомъ отзывался очень нелестно. Еще при жизни перваго Самозванца часть московскихъ бояръ сносилась тайно съ королемъ объ избраніи на царство королевича Владислава, но смута Зебжидовскаго не позволила тогда внимательно отнестись къ этому дѣлу. Когда она окончилась, перваго Лжедимитрія уже не было въ живыхъ, но положеніе дѣлъ въ Россіи позволяло ещё королю надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что за Владислава все еще стояли нѣкоторые бояре.

Сигизмундъ сообщилъ Жолкѣвскому о своемъ намѣреніи вмѣшаться въ московскія дѣла, но тотъ совѣтовалъ ждать рѣшенія сейма. Самъ онъ, повидимому, считалъ войну безполезной и не надѣялся, чтобы король располагалъ достаточными средствами для нея. Однако, она была рѣшена на сеймѣ 1609 г. Прежде чѣмъ уѣхать послѣ сейма изъ Варшавы, Жолкѣвскій имѣлъ у короля продолжительную аудіенцію и предложилъ ему свой планъ военныхъ дѣйствій: идти къ Москвѣ не черезъ хорошо укрѣпленный Смоленскъ, а черезъ Кіевъ и сѣверскіе города; занять всѣ пути сообщенія между Москвой и Смоленскомъ—если возможно будетъ, то взять и столицу—и тогда покончить дѣло со Смоленскомъ. Далѣе, зная, что король самъ разсчитываетъ занять московскій престолъ, гетманъ предупредилъ его, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и что возможно лишь избраніе на царство Владислава. Сигизмундъ не далъ опредѣленнаго отвѣта, но заявилъ, что разсчитываетъ на добровольную сдачу Смоленска (объ этомъ велись тогда тайные переговоры). Жолкѣвскій уѣхалъ въ Жулкевъ и сталъ готовить войска къ походу. Во время его отсутствія у короля сложился иной планъ войны: онъ хотѣлъ взять Смоленскъ и двигаться затѣмъ къ Москвѣ, опираясь на эту крѣпость. Можетъ-быть, этотъ планъ былъ правиленъ, но Жолкѣвскій, убѣжденный въ трудности его осуществленія, постоянно совѣтовалъ королю отказаться отъ него. Гетманъ не вѣрилъ въ успѣхъ похода, тѣмъ болѣе, что самъ король собирался въ немъ участвовать; ему тяжело было вести войну по плану, который онъ считалъ неправильнымъ; поэтому онъ написалъ Сигизмунду письмо и просилъ освободить его отъ командованія; онъ ссылался на свой преклонный возрастъ и на усталость. Но король сталъ настаивать на своемъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ повиноваться.

Тѣмъ временемъ Сигизмундъ медлилъ, какъ всегда. Весной 1609 г. онъ прислалъ Жокѣвскому только реестры войскъ; въ Краковѣ, куда уѣхалъ король, никто не думалъ о военныхъ приготовленіяхъ. Только въ іюнѣ собралось войско; король выступилъ въ походъ и около Люблина встрѣтился съ Жолкѣвскимъ. Гетманъ доказывалъ королю, что время для похода упущено, но оставлять дѣло было уже поздно; польскіе отряды медленно направились черезъ Вильно и Оршу къ Смоленску и въ сентябрѣ приступили къ осадѣ. Жолкѣвскій полагалъ, что сладить съ крѣпостью будетъ трудно; тѣмъ не менѣе, онъ принялъ на себя руководство осадными работами и сталъ обстрѣливать городъ, безъ большого, впрочемъ, успѣха. Тѣмъ временемъ королевскія войска увеличивались въ числѣ; однихъ запорожцевъ пришло около 40 тысячъ. Такъ какъ приходилось ограничиться блокадой города, то гетманъ сталъ совѣтовать королю оставить подъ Смоленскомъ козаковъ и идти съ другими войсками къ Москвѣ. Въ это время успѣхи Скопина (котораго Жолкѣвскій очень хвалитъ въ своемъ сочиненіи) осложнили задачи королевскаго войска. Польскіе и козацкіе партизанскіе отряды подъ Москвой были частью уничтожены, частью должны были отступить. Гетманъ надѣялся, что приближеніе значительнаго польскаго войска заставитъ эти отряды соединиться съ нимъ и дастъ возможность управиться съ царемъ Василіемъ. Но Сигизмундъ настоялъ на продолженіи осады; Жолкѣвскій могъ только занять города отъ Дорогобужа до Путивля и долженъ былъ этимъ ограничиться. Тѣмъ временемъ къ королю явилась депутація отъ польскихъ партизановъ и потребовала, чтобы онъ «не отнималъ у нихъ плодовъ ихъ кровавыхъ трудовъ». Канцлеръ далъ отъ имени короля очень суровый отвѣтъ, но Жолкѣвскій постарался расположить депутатовъ къ себѣ, не теряя надежды воспользоваться въ будущемъ отрядами Сапѣги и другихъ партизановъ. Этотъ разсчетъ имѣлъ тѣмъ болѣе основаній, что царскія войска продолжали тѣснить польскіе и козацкіе отряды. Уже послѣ смерти Скопина Дим. Шуйскій осадилъ Бѣлую, гдѣ оборонялся Гонсѣвскій; король могъ дождаться московскихъ войскъ подъ Смоленскомъ. Только тогда онъ рѣшился послушаться Жолкѣвскаго и послать впередъ часть своего войска. Сначала предполагалось, что Жолкѣвскій останется подъ Смоленскомъ, но потомъ король рѣшилъ отправить именно его. Гетманъ взялъ съ собой 2000 конницы, 1000 пѣхоты, 3000 козаковъ и нѣсколько легкихъ орудій (къ этимъ силамъ позже присоединилось еще нѣсколько полковъ) и быстро пошелъ къ Шуйску, а оттуда—подъ Царево-Займище (іюнь 1610). Здѣсь былъ значительный русскій гарнизонъ съ Валуевымъ и Елецкимъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ поляки приступили къ осадѣ города, занявъ предварительно можайскую дорогу, по которой могла прійти помощь осажденнымъ. Но Царево-Займище хорошо оборонялось, а Жолкѣвскій получилъ извѣстіе, что по можайской дорогѣ идетъ войско Димитрія Шуйскаго съ иноземными отрядами Делагарди и Горна. Положеніе польскаго войска было очень опаснымъ; оно это знало и требовало отступленія; въ полкахъ говорили, что гетману надоѣла жизнь, и онъ хочетъ погубить съ собой войско. Жолкѣвскій съ трудомъ успокоилъ волненіе. Онъ послалъ письмо къ отряду Горна, предлагая его солдатамъ оставить московскую службу, и это нѣсколько подѣйствовало на наемниковъ. Но Дим. Шуйскій продолжалъ походъ и подошелъ къ деревнѣ Клушину, гдѣ остановился на ночь съ 23 на 24 іюня. Узнавъ объ его приближеніи, Жолкѣвскій собралъ военный совѣтъ; на немъ не пришли къ опредѣленному рѣшенію, и тогда гетманъ своей властью рѣшилъ идти навстрѣчу Шуйскому. 23 іюня онъ весь день держалъ войско на виду у осажденныхъ; когда стемнѣло, онъ оставилъ передъ Царевымъ-Займищемъ незначительный отрядъ, а съ остальнымъ войскомъ (около 8000 человѣкъ при 2 фальконетахъ) быстро пошелъ лѣсами къ Клушину. Шуйскій и его помощники были увѣрены въ побѣдѣ; Делагарди вспоминалъ, какъ онъ попалъ въ Ливоніи въ плѣнъ къ полякамъ, и какъ Жолкѣвскій подарилъ ему рысью шубу; онъ обѣщалъ отблагодарить его теперь собольей. Дѣйствительно, русское войско было въ нѣсколько разъ больше отряда Жолкѣвскаго, но оно было плохо обучено, истомлено тяжелымъ походомъ, а начальники пренебрегали всѣми мѣрами предосторожности. Жолкѣвскій подошелъ къ Клушину, когда въ русскомъ лагерѣ еще все спало, но не могъ сейчасъ же напасть на него, потому что долженъ былъ устранить нѣкоторыя препятствія передъ собой: поломать плетни,

*) «Начало и развитіе Московской войны въ правленіе Е. В. Сигизмунда III, при начальствѣ г. Станислава Жолкѣвскаго, воеводы Кіевскаго, гетмана польнаго короннаго».

сжечь двѣ деревни. «Москвичи и иноземные солдаты»—пишетъ онъ съ полной откровенностью—, «не зная причины этого промедленія, приписывали его великодушію пана гетмана, будто онъ могъ напасть на нихъ сонныхъ, но не хотѣлъ и далъ время приготовиться; однако, вѣрно имъ не пришлось бы ждать, если бы не было указанныхъ причинъ». Сраженіе продолжалось долго, но день 24 іюня окончился полной побѣдой гетмана: войско Шуйскаго было разсѣяно, часть иноземныхъ отрядовъ сдалась въ плѣнъ, и поляки взяли въ лагерѣ огромную добычу.

Сейчасъ же послѣ битвы Жолкѣвскій вернулся подъ Царево-Займище; не имѣя надежды на помощь, Валуевъ долженъ былъ сдаться и поцѣловать крестъ Владиславу; но онъ выговорилъ рядъ условій: гетманъ обѣщалъ, что православіе будетъ сохраняться въ неприкосновенности; Владиславъ долженъ былъ править, какъ прежніе цари, не давать преимуществъ полякамъ; король долженъ былъ отказаться отъ Смоленска, когда эта крѣпость присягнетъ его сыну. Жолкѣвскій подписалъ эти условія (отъ которыхъ позже долженъ былъ отрекаться); врядъ ли онъ имѣлъ въ виду толковать ихъ въ нежелательномъ для москвичей смыслѣ: вѣроятно, онъ самъ признавалъ ихъ за minimum московскихъ требованій или надѣялся измѣнить кое-что въ окончательномъ договорѣ. Вслѣдъ за Царевымъ-Займищемъ Владиславу присягнули другіе города: Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище и Іосифовъ монастырь; къ польскому войску присоединилось нѣсколько тысячъ русскихъ ратныхъ людей.

Впечатлѣніе отъ Клушинскаго боя было очень велико: въ Москвѣ началась суматоха; отряды Тушинскаго Вора подступили къ столицѣ; дни царствованія Шуйскаго были сочтены. О своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ царю Василію Жолкѣвскій разсказываетъ такъ: «Гетманъ пересылалъ тайно въ Москву много писемъ съ универсалами, ради возбужденія ненависти къ Шуйскому, указывая, что при его правленіи въ московскомъ царствѣ всѣ дѣла идутъ плохо, и постоянно изъ-за него и для него льется христіанская кровь. Эти универсалы разбрасывали по улицамъ; а въ частныхъ письмахъ онъ давалъ нѣкоторымъ обѣщанія»... Повидимому, уже тогда у гетмана были хорошіе помощники среди московскихъ бояръ. Онъ слалъ письма также къ брянскимъ и смоленскимъ дворянамъ, бывшимъ въ Москвѣ; тѣ отвѣчали, что въ его грамотѣ ничего не говорится насчетъ принятія Владиславомъ православія. Жолкѣвскій написалъ имъ, что это—дѣло патріарха и духовенства; онъ, очевидно, не хотѣлъ брать на себя рѣшенія вопроса (а самъ называлъ въ своемъ сочиненіи такое требованіе абсурдомъ). 17 іюля Василій Шуйскій былъ низложенъ. Извѣстіе объ этомъ застало Жолкѣвскаго въ Можайскѣ; онъ тотчасъ поспѣшилъ къ Москвѣ. Съ дороги онъ слалъ въ столицу новыя письма: просилъ Мстиславскаго бережно охранять Шуйскихъ; давалъ знать боярамъ, что, идетъ противъ Самозванца и хочетъ исполнить королевскую волю: прекратить кровопролитіе, ввести порядокъ. Бояре отвѣчали, что не нуждаются въ его помощи, и просили не подходить къ Москвѣ; гетманъ, конечно, продолжалъ путь, и 24 іюня сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ города, на Хорошевскихъ лугахъ. Съ другой стороны, на серпуховской дорогѣ, былъ уже Самозванецъ, и его отряды жгли подмосковныя села и слободы. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи бояре предпочли поляковъ; Мстиславскій прислалъ къ гетману нѣкоего Телюшкина спросить, другомъ или недругомъ пришелъ онъ къ Москвѣ. Жолкѣвскій принялъ пословъ съ честью и повторилъ прежнія обѣщанія. Въ тотъ же день онъ пропустилъ въ станъ короля подъ Смоленскомъ посольство отъ «царя Димитрія», но съ нимъ самимъ отказался вступать въ сношенія; впрочемъ, онъ кое-какъ установилъ modus vivendi съ партизанскими войсками Сапѣги.

26 іюля польское войско стало у самой Москвы, и вскорѣ начались переговоры объ избраніи на царство Владислава—сначала въ письмахъ, а потомъ, по настоянію гетмана, въ личныхъ свиданіяхъ его съ московскими уполномоченными у Дѣвичья монастыря. Москвичи привезли длинный свитокъ съ условіями и въ двухъ засѣданіяхъ обсуждали ихъ съ гетманомъ. У Жолкѣвскаго были вѣскія причины торопиться съ заключеніемъ договора: съ одной стороны, проволочкой могъ воспользоваться Самозванецъ; съ другой—была возможность, что царемъ провозгласятъ В. Голицына или Михаила Романова. Но у гетмана со времени Клушинской битвы не было никакихъ инструкцій отъ Сигизмунда; зная короля и его планы, Жолкѣвскій боялся на личную свою отвѣтственность рѣшить дѣло. Онъ былъ принужденъ сдѣлать это войскомъ, которое не получало жалованія и готово было отказать въ повиновеніи. 17 августа договоръ былъ подписанъ: Москва должна была послать къ королю и Владиславу пословъ—просить королевича принять царскій санъ; онъ долженъ былъ охранять православіе и цѣлость русскихъ земель; до окончательнаго умиротворенія поляки занимаютъ пограничныя крѣпости; будетъ произведена обоюдная выдача плѣнныхъ; гетманъ будетъ дѣйствовать противъ Вора, и т. д. Жолкѣвскій далъ присягу отъ имени Владислава въ соблюденіи договора, но оговорилъ въ немъ, что не имѣетъ отъ короля наказа, а потому надо просить о подтвержденіи условій короля и королевича. Дѣйствительно, на постоянные запросы гетмана Сигизмундъ не давалъ отвѣта, если не считать имъ словъ одного изъ писемъ короля: «дѣлайте то, что по Вашему разумѣнію будетъ наилучшимъ для насъ и для государства»; но въ такой инструкціи Жолкѣвскій не нуждался. Теперь, когда москвичи начали уже цѣловать крестъ Владиславу, пришелъ, наконецъ, наказъ отъ короля: Сигизмундъ настаивалъ на федераціи, на томъ, чтобы самому быть избраннымъ на царство.

Очутившись въ самомъ неловкомъ положеніи, гетманъ не потерялъ надежды заставить короля измѣнить свои планы и никому не сообщилъ объ этой инструкціи; но черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нему Гонсѣвскій съ новымъ письмомъ, повторявшимъ тѣ же требованія. Король былъ очень недоволенъ Жолкѣвскимъ; условія договора прямо противорѣчили его желанію. Но гетманъ теперь не могъ уже обращать на это вниманія; самъ Гонсѣвскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, согласился, что ни въ коемъ случаѣ нельзя нарушать договора. Исполненіе его началось съ военныхъ дѣйствій противъ Самозванца. На личномъ свиданіи съ Сапѣгой гетманъ сумѣлъ добиться того, что польскіе партизаны обѣщали покинуть Вора, если бы тотъ не принялъ предложеннаго ему отступного. Такъ какъ Самозванецъ не хотѣлъ отказываться отъ надеждъ на царство, то пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Жолкѣвскій въ большомъ порядкѣ провелъ ночью свое войско черезъ городъ (снискавъ тѣмъ «полное довѣріе москвичей), соединился съ русскимъ отрядомъ и двинулся къ монастырю Николы Угрѣшскаго; но Самозванецъ успѣлъ уже оттуда бѣжать въ Калугу, и поляки вернулись къ Москвѣ. Тутъ Жолкѣвскій сталъ настаивать, чтобы было какъ можно скорѣе отправлено великое посольство къ королю и Владиславу. Хорошо извѣстно, какое громадное значеніе имѣло это великое московское посольство. Жолкѣвскій самъ разсказываетъ, что онъ старался услать

качествѣ пословъ самыхъ вліятельныхъ въ Москвѣ лицъ,—людей, которые могли быть опасными для Владислава; ловкой дипломатіей онъ добился того, что во главѣ посольства стали В. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ.

Тѣмъ временемъ со всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія, что города цѣлуютъ крестъ Владиславу; дѣло Самозванца было, очевидно, проиграно. У гетмана оставались двѣ заботы. Во-первыхъ, часть бояръ, боясь народнаго волненія, просила гетмана ввести войско въ столицу; этого хотѣли и сами поляки. Жолкѣвскій сначала согласился, но потомъ сталъ колебаться. Онъ сообщилъ выборнымъ отъ своихъ полковъ, что опасается располагать войско въ городѣ, гдѣ оно можетъ быть истреблено. Ему возражалъ одинъ изъ выборныхъ, Мархоцкій, который заявилъ, что войско непремѣнно желаетъ расположиться въ городѣ, гдѣ оно надѣялось на легкую и веселую жизнь: въ лагерѣ гетманъ умѣлъ поддерживать желѣзную дисциплину. Жолкѣвскій разсердился и не хотѣлъ уступать; но просьбы бояръ, въ концѣ концовъ, убѣдили его. Польское войско вошло въ Москву и расположилось нѣсколькими отрядами въ Кремлѣ, Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ другихъ частяхъ города. Второй заботой Жолкѣвскаго былъ вопросъ о войскѣ Сапѣги, покинувшемъ Самозванца; послѣ разныхъ хлопотъ онъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что эти отряды посланы были въ сѣверскіе города, стоявшіе еще за Лжедимитрія.

Между расположившимися въ Москвѣ поляками и населеньемъ столицы Жолкѣвскій сумѣлъ установить весьма сносныя отношенія. «Панъ гетманъ—пишетъ онъ — приказалъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы наши (т.-е. поляки) не ссорились съ москвичами; онъ установилъ судей какъ съ нашей, такъ и съ ихъ стороны, которые судили всякія столкновенія; жили такъ мирно, что бояре и народъ, зная своевольничанье нашего народа, дивились и хвалили, что мы жили такъ спокойно, безъ всякой обиды, никому ничего не дѣлая дурного». Судъ дѣйствовалъ съ большой строгостью: когда одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону Божьей Матери, то онъ былъ приговоренъ къ отсѣченію рукъ и сожженію. Благодаря строгому порядку, польское войско было хорошо обезпечено продовольствіемъ и ни въ чемъ не терпѣло недостатка. Гетманъ привлекъ къ себѣ и русское войско—стрѣльцовъ, лаской и дарами; они сами приходили къ нему и говорили, что готовы ловить измѣнниковъ, если онъ о какихъ узнаетъ. Начальникомъ надъ ними поставленъ былъ Гонсѣвскій, и стрѣльцы обѣщали повиноваться ему. Но лучшій примѣръ такта и обходительности Жолкѣвскаго—это отношенія между нимъ и патріархомъ Гермогеномъ: «Съ патріархомъ»,—разсказываетъ онъ—человѣкомъ очень старымъ, который былъ очень враждебенъ къ намъ изъ-за вѣры, боясь въ ней перемѣны, гетманъ сперва сносился черезъ посредниковъ, а потомъ и самъ у него бывалъ и, казалось, вошелъ съ нимъ въ большую дружбу; онъ всячески ухаживалъ за нимъ, такъ что старецъ сталъ склоняться къ иному къ намъ отношенію»...

Въ Москвѣ дѣла были, такимъ образомъ, устроены. Жолкѣвскому надо было теперь ѣхать подъ Смоленскъ, гдѣ все еще сидѣлъ Сигизмундъ, и убѣждать его утвердить московскій договоръ. Того же требовали русское посольство и канцлеръ Левъ Сапѣга, но король, поддерживаемый брацлавскимъ воеводой, Яномъ Потоцкимъ, соперникомъ Жолкѣвскаго, настаивалъ на своихъ требованіяхъ. Бояре упрашивали гетмана остаться въ Москвѣ, но онъ своего намѣренія не измѣнилъ, передалъ команду Гонсѣвскому и уѣхалъ. Бояре провожали его далеко за городъ, а на улицахъ простой народъ прощался съ нимъ и желалъ счастливаго пути.

Взявъ по дорогѣ Шуйскихъ, Жолкѣвскій пріѣхалъ 30 октября въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ и былъ торжественно встрѣченъ войскомъ; но король обошелся съ нимъ холодно и, повидимому, былъ не радъ его пріѣзду. Жолкѣвскій немедленно сталъ поддерживать требованія московскаго договора. Онъ убѣждалъ Сигизмунда, что если Владиславъ станетъ царемъ, то его можно будетъ потомъ избрать и королемъ; что личная унія между Польшей и Россіей со временемъ можетъ окрѣпнуть, и связь между обоими государствами станетъ тѣснѣе; что, наконецъ, у Польши нѣтъ больше средствъ продолжать войну. На Сигизмунда не дѣйствовали никакіе доводы. Тѣмъ временемъ русскіе послы все ссылались на «гетмана Станислава Станиславовича» и на заключенный имъ договоръ. Желая спасти положеніе, Жолкѣвскій предлагалъ имъ компромиссы; тѣ о нихъ и слышать не хотѣли. Кромѣ того, его упрекалъ Филаретъ за то, что онъ привезъ съ собой Шуйскихъ и позволялъ бывшему царю Василію ходить не монахомъ, а въ свѣтскомъ платьѣ.

Упорство короля вывело, наконецъ, Жолкѣвскаго изъ терпѣнія. Получивъ отъ Сигизмунда рѣшительный отказъ въ признаніи условій московскаго договора, онъ не хотѣлъ оставаться дольше въ станѣ подъ Смоленскомъ. Король, съ своей стороны, видимо тяготился его присутствіемъ. Подъ предлогомъ новыхъ смутъ въ Молдавіи Жолкѣвскій покинулъ королевское войско и уѣхалъ къ южнымъ польскимъ границамъ. Сигизмундъ хотѣлъ было вернуть его съ дороги, когда дѣла въ Москвѣ приняли опасный оборотъ, но потомъ успокоился.

Въ концѣ 1611 года Жолкѣвскій пріѣхалъ на сеймъ въ Варшаву. Среди привѣтствій народа и войска онъ проѣхалъ съ трофеями московскаго похода черезъ городъ и представилъ сенату Шуйскихъ. Нѣсколько дней продолжались пиры, торжественныя рѣчи и парады. Но отношенія между королемъ и Жолкѣвскимъ оставались натянутыми, и въ засѣданіяхъ сейма гетманъ рѣзко критиковалъ московскую политику Сигизмунда. Это не помѣшало ему стать въ защиту авторитета королевской власти, когда въ 1612 г. вернувшіяся изъ московскихъ походовъ войска, не получая жалованья, самовольно заняли королевскія и церковныя земли и стали ихъ грабить; это они называли процентами съ требуемыхъ суммъ. Назначенный какъ разъ въ это время великимъ гетманомъ короннымъ *), Жолкѣвскій требовалъ примѣрнаго наказанія взбунтовавшихся войскъ, считая ихъ «конфедераціи» крайне опаснымъ прецедентомъ на будущее: время показало, что онъ былъ правъ. Но король и сеймъ не посмѣли прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и уступили. Сигизмунду нужны были войска для новаго похода на Москву, хотя тамъ для Польши уже все было потеряно. Король предложилъ Жолкѣвскому стать во главѣ этого похода, но гетманъ наотрѣзъ отказался и уѣхалъ домой. Впрочемъ, онъ продолжалъ писать о немъ королю и давать совѣты; тотъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія; Жолкѣвскій прекратилъ переписку. Такъ окончилась его роль въ дѣлахъ Смутнаго времени. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, въ интересахъ Польши и даже въ интересахъ королевскаго дома, поскольку они не противорѣчили пользѣ государства. Понимая лучше другихъ общественный строй, признавая національныя и культурныя требованія русскихъ, онъ старался найти между Русью и Польшей такой modus vivendi, который, казалось, могъ установиться съ

*) Должность эта оставалась вакантно й со смерти Яна Замойскаго.

наибольшей выгодой для его родины: онъ мечталъ о томъ, что общая для двухъ государствъ династія приведетъ со временемъ къ тѣсной политической уніи, или, по крайней мѣрѣ, прекратитъ постоянную борьбу между ними. Онъ требовалъ, чтобы король и его приближенные во имя этой надежды отказались отъ своихъ личныхъ интересовъ, отъ разсчетовъ и идей, ничего общаго не имѣвшихъ съ величіемъ государства. Но никто не поддерживалъ въ Польшѣ великаго патріота: одни были равнодушны къ его планамъ, другимъ они казались слишкомъ осторожными, разсчитанными на слишкомъ отдаленное будущее; король хотѣлъ немедленнаго успѣха—и погубилъ будущность своего королевства.

Полное крушеніе надеждъ и стремленій Жолкѣвскаго, гибель дѣла, которому онъ безкорыстно и самоотверженно служилъ, очень повліяли на стараго гетмана. Достигнувъ высшихъ почестей и славы, онъ испыталъ также столько горя, разочарованій и обидъ, что сталъ очень мрачно смотрѣть на все происходившее въ Польшѣ; въ его письмахъ начинаютъ замѣчаться желчность и раздражительность, хотя ранѣе даже о самыхъ злыхъ своихъ врагахъ онъ писалъ въ замѣчательно спокойномъ и мягкомъ тонѣ. Но привычка къ постоянной работѣ не позволяла ему оставаться безъ дѣла. Послѣ 1613 г. онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Жулкви, занимаясь устройствомъ южныхъ владѣній Польши: укрѣплялъ города, основывалъ школы, учредилъ іезуитскую коллегію въ Барѣ. Убѣжденный и ревностный католикъ, онъ, подобно своему другу Замойскому, защищалъ религіозное равноправіе всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Польши и строилъ въ своихъ помѣстьяхъ православныя церкви: лишній поводъ къ неудовольствію короля. Но главной заботой гетмана было войско. Пользуясь нѣсколькими годами мира со Швеціей и Турціей, онъ старался дать хорошую подготовку своимъ немногочисленнымъ отрядамъ; большіе доходы со своихъ помѣстій и нѣсколькихъ староствъ онъ почти цѣликомъ тратилъ на содержаніе войска, потому что правительство объ этомъ мало заботилось. А между тѣмъ Польшѣ грозила на югѣ большая опасность: все болѣе и болѣе портились отношенія съ Турціей, которая достигла въ это время апогея своего могущества. Особенно волновало гетмана то, что опасность увеличивалась своеволіемъ польскихъ магнатовъ и козаковъ. Они, не обращая вниманія на суровыя запрещенія короля, сейма и гетмана, часто дѣлали набѣги на турецкое побережье или совершали походы въ Молдавію, вмѣшиваясь въ дѣла господарства. Послѣ 1612 г., когда все войско Стефана Потоцкаго было истреблено турками, нѣсколько лѣтъ прошло сравнительно спокойно; но въ 1616 г. князья Корецкій и Вишневецкій опять собрали войско и отправились въ Молдавію, хотя Жолкѣвскій даже гнался за ними со своими отрядами. И эта авантюра окончилась плачевно: Вишневецкій умеръ въ походѣ, Корецкій былъ взятъ турками въ плѣнъ. Затѣмъ и запорожцы, подкупленные императоромъ, пустились въ море и жестоко опустошили окрестности Константинополя. Турція хотѣла мстить и готовилась къ войнѣ. Жолкѣвскій зналъ объ этомъ и слалъ королю письмо за письмомъ, требуя войскъ; но тотъ отвѣчалъ одно: пусть гетманъ дѣйствуетъ по своему благоусмотрѣнію. Впрочемъ, къ козакамъ были отправлены комиссары; тѣ обѣщали прекратить набѣги и тотчасъ снова взялись за прежнее. Тогда султанъ отправилъ противъ Польши большое войско; онъ приказалъ Искандеру-пашѣ занять Молдавію, Валахію, Подолье и Украину и усмирить козаковъ. Въ это время начинался съ большой помпой походъ Владислава на Москву. Жолкѣвскій опять отказался принимать въ немъ участіе и требовалъ, чтобы это предпріятіе было отложено, а войска шли къ нему, противъ турокъ. Вмѣсто этого король прислалъ инструкцію: во что бы то ни стало заключить съ Турціей миръ. Жолкѣвскій имѣлъ мало войскъ. Въ случаѣ его пораженія турки и татары хлынули бы на Украину, а тамъ не было никакихъ средствъ для обороны. Гетманъ долженъ былъ повиноваться королю и въ сентябрѣ 1617 г. заключилъ съ турками такъ назыв. Бушинскій трактатъ, по которому Польша обязалась не пускать козаковъ на Черное море, а въ случаѣ ослушанія наказать ихъ; не вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи, Валахіи и Семиградья. Слабымъ утѣшеніемъ была побѣда Жолкѣвскаго надъ грабившими Украину татарами: онъ менѣе чѣмъ съ 1000 человѣкъ отборной конницы положилъ на полѣ битвы 4000 враговъ и обратилъ въ бѣгство остальныхъ. На сеймѣ 1617—1618 г. онъ говорилъ, что вступилъ бы съ турками въ бой, если бы дѣло было подъ Стамбуломъ или Адріанополемъ, но надъ Днѣстромъ онъ долженъ былъ прежде всего думать о спасеніи польскихъ земель отъ турецкаго нашествія. На этотъ разъ король сталъ на его сторону и даже назначилъ его канцлеромъ (de facto это былъ только титулъ).

Тѣмъ временемъ козаки успѣли опять натворить бѣдъ. Пока татары грабили Украину, они бросились въ Крымъ, тоже опустошили его, а заодно ограбили почти все турецкое побережье Чернаго моря и въ морской битвѣ разсѣяли турецкій флотъ. Опять началась война. Подъ Орынью гетманъ былъ окруженъ громаднымъ войскомъ Искандера-паши и татаръ, но отсидѣлся въ окопахъ; турки ушли, добившись только подтвержденія Бушинскаго договора (1618).

Сеймъ 1619 г. былъ новымъ тяжелымъ испытаньемъ для Жолкѣвскаго. Онъ долженъ былъ выдержать бурю упрековъ, оскорбленій и насмѣшекъ за то, что не вступилъ съ турками въ битву и позволилъ татарамъ опустошить польскія земли; озлобленіе противъ него усиливалось тѣмъ, что татары случайно или съ намѣреніемъ не тронули имѣній самого гетмана. Отвѣчая на всѣ обвиненія въ длинной рѣчи, Жолкѣвскій изложилъ событія такъ, какъ они въ дѣйствительности происходили; говорилъ о томъ, какъ его оставили безъ всякой помощи сеймъ и король, какъ не обращали вниманія на его постоянныя предупрежденія о грозящей опасности, не платили войскамъ и козакамъ жалованія, потворствовали самовольнымъ предпріятіямъ магнатовъ. Онъ говорилъ о 44 годахъ своей службы отечеству, о своей старости и усталости и просилъ короля освободить его отъ гетманства. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе; король просилъ его сохранить власть, а сеймъ немедленно занялся вопросами государственной обороны, поручивъ Жолкѣвскому составленіе реестровъ козаковъ и войскъ.

Но благимъ намѣреніямъ сейма и гетмана не суждено было осуществиться. Король увлекся новымъ предпріятіемъ: молдавскій господарь Граціанъ задумалъ передаться Польшѣ и обѣщалъ Сигизмунду, что при первомъ появленіи польскаго войска возстанетъ вся Молдавія и Валахія. Жолкѣвскій увѣрялъ, что обѣщанія Граціана ничего не стоятъ, но Сигизмундъ, поддерживаемый Австріей, упорствовалъ въ своихъ воинственныхъ намѣреніяхъ и добился у сейма войны съ Турціей. Уѣзжая 15 августа 1620 г. изъ Жулкви къ войску, гетманъ писалъ королю, что по долгу службы повинуется его приказу, но сознаетъ опасность похода; что ему умереть не трудно: онъ видитъ въ отечествѣ столько зла и самъ испыталъ столько горя, что жизнь ему не дорога; но легкомысленно начатая война можетъ навлечь на Польшу страшныя бѣдствія.

Немногочисленное польское войско (около 7000 человѣкъ, въ томъ числѣ 2000 козаковъ) уже было приготовлено къ походу польнымъ гетманомъ Станиславомъ Конецпольскимъ, зятемъ Жолкѣвскаго; при войскѣ были его единственный сынъ Янъ, князь Корецкій, недавно вернувшійся изъ плѣна, и другіе магнаты. Гетманы перешли Днѣстръ, и волохи, дѣйствительно, возстали, но быстро успокоились, когда увидали немногочисленность польскаго войска; Граціанъ привелъ лишь 600 человѣкъ плохой конницы. Между тѣмъ приближался Искандеръ-паша съ большимъ (болѣе ста тысячъ) турецкимъ войскомъ. Жолкѣвскій далъ ему битву у Цецоры, надъ Прутомъ; она осталась нерѣшенной, но поляки должны были послѣ нея засѣсть въ окопы и были въ нихъ окружены. Гетманы надѣялись продержаться у Цецоры до зимы, когда турки обыкновенно уходили, но Граціанъ и магнаты помѣшали этому: ихъ отряды безъ вѣдома Жолкѣвскаго вышли ночью изъ окоповъ и стали переправляться черезъ Прутъ, надѣясь уйти въ Польшу. Въ лагерѣ начался страшный переполохъ. Жолкѣвскій съ трудомъ успокоилъ войско и удержалъ его отъ паники. Попытка Граціана не удалась, онъ былъ взятъ турками въ плѣнъ и казненъ, а отряды магнатовъ частью погибли, частью вернулись въ окопы; лишь около 500 человѣкъ успѣло уйти на Подолье. Князь Корецкій, вернувшись изъ водъ Прута, бросился къ гетману съ упреками и называлъ его виновникомъ бѣгства. «Однако, я стою здѣсь, и съ меня не льется вода»—спокойно отвѣчалъ ему Жолкѣвскій. Еще около двадцати дней онъ отбивался въ окопахъ, пока не стало продовольствія (часть его была сожжена во время переполоха). Тогда гетманъ устроилъ таборъ и медленно сталъ отступать къ польскимъ границамъ. Но въ войскѣ попрежнему не было порядка; нѣсколько старыхъ королевскихъ полковъ несли всѣ тягости службы, а другіе отряды только мѣшали дѣлу. Жолкѣвскій дошелъ почти до Днѣстра, но надежды на спасеніе не было: таборъ пришелъ въ разстройство, магнаты не повиновались гетманамъ, а челядь открыто взбунтовалась и убѣгала впередъ, къ польской границѣ; турки теперь шли слѣдомъ за польскимъ войскомъ и, вѣроятно, хотѣли напасть на него при переправѣ. Жолкѣвскій написалъ послѣднее письмо—къ женѣ: съ замѣчательнымъ спокойствіемъ онъ пишетъ въ немъ о предстоящей гибели и проситъ не жалѣть о немъ, потому что онъ умретъ въ защиту родины и христіанства.

Въ ночь съ 26 на 27 сентября 1620 г. турки ворвались въ таборъ. Спасти войско не было возможности. Гетманъ исповѣдался у своего капеллана и переодѣлся въ простое платье, чтобы враги его не узнали и не взяли въ плѣнъ. Онъ убилъ своего коня и шелъ пѣшкомъ съ остатками войска. Его умоляли сѣсть на другого коня и спасаться. —«Не сяду»—отвѣчалъ товарищамъ гетманъ: «мнѣ любо съ вами умереть. Пусть Господь исполнитъ надо мною свой приговоръ!».. Они были окружены турками и долго отчаянно оборонялись. Сынъ и племянники гетмана, покрытые ранами, были взяты въ плѣнъ. У Жолкѣвскаго въ сѣчѣ была отрублена рука, и онъ палъ подъ ударами турокъ. Конецпольскій еще нѣсколько времени отбивался, получилъ много ранъ и, наконецъ, былъ обезоруженъ. Турки нашли трупъ Жолкѣвскаго; они отрѣзали его голову и послали въ Стамбулъ какъ главный трофей побѣды...

Жолкѣвскій всегда мечталъ о такой смерти. Вотъ что онъ пишетъ, обращаясь къ сыну, въ своемъ завѣщаніи: «И язычники думали, что смерть за отечество сладостна; тѣмъ болѣе, если за святую вѣру придется тебѣ сражаться съ турками или татарами—я скажу словами 26 псалма: viriliter age, confortetur cor tuum. Такъ умереть—предъ людьми слава и главное—предъ Богомъ заслуга... Жизнь и смерть короля Владислава, что погибъ подъ Варной, славнѣе, чѣмъ многихъ другихъ, чьи гробницы мы видимъ. Конечно, я желалъ бы такой же счастливой смерти за святую вѣру и за отечество, но не знаю, достоинъ ли я предъ Господомъ Богомъ такой милости»...

Голова Жолкѣвскаго была выкуплена его родственниками за огромную сумму; прахъ гетмана похороненъ въ Жулкви. На его гробницѣ выкована надпись: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor»—«да возстанетъ мститель отъ костей моихъ». Эти слова оказались пророческими: правнукомъ Жолкѣвскаго былъ король Янъ Собесскій, побѣдитель турокъ.

Патріархъ Гермогенъ.

Платона Гр. Васенко.

Въ одну изъ наиболѣе тяжкихъ для нашей государственной самобытности годинъ, во времена междуцарствія, лихолѣтья и разрухи, на защиту и спасеніе родины поднялся крѣпкостоятельный патріархъ Гермогенъ, вдохновитель Ляпуновскаго, а затѣмъ и нижегородскаго ополченія. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ обстоятельствъ, при которыхъ выработался сильный и цѣльный характеръ «твердаго адаманта» и патріота. Самое происхожденіе Гермогена не вполнѣ извѣстно. Существуетъ даже мнѣніе, что патріархъ принадлежалъ къ знатному роду князей Голицыныхъ. Но такое мнѣніе безусловно неправильно, такъ какъ въ случаѣ происхожденія Гермогена изъ служилаго класса, а тѣмъ болѣе изъ княжеской семьи, на ряду съ его иноческимъ именемъ писалась бы и мірская фамилія; этого требовалъ тогдашній обычай. Съ другой стороны, можно усомниться и въ сообщеніи поляка Гонсѣвскаго, что патріархъ въ молодости былъ донскимъ козакомъ; врядъ ли оно объективно. Наиболѣе интересно свѣдѣніе записи на одной изъ вятскихъ иконъ. Оно гласитъ, что въ 1607 году патріархъ Гермогенъ благословилъ иконой зятя своего, посадскаго человѣка города Вятки, Корнилія Рязанцева. Такимъ образомъ, скорѣе всего знаменитаго патріарха слѣдуетъ считать человѣкомъ изъ народа. Какъ прошла первая пора жизни Гермогена, мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій. Лишь съ 1579 года можно прослѣдить, да и то отрывочно и неполно, дѣятельность будущаго борца и мученика за родину. Въ указанномъ году Гермогенъ, по его собственному свидѣтельству, былъ священникомъ казанской гостинодворской церкви во имя св. Николы. Принявъ затѣмъ монашество, онъ скоро получилъ санъ архимандрита казанскаго спасо-преображенскаго монастыря. Спустя нѣсколько лѣтъ, 13 мая 1589 года Гермогенъ былъ возведенъ въ архіерейскій санъ и былъ назначенъ митрополи-

Стѣишїи Ѕермоген
патрїархъ московскїи и всеа рꙋсїи

томъ въ Казань. Архіерейскую каѳедру въ Казани Гермогенъ занималъ цѣлыхъ 17 лѣтъ. На своемъ высокомъ посту онъ заявилъ себя ревнителемъ православія и народности. Извѣстны составленныя имъ въ то время сказаніе о явленіи новоявленной тогда казанской чудотворной иконы Пресвятой Богородицы и житіе святителей Гурія и Варсонофія. Кромѣ того, Гермогенъ заботился объ установленіи торжественнаго поминанья по воинамъ, павшимъ при взятіи Казани, и прославленіи трехъ христіанъ, пострадавшихъ въ этомъ городѣ за вѣру. Особыя старанія прилагалъ митрополитъ къ распространенію христіанства въ Казани, а также и къ борьбѣ противъ замѣченнаго имъ вліянія татаръ и иноземцевъ на русскихъ поселенцевъ. Онъ доносилъ царю, что многіе новокрещены татары и другіе инородцы только видимымъ образомъ приняли христіанство и, оставаясь среди своихъ единоплеменниковъ-магометанъ, не отстаютъ отъ своихъ прежнихъ обычаевъ и не проникаются истинами христіанства. При этомъ даже множество русскихъ людей, жившихъ у магометанъ, отпало отъ христіанства. Другіе, служившіе у поселенныхъ въ Казани католиковъ и лютеранъ, добровольно или за деньги приняли религію своихъ хозяевъ. Стараясь дѣйствовать противъ замѣченныхъ имъ нестроеній своими поученіями, Гермогенъ выхлопоталъ, кромѣ того, рядъ мѣропріятій у московскаго правительства. Такъ дѣйствовалъ митрополитъ на далекой восточной окраинѣ тогдашняго русскаго государства, а между тѣмъ на Руси подготовлялась грозная политическая и соціальная буря, чуть-было не погубившая все это государство. Прекратилась династія Калиты, трагически кончила дни недолгаго господства семья Годуновыхъ, и на русскомъ царскомъ престолѣ возсѣлъ первый Лжедимитрій. Приверженецъ всего польскаго, тайный католикъ, онъ рѣшилъ жениться на полькѣ Маринѣ Мнишекъ. Вѣрованія того времени требовали, чтобы присоединявшіеся къ православію инославные христіане принимали вторичное крещеніе: первое считалось еретическимъ и потому недѣйствительнымъ. Понятно поэтому, какое тяжелое впечатлѣніе должна была произвести на русскій народъ женитьба царя на Маринѣ, не пожелавшей принять крещеніе по обряду православной церкви. Ставленникъ Лжедимитрія, патріархъ Игнатій безпрекословно исполнилъ волю Самозванца. Тогда возвысилъ свой мужественный голосъ казанскій митрополитъ, прямо высказавшій царю свое негодованіе по случаю полнѣйшей непристойности его поступка. Отвѣтомъ на рѣчь Гермогена было приказаніе ему удалиться въ свою епархію. По мнѣнію одного изъ современниковъ событія, стойкаго митрополита ожидали въ дальнѣйшемъ страшныя бѣды и даже насильственная смерть, еслибъ Лжедимитрій I продолжалъ царствовать. Переворотъ 17 мая 1606 года спасъ Гермогена и послужилъ даже къ его возвышенію. Виновникъ сверженія Самозванца, князь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ провозглашенъ людьми своей партіи московскимъ царемъ. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ назначилъ Гермогена всероссійскимъ патріархомъ. Положеніе новаго правительства было чрезвычайно труднымъ. Соціальное движеніе, первые ощутительные признаки котораго можно было наблюдать еще при Борисѣ, готово было разразиться при маломальски удобномъ случаѣ. Поспѣшность царя Василія, не дождавшагося своего избранія Земскимъ Соборомъ, давала лишній поводъ къ смутамъ самозванщины. Въ смутахъ и волненіяхъ протекло все царствованіе Шуйскаго, закончившееся сверженіемъ царя и полной, къ счастью, кратковременной, разрухой государственнаго строя. Внутренней смутой пользовались сосѣди Московіи, со страхомъ и завистью глядѣвшіе на ея быстрый ростъ. Воинствующій католицизмъ также не могъ и не долженъ былъ упустить удобнаго случая къ распространенію своей вѣры. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось дѣйствовать патріарху Гермогену Требовалось много силы воли и ума, чтобы съ честью править церковью въ эту смутную эпоху.

Для характеристики патріарха Гермогена и въ частности при оцѣнкѣ его поведенія въ царствованіе Шуйскаго многіе выдающіеся русскіе историки пользовались неблагосклоннымъ святителю отзывомъ одного изъ его современниковъ. Авторъ отзыва, похваливъ Гермогена за его обширное знаніе книгъ духовнаго содержанія и умѣнье говорить, называетъ его грубымъ и чрезмѣрно строгимъ къ духовенству. При этомъ патріарху недоставало проницательности. Онъ не отличалъ дурныхъ людей отъ хорошихъ, окружалъ себя льстивыми и лукавыми приближенными и слушалъ сплетни и пересуды. Результатомъ такого поведенія Гермогена были враждебныя отношенія патріарха къ царю Василію, съ которымъ онъ всегда ссорился и дерзко спорилъ. Такая политика способствовала паденію царя, а затѣмъ нанесла ударъ и патріарху. По низверженіи Шуйскаго, Гермогенъ хотѣлъ-было показать себя непреоборимымъ пастыремъ, но неудачно. Время было упущено, и патріархъ, обличавшій мятежниковъ, былъ захваченъ ими и погибъ голодной смертью, какъ птица въ клѣткѣ. Наше дальнѣйшее изложеніе покажетъ, правильна ли такая характеристика Гермогена. Теперь отмѣтимъ только, что она звучитъ диссонансомъ въ ряду похвалъ, расточаемыхъ патріарху его современниками, и вызвала въ свое время рѣзкую и мѣткую отповѣдь одного изъ нихъ, повидимому, близко знавшаго «святого сего мужа».

Во всякомъ случаѣ, существованіе на ряду съ похвальными строгаго и враждебнаго отзыва о Гермогенѣ облегчаетъ задачу его біографа, придавая иногда его сужденіямъ большую увѣренность. Такъ, мы можемъ считать безспорнымъ фактъ большой начитанности патріарха въ сферѣ тогдашней церковной письменности, потому что объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ извѣстія, и дружескія и враждебное ему. Внѣ всякаго сомнѣнія и ораторскія способности Гермогена. Не даромъ даже авторъ вышеприведеннаго отзыва о немъ называетъ патріарха «словеснымъ и хитрорѣчивымъ». Еще болѣе благопріятны слова дьяка Ивана Тимоѳеева, автора очень любопытнаго «Временника» о Смутѣ, который замѣчаетъ, что патріархъ силой слова, какъ мечемъ, поражалъ своихъ противниковъ и принуждалъ ихъ къ молчанію. Такого же высокаго мнѣнія о краснорѣчіи Гермогена были и другіе его современники: князь И. А. Хворостининъ и особенно составитель интереснаго подметнаго письма, извѣстнаго въ научной литературѣ подъ именемъ «Новой повѣсти», восторженный панегиристъ патріарха. Къ сожалѣнію, ораторскимъ способностямъ Гермогена не соотвѣтствовалъ его голосъ, повидимому, нѣсколько глухой и хриплый, что и дало возможность отозваться о немъ какъ о «несладкогласивомъ» или, во всякомъ случаѣ, не обладавшемъ «гласомъ краснымъ или свѣтлоорганнымъ шумящимъ». Съ грубостью голоса гармонировала, повидимому, и рѣзкость обращенія и движеній патріарха. Это дало поводъ къ обвиненію его, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ былъ «нравомъ грубъ». Возражая на это, авторъ упомянутой уже отповѣди указываетъ, что Гермогенъ «въ дѣлахъ и въ милостяхъ имѣлъ ко всѣмъ одинъ благосердый нравъ». Свое замѣчаніе защитникъ патріарха подкрѣпляетъ указаніемъ на широкую благотворительность Гермогена, не дѣлавшаго притомъ различія между своими друзьями и недругами и истратившаго на добрыя дѣла все свое состояніе. Однако, и этотъ благожелательный къ патріарху современникъ его признаетъ, что онъ былъ «прикрутъ въ словесѣхъ и въ возрѣніихъ».

Свидѣтельства о краснорѣчіи Гермогена и его широкой дѣятельности могутъ помочь намъ понять, почему во время междуцарствія на призывъ патріарха къ возстановленію государственнаго порядка такъ горячо и съ такимъ довѣріемъ откликнулись русскіе люди. Несомнѣнно, что помимо полнаго сочувствія къ дѣлу привлекала и личность его инициатора. Что Гермогенъ обаятельно вліялъ на своихъ современниковъ и до того момента, когда онъ началъ приглашать ихъ къ очищенію Москвы отъ враговъ Россіи, подтверждаетъ примѣръ составителя извѣстной намъ «Новой повѣсти». Онъ не помышлялъ даже, что патріархъ повелитъ «на враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути», и, тѣмъ не менѣе, принадлежалъ къ горячимъ его почитателямъ. Но, давая ключъ къ пониманію причинъ быстраго воздѣйствія «новаго Златоуста» на народныя массы, указанныя обстоятельства не объясняютъ, какимъ путемъ Гермогенъ дошелъ до мысли о необходимости своего подвига. Для настоящаго уразумѣнія этого намъ предстоитъ въ бѣглыхъ чертахъ прослѣдить дѣятельность патріарха со времени его первосвятительства. Въ самомъ началѣ его Гермогенъ дѣйствуетъ на ряду съ правительствомъ Шуйскаго. Во время возстанія кн. Шаховскаго и Ивана Болотникова патріархъ разсылаетъ по городамъ грамоты съ увѣщаніемъ стоять за Шуйскаго, «царя благочестиваго и побораталя по православной вѣрѣ». Затѣмъ Гермогенъ принялъ самое близкое участіе въ дѣлѣ торжественнаго прощенія бывшимъ патріархомъ Іовомъ москвичей за ихъ нарушенія присяги. Состоялась трогательная сцена въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (6 февраля 1607 года); присутствующіе плакали отъ умиленія, но измѣны Шуйскому продолжались. Тогда Гермогенъ рѣшилъ прибѣгнуть къ мѣрѣ церковной строгости и подвергъ проклятію Болотникова и его главныхъ соумышленниковъ. Патріархъ боролся съ врагами государственнаго порядка средствами, бывшими въ его распоряженіи. Шуйскій же тѣмъ временемъ дѣйствовалъ оружіемъ. Послѣ нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ неудачъ московскаго царя въ октябрѣ 1607 года главный оплотъ мятежниковъ, городъ Тула, былъ взятъ его многочисленнымъ войскомъ. Однако, смута продолжала гнѣздиться въ городахъ сѣверской Украйны, гдѣ къ тому времени появился уже второй Лжедимитрій. Этому факту царь не придалъ большого значенія и распустилъ свои войска на отдыхъ. Позднѣйшія событія показали, какъ жестоко ошибался тогда Шуйскій, имѣвшій совершенно ложныя представленія о положеніи дѣлъ въ Сѣверскомъ краѣ и считавшій Сѣверу достаточно усмиренной. Въ настоящее время мы узнали отъ автора отповѣди, написанной въ защиту Гермогена, что послѣдній правильно оцѣнивалъ значеніе рѣшительныхъ мѣръ, какія слѣдовало бы принять противъ мятежныхъ украинныхъ городовъ. Онъ совѣтовалъ царю продолженіе военныхъ дѣйствій, но другіе приближенные Шуйскаго уговорили его «во царствующій градъ Москву во упокоеніе возвратитися». Царское войско разошлось по домамъ, «а врагомъ тогда рука и возвысися». Недальновидность правительства Шуйскаго обезпечила успѣхи мятежнаго движенія противъ него, и второй Самозванецъ утвердился въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ. Тогда царь Василій рѣшилъ обратиться за помощью къ шведскому королю Карлу IX, прежнія предложенія котораго онъ отвергалъ съ снисходительнымъ высокомѣріемъ. Обращеніе къ чужеземной помощи имѣло очень невыгодныя стороны, втягивая сосѣдей въ дѣла страны. Патріархъ Гермогенъ и здѣсь счелъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе, вполнѣ гармонирующее съ тѣмъ чувствомъ націонализма, которое онъ проявлялъ, еще будучи казанскимъ митрополитомъ. Онъ возставалъ противъ вмѣшиванья иноземцевъ въ русскія дѣла, но Шуйскій снова отвергъ совѣты патріарха. Будущее показало, что въ опасеніяхъ Гермогена, недовѣрявшаго иноземцамъ, была значительная доля правды. Указанныя столкновенія патріарха съ правительствомъ Шуйскаго и дали поводъ, по словамъ защитника Гермогена, обвинять первосвятителя въ томъ, что онъ «къ царю Василію строптивно, а не благолѣпно бесѣдоваше всегда», хотя онъ «не съ царемъ враждовалъ, а съ его неподобными совѣтниками». Конечно, при извѣстной намъ рѣзкости патріарха, его бесѣды съ царемъ, хотя бы по поводу только-что помянутыхъ случаевъ, могли имѣть нѣсколько бурный характеръ, но онѣ отнюдь не вели къ враждебнымъ отношеніямъ Гермогена къ царю. Названные факты свидѣтельствуютъ лишь о политической проницательности патріарха, а также объ его патріотическомъ и націоналистическомъ чувствѣ. О томъ, что Гермогенъ старался благотворно повліять на политику Шуйскаго, говорятъ и слова князя И. А. Хворостинина: «видѣ бо добрый пастырь царя малодушствующа, много пользова его отъ своего искусства и не возможе». Ознакомленіе съ дальнѣйшей дѣятельностью патріарха во время царствованія Шуйскаго покажетъ намъ, что первосвятитель постоянно оставался вѣренъ царю и не помышлялъ играть съ нимъ въ оппозицію. При этомъ Гермогенъ велъ неустанную борьбу съ вреднымъ вліяніемъ Тушина на церковную среду. Историческія свидѣтельства того времени сохранили намъ память о рядѣ доблестныхъ представителей духовенства, погибшихъ отъ рукъ мятежниковъ или поруганныхъ ими. Особенно краснорѣчиво изобразилъ тогдашнія страданія достойныхъ пастырей и иноковъ знаменитый Авраамій Палицынъ. Однако, тотъ же писатель принужденъ былъ замѣтить, что «нѣцыи же» изъ духовенства «не стерпѣвше бѣдъ, и ко врагомъ причастницы быша». Думаемъ, что въ тушинскій станъ являлись духовныя лица и добровольно, отыскивая почестей и повышеній. Такъ, извѣстна просьба чернеца Левкія Смагина о посвященіи его въ архимандриты, «въ который монастырь ему, государю, Богъ извѣститъ», обращенная челобитчикомъ къ тушинскому Вору. Прямѣе и опредѣленнѣе всѣхъ говоритъ объ указанномъ явленіи авторъ неоднократно упоминаемой нами отповѣди въ защиту Гермогена. Онъ вполнѣ откровенно свидѣтельствуетъ, что «тогда возбѣсишася многіе церковницы», притомъ не только «четцы и пѣвцы, но и священники, и діаконы, и иноцы мнози», радовавшіеся «всякому злодѣйству». Съ этимъ глубокопечальнымъ фактомъ патріархъ, конечно, не могъ примириться. Онъ предпринималъ рядъ мѣръ противъ «крамольниковъ священнаго чина», которые прельстились вмѣстѣ съ міряпами. Однихъ Гермогенъ старался отвлечь отъ зла поученіями и просьбами, другихъ временно подвергалъ церковному запрещенію, наиболѣе же упорныхъ и опасныхъ и «скверныхъ кровопролитниковъ» подвергалъ проклятію. Всѣ строгія мѣры, предпринимавшіяся патріархомъ, объясняются, по словамъ его защитника, вовсе не грубостью нрава; Гермогенъ дѣйствительно былъ строгъ, но лишь до момента раскаянія преступника; «кающихся истинно» онъ съ любовью прощалъ, «многихъ отъ смерти избавляя ходатайствомъ своимъ». Такъ поступалъ первосвятитель, дѣйствуя согласно велѣніямъ своего добраго сердца. Обстоятельства времени открывали просторъ для широкой благотворительности Гермогена. Тревоги смуты, выбивая многихъ изъ колеи, увеличивали и безъ того большое число нищихъ и убогихъ; ратные люди нуждались въ поддержкѣ и въ помощи на лѣченье ранъ; грабежи и разбои многочисленныхъ воровскихъ шаекъ обездоливали многихъ людей. Патріархъ щедро помогалъ всѣмъ, какъ только могъ; онъ «питаше всѣхъ

на трапезѣ своей часто»; раздавалъ одежду и обувь; роздалъ много золота и серебра. По словамъ современника Гермогена, онъ столь щедро творилъ милостыню, что «и самъ въ послѣднюю нищету пріиде».

Энергично и твердо управляя церковью и въ широкихъ размѣрахъ проявляя благотворительную дѣятельность, патріархъ, кромѣ того, волей-неволей долженъ былъ принимать участіе и въ политическихъ событіяхъ бурной и тревожной поры. Близорукая самоувѣренность Шуйскаго повлекла за собою усиленіе смуты, и Воръ, занявъ Тушино, грозилъ самой Москвѣ. Въ то же время его войска осадили Троице-Сергіевъ монастырь. Къ началу 1609 года въ Москвѣ стало проявляться неудовольствіе противъ царя Василія, а осажденные въ Троицкой обители неотступно молили его о помощи. Наконецъ, Гермогенъ обратилъ вниманіе царя на необходимость поддержки монастыря, со взятіемъ котораго «весь предѣлъ Россійскій и до Океана моря погибнетъ, конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ». Въ Троицкую обитель была послана нѣкоторая помощь, а между тѣмъ въ самой Москвѣ поднялись волненія, во время которыхъ патріархъ выказалъ твердость своего характера и преданность царю. Среди служилыхъ людей образовался заговоръ, имѣвшій цѣлью ниспровергнуть Шуйскаго. Однимъ изъ главныхъ заводчиковъ этой смуты слѣдуетъ считать извѣстнаго впослѣдствіи тушинца, сына боярскаго Михалку Молчанова. 25 февраля 1609 г. заговорщики, въ числѣ 300 человѣкъ, собрались на Лобномъ мѣстѣ, куда насильно привезли и Гермогена. Мятежная толпа дерзко обходилась съ патріархомъ, толкала его, бросала ему въ лицо песокъ, хватала за грудь. Зачинщики мятежа кричали между тѣмъ, что Шуйскій самочинно захватилъ власть и произвольно ею пользуется, угнетая служилыхъ людей; поэтому царя слѣдуетъ свергнуть съ престола. Однако, собравшійся народъ не примкнулъ къ мятежникамъ, а Гермогенъ смѣло упрекалъ ихъ въ нарушеніи присяги и заявилъ, что какъ весь русскій міръ, такъ и онъ самъ не желаетъ сверженія Шуйскаго. Видя неудачу своего замысла, заговорщики бѣжали въ Тушино. Въ станъ Вора къ русскимъ его сторонникамъ вскорѣ затѣмъ были присланы двѣ грамоты патріарха съ трогательными и сильными увѣщаніями отстать отъ смуты, разоряющей и губящей ихъ отечество. Въ это время положеніе Шуйскаго, казалось, начинало улучшаться. Племянникъ его, знаменитый Скопинъ-Шуйскій, при помощи шведскихъ наемныхъ войскъ очищалъ сѣверъ государства отъ воровскихъ шаекъ. Снята была осада съ Троице-Сергіева монастыря. Тушинскій Воръ, покинутый своими польскими и литовскими приверженцами, бѣжалъ въ Калугу, и Тушино опустѣло. Правда, вмѣшательство Швеціи давало удобный поводъ польскому королю Сигизмунду III, врагу шведскаго государя, начать враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Польскій король вступилъ въ предѣлы Московіи и осадилъ Смоленскъ. Однако, русскіе надѣялись, что ихъ молодой и талантливый полководецъ сумѣетъ справиться и съ поляками. Неожиданная и загадочная смерть Скопина и позорное Клушинское пораженіе опрокинули всѣ разсчеты москвичей, передъ которыми возникла грозная перспектива новой тяжелой осады: съ одной стороны надвигалось побѣдоносное польское войско, съ другой опять показался Воръ съ своими шайками. Неудовольствіемъ жителей столицы противъ «несчастливаго» царя Василія воспользовались вліятельные и враждебные Шуйскому общественные круги, организовавшіе 17 іюля 1610 года открытый бунтъ въ Москвѣ. Тщетно Гермогенъ противился желанію возставшихъ свести съ престола царя Василія. Патріархъ одинъ горячо стоялъ за Шуйскаго, плакалъ, заклиналъ удержаться отъ такого гибельнаго поступка, говорилъ, что за измѣну законному государю Богъ можетъ еще болѣе покарать Русь. Всѣ усилія Гермогена были напрасны. Царь былъ сведенъ съ престола, а затѣмъ и постриженъ, какъ сообщаютъ, противъ воли первосвятителя, который, по словамъ извѣстнаго уже намъ князя Хворостинина, говорилъ: «егда Владыка мой Христосъ на престолѣ владычества моего укрѣпитъ мя, совлеку его (т.-е. царя) отъ ризъ и отъ иночества свобожду его»...

Поведеніе Гермогена во время царствованія Шуйскаго позволяетъ утверждать, что патріархъ всегда вѣрно служилъ царю, несмотря на всѣ невзгоды и промахи его царствованія. Ходъ событій часто оказывался сильнѣе воли патріарха, но это отнюдь не должно свидѣтельствовать о политическомъ безличіи и безсиліи послѣдняго. Намъ удалось видѣть примѣры политической дальновидности Гермогена, а также и опредѣленности его взглядовъ на положеніе дѣлъ. Можно съ увѣренностью думать, что самая вѣрность патріарха правительству Шуйскаго, мѣропріятій котораго онъ часто не одобрялъ, обусловливалась политической программой первосвятителя, неизмѣнно стоявшаго за сохраненіе и возстановленіе государственнаго порядка. А нельзя отрицать, что правительство Шуйскаго при всѣхъ своихъ недостаткахъ было въ ту эпоху единственной надеждой сторонниковъ этого порядка. Съ паденіемъ царя Василія неминуемо должна была наступить полная разруха, а ея-то и опасался Гермогенъ, прекрасно понимавшій, какія выгоды извлекутъ изъ невзгодъ междуцарствія и разоренья иноземныя государства. И, дѣйствительно, событія, наступившія за сверженіемъ Шуйскаго, оправдали въ полной мѣрѣ опасенія патріарха. Временное московское правительство во главѣ съ «семибоярщиной» должно было выбирать между притязаніями короля Сигизмунда и требованіями Вора. Остановились на мысли объ избраніи на московскій престолъ сына Сигизмунда, польскаго королевича Владислава, на условіяхъ, обезпечивавшихъ національную и религіозную самобытность Россіи. Въ станъ короля подъ Смоленскъ отправлено было многочисленное торжественное посольство, а въ Москву, боясь воровскихъ шаекъ, бояре, не взирая на противодѣйствіе Гермогена, впустили польскій гарнизонъ. Передъ отъѣздомъ пословъ патріархъ взялъ съ нихъ клятву не измѣнять дѣлу православной вѣры. Вообще Гермогенъ неохотно склонялся на признаніе кандидатуры Владислава, да и то подъ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія. Точно также возсталъ патріархъ и противъ захвата Шуйскихъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ и увоза ихъ въ Польшу. Патріархъ понималъ весь позоръ этого дѣла, а также и разсчитывалъ, что пребываніе Шуйскаго въ Россіи могло быть полезно для возстановленія въ странѣ порядка. Впрочемъ Жолкѣвскій успѣлъ въ своемъ намѣреніи, а оставленный имъ въ Кремлѣ отрядъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго сталъ хозяйничать въ Москвѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ. Въ свою очередь, Сигизмундъ держалъ себя государемъ по отношенію къ русскимъ. Онъ щедрой рукой раздавалъ саны, помѣстья, льготы всѣмъ, обращавшимся къ нему. Этимъ особенно успѣшно воспользовались бывшіе тушинцы, пріобрѣтшіе большое значеніе у поляковъ. Такой естественный оборотъ дѣлъ образумилъ многихъ русскихъ людей, такъ или иначе замѣшанныхъ въ интригахъ и смутахъ предшествующей поры. Двумъ изъ такихъ прозрѣвшихъ людей, виднымъ представителямъ московской знати, князю Василью Васильевичу Голицыну и ростовскому митрополиту Филарету Никитичу Романову, цѣной тяжелаго подвига удалось

искупить прежнее поведеніе и прославиться стойкостью. Оба они стояли во главѣ извѣстнаго намъ посольства подъ Смоленскъ. Все это посольство ожидало страшное разочарованіе. Сигизмундъ не согласился на принятіе его сыномъ православія и русской короны, а пожелалъ самъ стать царемъ московскимъ, не измѣняя католицизму, усерднымъ слугою котораго онъ былъ. Польскій король потребовалъ отъ членовъ посольства возвращенія въ Москву и полнаго подчиненія его волѣ. Часть пословъ, выхлопотавъ у Сигизмунда разныя милости, поспѣшила исполнить его настойчивое желаніе. Но другіе, и во главѣ ихъ Голицынъ и Филаретъ, продолжали усиленно просить короля согласиться на предлагаемыя русскимъ народомъ, представителями котораго они являлись, условія. Тяжкій плѣнъ пословъ былъ результатомъ благородной ихъ стойкости.

Поведеніе великихъ пословъ подъ Смоленскомъ показываетъ намъ, что идея національной и государственной самобытности способна была воодушевить русское общество на упорное сопротивленіе вражескимъ притязаніямъ. Въ этомъ былъ залогъ возрожденія общества и успѣха народныхъ попытокъ возстановленія государственнаго порядка. Естественнымъ вождемъ національнаго движенія неминуемо долженъ былъ сдѣлаться Гермогенъ. Самое положеніе его какъ «начальнаго человѣка» осиротѣвшей безъ царя русской земли ставило его во главѣ всякаго подобнаго начинанія. Но помимо этого обстоятельства убѣжденія патріарха и его политическая программа вели его на путь пропаганды очищенія земли отъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Мы познакомились въ своемъ мѣстѣ съ попытками Гермогена проводить свою программу и защищать наиболѣе законный порядокъ. Въ вихрѣ соціальной и политической бури безсильнымъ оказался предостерегающій голосъ патріарха, но это не сломило его энергіи и вѣры въ силы и въ будущность родины. Въ безотрадную годину междуцарствія твердость духа Гермогена имѣла громадное значеніе, ободряя и воодушевляя русскихъ людей, доведенныхъ до безпросвѣтнаго отчаянія. Казалось, все погибло. Поляки привели Москву на военное положеніе, Сигизмундъ, затягивая переговоры и штурмуя тѣмъ временемъ Смоленскъ, явно двоедушничалъ; дѣлами управленія государствомъ стали завѣдывать «русскіе измѣнники» — вѣрные слуги польскаго короля. Послѣдніе, надѣясь на свою силу, затѣяли открыто признать Сигизмунда московскимъ царемъ; одинъ изъ нихъ, М. Г. Салтыковъ 30 ноября 1610 года пришелъ къ патріарху съ цѣлью склонить его къ уступчивости. Несмотря на рѣшительный отказъ патріарха, 1 декабря къ нему явились и другіе бояре съ просьбой «благословить крестъ цѣловати королю». Гермогенъ рѣшительно отвергъ просьбу, и тогда Салтыковъ позволилъ себѣ въ высшей степени непристойную брань по адресу первосвятителя и даже, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, угрожалъ ему ножомъ. Патріархъ остался непреклоненъ и заявилъ, что не только Сигизмундъ не надобенъ Россіи, «но и тако его отрасль (т.-е. Владиславъ), аще не пріидетъ въ наше хотѣніе». Салтыковъ скоро понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко; онъ «испросилъ у незлобиваго учителя прощеніе», извиняясь тѣмъ, что «шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ». Но опытный патріархъ прекрасно зналъ дешевую цѣну лицемѣрнаго раскаянія Салтыкова. Понималъ также Гермогенъ необходимость дать скорый отпоръ все болѣе и болѣе сильнымъ домогательствамъ Сигизмунда и его клевретовъ. Онъ рѣшилъ обратиться къ представителямъ московскаго посадскаго міра. Собранные патріархомъ въ Успенскій соборъ московскіе гости и торговые люди выслушали энергичную рѣчь своего первосвятителя и согласно его увѣщанію «отказали, что имъ королю креста не цѣловать».

Знакомя москвичей съ истинными намѣреніями польскаго короля и его приспѣшниковъ и уговаривая ихъ не присягать иновѣрцу, Гермогенъ прекрасно понималъ необходимость дѣйствовать оружіемъ для очищенія родины. Это сознаніе раздѣляли съ нимъ и другіе московскіе люди. Такъ, знакомый намъ панегиристъ патріарха въ своемъ подметномъ посланіи, написанномъ, по всей видимости, въ концѣ 1610 года, призываетъ москвичей къ вооруженному возстанію, жалуясь: «вы, православніи, не помогаете ему, государю, ни въ чемъ: говорите усты, а въ дѣлехъ вашихъ, Господь вѣсть, что у васъ будетъ». Авторъ посланія прибавляетъ, что нельзя ждать, «чтобы вамъ самъ великій тотъ столпъ святыми своими усты изрекъ и повелѣлъ бы на враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути». По мнѣнію составителя подметнаго письма, санъ патріарха не позволяетъ ему «повелѣвати на кровь дерзнути». Гермогенъ, тѣмъ не менѣе, «ожидаетъ съ часу на часъ Божія поможенія», а также «тщанія и дерзновенія» москвичей на враговъ. Когда же произойдетъ очищеніе столицы и государства, то отъ патріарха—думаетъ его почитатель—не будетъ на освободителей родины «клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе».

«Новая повѣсть», выдержки изъ которой мы только-что привели, рисуетъ настроеніе москвичей въ ноябрѣ—декабрѣ 1610 года. Въ другихъ городахъ Руси шло такое же броженіе. Народу нуженъ былъ начинатель, чтобы было вокругъ кого сплотиться и объединиться. Роль такого начинателя взялъ на себя Гермогенъ. Будучи сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ, патріархъ не могъ остановиться на полдорогѣ. Не по душѣ была ему и политика уклончиваго одобренія начатаго какъ бы помимо него вооруженнаго сопротивленія, на какую указывалъ составитель «Новой повѣсти». Гермогенъ не побоялся обвиненій, дѣйствительно, раздававшихся иногда впослѣдствіи, по словамъ князя Хворостинина, «яко соблазнъ и смущеніе патріархъ той сотворилъ есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами»...; при этомъ Хворостининъ и самъ какъ-будто до извѣстной степени держался подобнаго же мнѣнія. Патріархъ рѣшился откровенно обратиться къ русской землѣ съ грамотами и призвать ее на спасеніе своей самобытности. Конечно, умный первосвятитель постарался въ то же время, чтобы предпринятое имъ начинаніе и организація его остались по возможности тайной для польскихъ и русскихъ слугъ Сигизмунда.

Время, избранное Гермогеномъ для начала разсылки своихъ воззваній, совпадаетъ со смертью бывшаго тушинскаго Вора, сдѣлавшейся извѣстной на Москвѣ около половины декабря 1610 года. Моментъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень благопріятенъ. Смерть Вора обезсиливала козацкія шайки, дѣйствовавшія его именемъ, и давала возможность русскимъ людямъ оказать стойкое сопротивленіе Сигизмунду, которому многіе подчинялись лишь изъ боязни подпасть подъ власть Второго Лжедимитрія и его воровского правительства. При этомъ великіе послы изъ-подъ Смоленска разсылали по городамъ грамоты съ извѣстіями объ истинныхъ намѣреніяхъ польскаго короля. Такимъ образомъ, почва была подготовлена, и грамоты Гермогена, посланныя имъ въ Переяславль-Рязанскій, Муромъ, Нижній-Новгородъ и другіе города, произвели необыкновенно сильное впечатлѣніе. Города пересылались другъ съ другомъ посланіями, въ которыхъ приглашались исполнить совѣты «новаго Златоуста», состоящіе въ томъ, чтобы немедленно по зимнему пути спѣшить на очищенье Москвы и призывать на защиту православной вѣры и русской

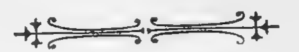
народности другіе города. При этомъ энергичнѣе всѣхъ дѣйствовалъ воевода рязанскій, думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, на котораго Гермогенъ возложилъ особенно большія надежды. Въ началѣ 1611 года ополченія изъ разныхъ городовъ стали стягиваться къ Москвѣ. Между тѣмъ о движеніи и роли въ немъ Гермогена узнали поляки, и, по порученію ихъ военачальниковъ, нѣкоторые бояре пришли къ патріарху. М. Г. Салтыковъ потребовалъ отъ первосвятителя, чтобы тотъ приказалъ ополченіямъ, имъ созваннымъ, вернуться назадъ. На это послѣдовалъ твердый отвѣтъ: «азъ къ нимъ стану писать: ежели ты измѣнникъ, Михайло Салтыковъ, съ литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы, и я имъ не велю ходити; а буде вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за православную христіанскую вѣру»... Не добившись желаемаго, къ патріарху приставили наблюдателей и запретили пускать къ нему кого бы то ни было. Тѣмъ временемъ рати Ляпунова и другихъ воеводъ приближались къ Москвѣ, гдѣ 17 марта 1611 года въ день прибытія земскихъ ополченій подъ столицу вспыхнуло вооруженное возстаніе. Результатомъ его было безпощадное избіеніе москвичей. Польскій гарнизонъ окончательно укрѣпился въ Кремлѣ и Китай-городѣ и приготовился къ осадѣ. Патріарха Гермогена свели съ патріаршества и посадили въ крѣпкое заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Послѣ начала осады Гонсѣвскій и Салтыковъ снова пытались уговорить патріарха повліять на отступленіе русскихъ ратныхъ людей изъ-подъ Москвы, въ противномъ случаѣ грозили лютой смертью. Мужественный патріархъ отвѣчалъ своимъ притѣснителямъ: «что вы мнѣ угрожаете? единаго я Бога боюсь; буде же вы пойдете, всѣ литовскіе люди, изъ Московскаго государства, и я ихъ благословляю отойти прочь; а будетъ вамъ стояти въ Московскомъ государствѣ, и я ихъ благословляю всѣхъ противъ васъ стояти и померети за православную христіанскую вѣру». Разсерженный Салтыковъ подвергъ Гермогена еще болѣе строгому заточенію.

Впереди ожидало архипастыря еще одно тяжелое испытаніе. Въ подмосковномъ ополченіи обнаружилась рознь между его составными частями: земщиной и козачествомъ. Сойдясь противъ общаго внѣшняго недруга, земщина и козаки оставались въ то же время соціальными врагами по отношенію другъ къ другу. Результатомъ этого былъ знаменитый земскій приговоръ 30 іюня 1611 года, обуздывавшій своеволіе козаковъ и умѣрявшій ихъ вожделѣнія. Озлобленные козаки вызвали къ себѣ на сходку (въ козацкій кругъ) вождя земскаго ополченія Ляпунова и, обвинивъ въ измѣнѣ, убили его. Многіе члены земскаго ополченія поспѣшили покинуть подмосковный станъ, въ которомъ стали хозяйничать козаки и ихъ предводители. Прошелъ упорный слухъ, что одинъ изъ этихъ предводителей, Иванъ Заруцкій, хочетъ провозгласить царемъ Воренка, сына Марины Мнишекъ и тушинскаго Вора. На первый взглядъ все представлялось потеряннымъ, но разъ начавшееся обновленіе русской земли не могло заглохнуть безслѣдно. Города поняли выгоду общей организаціи и путемъ обсылки грамотъ предостерегали другъ друга отъ козаковъ и звали къ совмѣстной думѣ и работѣ. Въ это время патріархъ Гермогенъ оказалъ послѣднюю услугу горячо любимой имъ родинѣ. Въ августѣ 1611 года онъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отправилъ въ Нижній-Новгородъ грамоту, въ которой сообщалъ о новыхъ замыслахъ козаковъ и атаманья посадить на престолъ Воренка. Патріархъ умолялъ нижегородцевъ распространить его посланіе по всѣмъ городамъ. Онъ совѣтовалъ послать изъ всѣхъ городовъ, отъ имени митрополита Ефрема и другихъ владыкъ и мірскихъ людей учительныя грамоты подмосковному ополченію. Въ нихъ надо было остерегать ратныхъ людей отъ признанія царемъ Воренка. Патріархъ предвидѣлъ, что въ козацкихъ таборахъ людей, присланныхъ съ подобными грамотами и словесными увѣщаніями, можетъ постигнуть смерть, и заранѣе благословлялъ ихъ на страданіе за вѣру и родину. Посланіе Гермогена несомнѣнно оказало большое вліяніе на вождей вскорѣ поднявшагося нижегородскаго ополченія, которые восприняли совѣтъ патріарха биться съ поляками, но не менѣе того остерегаться и козаковъ, опасаясь внутреннихъ враговъ такъ же, какъ и внѣшнихъ. Такимъ образомъ, роль Гермогена въ нижегородскомъ движеніи была очень значительной. Однако, до сравнительно недавняго времени благодаря талантливому, но далекому отъ истины труду троицкаго келаря Авраамія Палицына, переоцѣнившаго и безъ того большія услуги, оказанныя Сергіевымъ монастыремъ государству во время Смуты, все это движеніе приписывалось вліянію грамотъ троицкихъ властей. Изслѣдованіе И. Е. Забѣлина и его хронологическія сопоставленія разрушили эту легенду, а новѣйшій изслѣдователь Смуты, С. Ѳ. Платоновъ, окончательно разъяснилъ, чѣмъ была вызвана программа троицкихъ властей, звавшихъ города на соединеніе съ козаками, и почему земщина предпочла слѣдовать совѣтамъ Гермогена. Подробности организаціи разсылки грамотъ патріархомъ неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что съ первыми грамотами Гермогенъ посылалъ, между прочимъ, своихъ дѣтей боярскихъ. Извѣстны намъ также имена «безстрашныхъ людей»: служилаго человѣка Романа Пахомова и посадскаго человѣка свіяженина Родіона Мосѣева. Эти достойные люди проникали даже въ тѣсное заключеніе къ патріарху и получали отъ него грамоты и словесныя инструкціи. Были, конечно, и другіе помощники Гермогена. Всѣ они вѣрно и умѣло служили патріарху и его дѣлу. Поэтому мы смѣло отвергаемъ замѣчаніе враждебнаго Гермогену отзыва о «не быстрой распрозрительности» патріарха «къ злымъ и благимъ».

Вообще знакомство съ дѣятельностью Гермогена позволяетъ намъ оцѣнить восторженные отзывы о немъ его современниковъ. Хотя грубый и рѣзкій по виду, патріархъ при дальнѣйшихъ съ нимъ сношеніяхъ обнаруживалъ незамѣтныя на первый взглядъ сокровища своего ума и сердца. Сострадательный къ несчастнымъ, прощающій личныя обиды, онъ былъ въ то же время безпощаднымъ борцомъ за свои убѣжденія. Стойкій и сильный духомъ человѣкъ, онъ былъ притомъ проницательнымъ и искуснымъ политикомъ. Другъ порядка и законности, Гермогенъ остался вѣрнымъ царю Василію, хотя тотъ и не внималъ благоразумнымъ совѣтамъ патріарха. По свержепіи Шуйскаго, видя разруху государства и грядущее иноземное господство, опасаясь за будущее дорогого ему православія, патріархъ смѣло и безтрепетно возсталъ на защиту родины. Благословляя другихъ на смерть за вѣру, Гермогенъ самъ готовъ былъ пострадать за дѣло всей своей жизни. И, дѣйствительно, онъ погибъ въ осажденной русскими людьми Москвѣ. Разсказываютъ, что, услыхавъ про приготовленія нижегородскаго ополченія, поляки сдѣлали послѣднюю попытку повліять на него. Они опять потребовали отъ Гермогена посылки въ Нижній грамоты съ запрещеніемъ идти подъ Москву. «Онъ же великій государь исповѣдникъ рече имъ»,—повѣствуетъ намъ лѣтописецъ,—«да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, и вы окаянные, московскіе измѣнники, будете прокляты». Вскорѣ послѣ этого въ февралѣ 1612 года патріархъ умеръ. По русскимъ извѣстіямъ, онъ былъ уморенъ голодомъ; одно изъ польскихъ сообщеній говоритъ, что Гермогенъ былъ

удавленъ. Останки патріарха, погребеннаго сначала въ Чудовѣ монастырѣ, покоятся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Къ сожалѣнію, ловкія писанія Авраамія Палицына и враждебный Гермогену отзывъ, помѣщенный въ одномъ изъ весьма распространенныхъ произведеній древней нашей письменности, Хронографѣ 1617 года, затушевали довольно сильно значеніе патріарха и его дѣятельности. А между тѣмъ «крѣпкій и разумный адамантъ», «новый Златоустъ» имѣетъ такое же право на памятникъ на московской Красной площади, какъ и безсмертные вожди нижегородскаго ополченія, геніальный召нинъ и искусный полководецъ Пожарскій. Но, если высшая награда для благородныхъ, самоотверженныхъ сердецъ состоитъ въ сознаніи свято выполненнаго долга и незапятнанной совѣсти, патріархъ Гермогенъ вполнѣ вознагражденъ за свой тяжкій и великій подвигъ.

Прокопій Ляпуновъ.

А. Е. Прѣснякова.

Историки сравниваютъ старое Московское государство съ военнымъ лагеремъ, обращеннымъ боевымъ своимъ фронтомъ на югъ и на западъ. На южной и западной границахъ правительство преимущественно селило своихъ служилыхъ людей, надѣляя ихъ землями. На всемъ населеніи, на всемъ складѣ быта этихъ областей лежала печать ихъ пограничнаго и военнаго характера. Будучи главной опорой государственной обороны, военно-землевладѣльческое населеніе пользовалось особымъ вниманіемъ правительства; его интересамъ приносились въ жертву интересы низшаго, крестьянскаго, и высшаго, боярскаго, сословій. Во главѣ провинціальныхъ служилыхъ людей, по значенію и зажиточности, стояли дѣти боярскія «большихъ и среднихъ статей», по размѣру землевладѣнія, которое, въ свою очередь, зависѣло отъ служебной годности. Ниже ихъ—слой мелкаго служилаго люда, созданный политикой Грознаго, верставшаго въ службу козаковъ, надѣляя ихъ мелкими помѣстьями. Служилые люди высшихъ статей несли конную службу, а меньшихъ—служили съ пищалями, т.-е. были пѣшимъ сторожевымъ и гарнизоннымъ войскомъ на укрѣпленной границѣ. Послѣдніе составляли—и въ военномъ, и въ соціальномъ отношеніи—переходъ къ стрѣльцамъ и городовымъ козакамъ, а всѣ вмѣстѣ несли нелегкую и безпокойную государеву службу на окраинахъ и въ полкахъ.

Среди московскаго служилаго люда особымъ характеромъ отличались рязанцы. Иностранцы хвалятъ ихъ храбрость; московскіе лѣтописцы отмѣчаютъ дерзкій нравъ и «высокія» рѣчи рязанцевъ. А среди рязанцевъ на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ руководящую роль играла типичная ихъ представительница—семья Ляпуновыхъ. Ляпуновы были люди «большихъ статей», имѣли связи и вліяніе въ Москвѣ. Особенно выдѣлялся изъ нихъ Прокопій Петровичъ, бывшій однимъ изъ рязанскихъ «окладчиковъ», выборныхъ представителей мѣстныхъ служилыхъ людей передъ правительствомъ при опредѣленіи размѣра ихъ службы и оклада помѣстной и денежной дачи, какъ тогда говорили. «Прокопій—такъ характеризуетъ его С. М. Соловьевъ—красивый, умный и храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный человѣкъ, какъ отзывались о немъ современники, обладалъ также страшною энергіею, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться въ первые ряды, отнимала у него умѣнье дожидаться. Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія,—и кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія». Прокопій съ братьями были въ ряду первыхъ застрѣльщиковъ начавшейся по смерти Грознаго смуты. Въ 1584 г. мы видимъ ихъ въ московской уличной смутѣ, направленной противъ Богдана Бѣльскаго. Въ 1603 г. царь Борисъ получилъ свѣдѣнія, что изъ Рязани посылали на Донъ козакамъ «заповѣдные товары»: вино, порохъ, свинецъ, пищали, панцыри, шлемы. Слѣдствіе обвинило одного изъ братьевъ Ляпуновыхъ—Захара, и его наказали кнутомъ. Строгая дисциплина, строгій гражданскій порядокъ, объ установленіи которыхъ заботился Годуновъ, не могли сдѣлать его популярнымъ среди безпокойнаго, всегда склоннаго къ самоуправству населенія южныхъ областей. Появленіе перваго Самозванца сильно взволновало это населеніе. Недоумѣніе, несомнѣнно охватившее массу русскихъ людей при слухахъ о спасеніи царевича Димитрія, отсутствіе преданности Годунову, казавшемуся многимъ «случайнымъ» человѣкомъ на престолѣ, достаточно объясняютъ измѣну войска при первой вѣсти о смерти царя Бориса. Измѣна, повидимому, началась съ воеводъ Голицыныхъ и Басманова, но ихъ сейчасъ же поддержали помѣщики и вотчинники «большихъ статей», въ томъ числѣ и Ляпуновы. Въ войскѣ начался безпорядокъ: «никто не зналъ, кто былъ врагомъ, кто другомъ; одинъ бѣжалъ въ одну сторону, другой—въ другую, и вертѣлись какъ пыль, вздымаемая вѣтромъ». Служилые люди «зарѣчныхъ» городовъ (за Окою, считая отъ Москвы), рязанцы и другіе передались Самозванцу и помогли ему овладѣть престоломъ. За это ихъ ждали награды; царь Димитрій, «хотя всю землю прельстити», повелѣлъ вызвать въ Москву выборныхъ отъ провинціальныхъ дворянскихъ дружинъ съ челобитьями о помѣстьяхъ и денежномъ жалованьи, а потомъ разослалъ бояръ и окольничихъ надѣлять служилыхъ людей помѣстьями и раздавать имъ деньги «для его государева царскаго вѣнца и многолѣтняго здоровья». Скорая гибель Самозванца не могла встрѣтить сочувствія среди дѣтей боярскихъ и дворянъ, тѣмъ болѣе, что престолъ достался въ руки Василію Шуйскому, боярскому царю. Переходъ власти къ партіи родовитыхъ бояръ ничего хорошаго не сулилъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Мѣстническія привилегіи боярства стояли поперекъ дороги въ служебной ихъ карьерѣ, преграждая имъ доступъ къ воеводствамъ и къ высшей администраціи. Крупное боярское землевладѣніе было опаснымъ и тяжелымъ соперникомъ для рядовыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ въ борьбѣ за крестьянскія рабочія руки. И броженіе, происходившее среди провинціальнаго дворянства, получило въ царствованіе Шуйскаго новый смыслъ: это не просто смута, а борьба за свои сословные интересы.

Быстро и дружно поднялись южныя области Московскаго го-

сударства против боярскаго правительства, воцарившагося въ Москвѣ. Поднялись тѣ самыя области и тѣ самые люди, которые поддержали перваго Самозванца и доставили ему побѣду. Движеніе началось въ Сѣверскомъ краю, началось во имя будтобы вторично спасшагося Димитрія, хотя на лицо и не было никого, кто взялъ бы на себя это имя. Душою и вождемъ возстанія Сѣверской Украйны скоро сталъ бывшій холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ. Въ молодости Болотниковъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами и проданъ туркамъ; нѣсколько лѣтъ онъ былъ галернымъ невольникомъ въ Турціи, потомъ бѣжалъ, побывалъ въ Венеціи, откуда черезъ Среднюю Европу пробрался въ Польшу. Узнавъ о положеніи дѣлъ на родинѣ, Болотниковъ явился въ Путивль, къ вождю возстанія, князю Шаховскому, и получилъ команду надъ однимъ изъ отрядовъ. Появленіе Болотникова скоро опредѣлило характеръ движенія. Бывшій холопъ—онъ обратился съ воззваніями къ боярскимъ людямъ и крестьянамъ, призывая ихъ къ возстанію противъ господъ. По словамъ патріарха Гермогена, «воровскіе листы» Болотникова, разсылавшіеся въ Москву и другіе города, возбуждали боярскихъ холоповъ избивать своихъ бояръ, а ихъ женъ, вотчины и помѣстья брать себѣ, грабить гостей и торговыхъ людей, и сулили имъ боярство и воеводство, окольничество и дьячество. Такъ Болотниковъ поставилъ цѣлью движенія не политическій, а соціальный переворотъ, являясь своего рода предшественникомъ Стеньки Разина. По его призыву, говоритъ намъ лѣтопись, «собрахуся боярскіе люди и крестьяне, съ ними же украинскіе посадскіе люди, стрѣльцы и козаки; и начаша по градомъ воеводъ имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху». Разбивъ войско царскаго воеводы князя Трубецкаго, Болотниковъ двинулся къ Москвѣ. Вѣсть объ этомъ возстаніи подняла на Шуйскаго украинные и рязанскіе города. Но тутъ движеніе носило иной характеръ. Въ Рязани вождями возстанія были воевода Григорій Сумбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ. Эти подняли на боярское правительство высшій слой провинціальнаго дворянства, дѣтей боярскихъ большихъ и среднихъ статей. Въ Тулѣ, Веневѣ, Каширѣ поднялись мелкопомѣстные люди подъ предводительствомъ Истомы Пашкова. Дворянскія ополченія также пошли къ Москвѣ и, взявъ Коломну, за Окою соединились съ Болотниковымъ. За этой первой волной возстанія, скоро докатившейся до Москвы, поднялись другія. На Волгѣ возстали инородцы вмѣстѣ съ русскими холопами и крестьянами, подъ «воеводствомъ» сына боярскаго Ивана Доможирова и двухъ мордвиновъ, Варгидина и Москова; а въ юго-восточныхъ окраинахъ, на низовьяхъ Волги, появились козацкія шайки съ своимъ самозванцемъ Илейкой Муромцемъ, котораго назвали царевичемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, сыномъ царя Ѳеодора Ивановича. Начинался самый острый моментъ смуты, грозившій полной «разрухой Московскаго государства».

Стихійный характеръ всего движенія, проявившіяся въ немъ грозныя черты соціальной революціи, дѣлали союзъ съ нимъ дворянскихъ отрядовъ Сумбулова и Ляпунова неестественнымъ. Соединеніе съ Болотниковымъ скоро раскрыло имъ глаза: ихъ союзникъ былъ болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ московское боярство, больше тѣхъ грозилъ ихъ землевладѣльческимъ и сословнымъ интересамъ. Мѣсяцъ простояло соединенное ополченіе подъ Москвою, но 15 ноября 1606 г. рязанцы, дворяне и дѣти боярскія поѣхали прочь отъ «злыхъ грабителей и осквернителей» съ повинною къ царю Василію Ивановичу. Возставшая толпа разложилась на тѣ общественные элементы, изъ которыхъ случайно составилась. За рязанцами ушли въ Москву всѣ дѣти боярскія. Мелкіе служилые люди Истомы Пашкова колебались дольше: они не были «боярами» для Болотниковскихъ шаекъ, но интересы и ихъ ближе ставили къ дворянамъ, и въ рѣшительную минуту они также отстали отъ возстанія. Царь Василій рѣшился самъ напасть на Болотникова. Измѣна Пашкова привела къ пораженію «воровъ, боярскихъ людей и козаковъ» Болотникова. А Прокопію Ляпунову въ Москвѣ было сказано думное дворянство, и онъ сталъ вмѣстѣ съ Сумбуловымъ воеводой въ Рязани.

Съ суровой жестокостью провелъ царь Василій усмиреніе возставшихъ. Но оно не было еще доведено до конца, когда изъ Сѣверщины поднялась новая волна Смуты, принесшая подъ Москву второго Самозванца, Тушинскаго Вора. Отряды Вора состояли, преимущественно, изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и отряды Болотникова,—и Ляпуновы остаются на сторонѣ Шуйскаго. Прокопій, теперь главный воевода рязанскій, вкладываетъ всю свою энергію въ борьбу съ ворами и не разъ заслуживаетъ особую благодарность царя Василія за вѣрность и усердіе. Но это была вѣрность не Шуйскому, а тому порядку, которому грозила смута, и какъ только Ляпуновъ нашелъ въ царскомъ племянникѣ, М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ, человѣка, соединявшаго качества надежнаго вождя съ личной значительностью, онъ, не умѣвшій ни сдерживаться, ни выжидать, шлетъ изъ Рязани грамоту молодому воеводѣ, подходившему къ Москвѣ, съ укоризненными рѣчами противъ царя Василія и поздравленіемъ Скопина въ царскомъ достоинствѣ. Скопинъ разорвалъ грамоту, умолчалъ о ней, но дѣло вскрылось и набросило на него тѣнь. Неожиданная смерть, его постигшая, приписана была отравѣ, которую ему поднесли Шуйскіе,—и рязанскій воевода разсылаетъ грамоты въ другіе города, призывая помочь ему въ мщенія царю Василію за смерть князя Михаила Васильевича. Организовать открытое возстаніе ему не удалось. Тогда онъ вступилъ въ заговоръ съ кн. В. В. Голицынымъ и другими московскими врагами Шуйскаго. По почину Прокопія начинаютъ дѣйствовать въ Москвѣ братъ его Захаръ съ товарищами. Они явились къ царю съ требованіемъ, чтобы онъ «положилъ посохъ царскій», потому что изъ-за него кровь льется, и земля пустѣетъ. Шуйскій отказался уступить; тогда Захаръ Ляпуновъ и его единомышленники собрали у Серпуховскихъ воротъ бояръ, дворянъ и торговыхъ людей на совѣтъ, какъ бы Московскому государству не быть въ разореньи и расхищеньи, и приговорили, не обращая вниманія на протесты патріарха Гермогена и немногихъ бояръ, бить челомъ царю Василію, чтобы онъ, государь, царство оставилъ, для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, государь, на своихъ государствахъ несчастливъ. Шуйскаго заставили изъ царскаго дворца переѣхать въ его боярскій дворъ. Черезъ два дня Захаръ Ляпуновъ съ товарищами и монахами Чудова монастыря произвели насильно обрядъ простриженія въ монахи Шуйскаго и его жены, а братьевъ посадили подъ стражу. Ляпуновская партія предполагала замѣнить его княземъ В. В. Голицынымъ. Но въ Москвѣ была другая и значительная сила, партія придворной знати и дворянъ «большихъ статей», во главѣ которой стоялъ бывшій «тушинскій патріархъ», митрополитъ Филаретъ. Она сорганизовалась въ Тушинѣ, куда отъѣзжала изъ вражды къ Шуйскому, и, когда Тушино распалось, порѣшила никого ни изъ Шуйскихъ, ни изъ иныхъ бояръ на государство не хотѣть, а избрать въ цари польскаго королевича Владислава, ограничивъ его власть договоромъ. Обстоятельства были благопріятны для торжества именно этого плана. Находясь между двухъ огней,

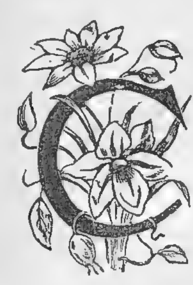
между шайками второго Самозванца и польскими войсками Жолкѣвскаго, подступившаго къ Москвѣ, бояре и дворяне изъ двухъ золъ выбрали меньшее и, боясь черни, сочувствовавшей Вору, присягнули Владиславу. Присягнулъ ему и Прокопій Ляпуновъ, но, конечно, и у него, какъ у многихъ, эта присяга была вынуждена только страхомъ передъ господствомъ черни. Разсѣялся этотъ страхъ, Воръ былъ убитъ въ концѣ 1610 г., выяснилось, что король Сигизмундъ не даетъ сына на царство, а хочетъ себѣ подчинить Москву,—и началось среди русскихъ людей движеніе противъ поляковъ. Это движеніе не нашло себѣ опоры въ боярствѣ; бояре «князь Мстиславскій съ товарищи», дорожили и кандидатурой Владислава, и условіями его избранія, ограничивавшими его власть, готовы были даже Сигизмунда признать; это настроеніе сохранилось у нихъ даже тогда, когда изъ Нижняго поднялось на освобожденіе Москвы народное ополченіе Минина и Пожарскаго. Центральнымъ дѣятелемъ въ національномъ движеніи противъ господства иноземцевъ выступилъ патріархъ Гермогенъ, но еще раньше его призыва сталъ самостоятельно дѣйствовать Прокопій Ляпуновъ. Уже въ январѣ 1611 г. бояре доносили королю о возстаніи въ Рязани. Съ этихъ поръ, хоть ненадолго, Ляпуновъ выступаетъ на первый планъ въ судьбахъ истерзаннаго смутой Московскаго государства.

По низложеніи Шуйскаго, во время междуцарствія, боярское правительство не сумѣло пріобрѣсть ни силы, ни авторитета. Власть въ Москвѣ захватили люди, передавшіеся на сторону короля Сигизмунда и заслужившіе, въ народномъ сознаніи, названіе измѣнниковъ. Сближеніе съ поляками, въ надеждѣ на избраніе Владислава, которому, по свидѣтельству Жолкѣвскаго, и Ляпуновъ сперва радовался, оказалось опаснымъ и гибельнымъ. Патріархъ Гермогенъ разрѣшилъ народъ отъ присяги Владиславу и призывалъ русскихъ людей, собравшись со всѣхъ городовъ, идти къ Москвѣ на литовскихъ людей. Но московскіе бояре продолжали держаться короля и его сына. Этимъ они выпустили изъ рукъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, и руководящая роль перешла къ представителямъ провинціальнаго дворянства, среди которыхъ первое мѣсто по энергіи и вліянію занималъ Прокопій Ляпуновъ. Подъ его команду сходятся къ Москвѣ служилые люди и ополченія изъ разныхъ городовъ. Бояре и съ ними тѣ русскіе люди, которые засѣли въ Москвѣ съ поляками, смотрятъ на дворянское ополченіе какъ на воровъ, какъ на «воровскія» шайки. Зато рядомъ съ Ляпуновымъ стоятъ другіе союзники: онъ попытался привлечь на «земскую» службу дѣлу національной самозащиты отряды, приставшіе къ Вору, козаковъ, холоповъ, крестьянъ, обѣщая боярскимъ крѣпостнымъ людямъ волю и жалованье, а козакамъ награду. Это касалось тѣхъ, кто уже былъ въ ополченіяхъ, оставшихся отъ разсѣянныхъ шаекъ Вора; ихъ Ляпуновъ хотѣлъ видѣть не врагами въ тылу у себя, а союзниками въ борьбѣ съ поляками. Призывъ имѣлъ успѣхъ. Всѣ ратные люди, которые прежде служили второму Самозванцу, пришли со своимъ воеводой кн. Дмитріемъ Трубецкимъ помогать Ляпунову; пришли и козацкіе отряды съ Заруцкимъ и Просовецкимъ. Такъ составилось ополченіе 1611 года. Оно смотрѣло на себя не какъ на войско только, а какъ на своего рода «совѣтъ всей земли». Выбравъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго вождями, ополченіе установило своеобразное временное правительство. Вожди не только командовали войскомъ, но и управляли государствомъ. Они назначали воеводъ по городамъ, раздавали помѣстья, распоряжались сборомъ ратныхъ людей и денегъ. Въ важныхъ дѣлахъ—совѣщались со всѣмъ ополченіемъ, и рѣшенія, принятыя «всею ратью», считались рѣшеніями «всей земли». Для правильнаго веденія дѣлъ при воинскомъ совѣтѣ устроены были приказы. Такъ возникло новое правительство, которое взялось «строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять». Преобладающее вліяніе принадлежало въ рати Ляпунову и его дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и это отразилось на мѣропріятіяхъ по установленію порядка какъ во всей землѣ, такъ и въ самомъ войскѣ. Особое вниманіе обращено на вопросы служилаго землевладѣнія; рѣшено было надѣлять участниковъ ополченія помѣстьями, по тѣмъ правиламъ, какія были приняты въ Москвѣ, а не по тѣмъ окладамъ, какіе учинены были въ Тушинѣ или въ лагерѣ короля Сигизмунда подъ Смоленскомъ. Лишнія земли, захваченныя незаконно, рѣшили отбирать. Это не могло не задѣть интересовъ многихъ бывшихъ «тушинцевъ». Еще болѣе должно было испугать и раздражить рядовыхъ людей изъ отрядовъ Трубецкаго и Заруцкаго рѣшеніе бѣглыхъ крестьянъ и боярскихъ людей по сыску отдавать назадъ ихъ старымъ помѣщикамъ. Словомъ, «приговоры всей земли» старались, по возможности, подтвердить и возстановить въ полной силѣ тотъ порядокъ и общественный строй, который сложился въ Московскомъ государствѣ къ концу XVI вѣка. Но именно недовольство этимъ порядкомъ было силой, которая вызвала къ возстанію низшіе слои населенія, пошедшіе за первымъ Лжедимитріемъ, за Болотниковымъ, за Тушинскимъ Воромъ и теперь стоявшіе въ ополченіи рядомъ съ Ляпуновымъ. Онъ повторилъ свою ошибку 1606 г., вступивъ въ союзъ съ врагами того порядка, на возстановленіе котораго поднялся. Ляпуновъ надѣялся, удовлетворивъ своихъ безпокойныхъ союзниковъ жалованьемъ, подчинить ихъ себѣ и строгой дисциплинѣ. Внѣ лагеря рѣшено было козаковъ ни въ какія посылки не посылать иначе, какъ подъ командой «дворянъ добрыхъ», а тѣхъ изъ нихъ, кто попалъ на должности по администраціи въ разныхъ городахъ и волостяхъ, свести и замѣнить дворянами. Съ этого приговора и начали козаки «надъ Прокофьемъ думать, какъ бы его убить». Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ляпуновъ даже бѣжалъ-было къ Рязани, но его догнали и уговорили вернуться. Козаки же, съ вѣдома своихъ начальниковъ, «написали грамоту отъ Прокофья по городамъ, что будто велѣно козаковъ по городамъ побивати и руку его подписаша». Грамоты эти одинъ изъ атамановъ принесъ въ козачій кругъ, вызвали Ляпунова для объясненій и тамъ его убили, а домъ его разграбили. И были его убійцами, говорилъ позднѣе князь Пожарскій, «старые заводчики всякому злу, атаманы, козаки и холопы боярскіе». По смерти Ляпунова, его ополченіе распалось. Козаки со своими предводителями взяли верхъ, и въ подмосковномъ лагерѣ настала такая смута, что дворянское войско разошлось, оставивъ однихъ козаковъ продолжать осаду запертаго въ Москвѣ польскаго гарнизона.

Авраамій Палицынъ.

Платона Гр. Васенко.

СТАРЕЦЪ Авраамій Палицынъ, авторъ извѣстной «Исторіи въ память предидущимъ родомъ», стяжалъ себѣ славу великаго патріота и защитника русскихъ интересовъ. Во время Отечественной войны въ знаменитомъ манифестѣ императора Александра I келарь Троицкой обители былъ поставленъ на ряду съ вождями нижегородскаго ополченія, какъ высокій примѣръ доблести и самоотверженія. Подобный взглядъ на Палицына преобладаетъ до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ, поддерживаясь русской учебной литературой. А между тѣмъ изслѣдованія Д. П. Голохвастова, И. Е. Забѣлина и С. Ѳ. Платонова обнаруживаютъ въ личности и поступкахъ Авраамія Палицына не мало темныхъ сторонъ. Причина преувеличенной репутаціи старца-писателя выяснится послѣ ознакомленія въ общихъ чертахъ съ практической и литературной его дѣятельностью.

Авраамій (въ мірѣ Аверкій Ивановичъ) Палицынъ по происхожденію принадлежалъ къ дворянскому роду средней руки. Онъ родился около 1550 года, а въ 1588 году подвергся опалѣ, причемъ имѣніе его конфисковано. Причина опалы Палицына въ точности неизвѣстна, но ее не безъ основанія ставятъ въ связь съ опалой Шуйскихъ, пострадавшихъ вслѣдствіе вражды ихъ къ Годунову и интригъ противъ него. Вскорѣ послѣ опалы Аверкій Палицынъ постригся въ монахи, принявъ имя Авраамія. Мѣстомъ его постриженія называютъ Соловки; но это утвержденіе не можетъ претендовать на достовѣрность. Вся дѣятельность Авраамія Палицына связана съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ, близъ котораго онъ родился, которому служилъ своими талантами, которому жертвовалъ свои родовыя земли. При этомъ, передавая въ 1611 г. свою вотчину Троицкой обители, старецъ просилъ «покоить» его, «какъ и прочую братію», «покамѣсть Богъ живота продлитъ», «въ дому Живоначальные Троицы и великаго чудотворца Сергія». Въ 1601 году Палицынъ былъ, какъ мы знаемъ изъ одного тяжебнаго дѣла, какимъ-то начальствующимъ лицомъ въ зависившемъ отъ Троице-Сергіевой обители Богородицкомъ Свіяжскомъ монастырѣ, которымъ управляли наиболѣе видные представители троицкой братіи. Въ 1608 году старецъ Авраамій, быть-можетъ, по рекомендаціи царя Василія Шуйскаго, сталъ келаремъ Троицкаго монастыря. Это назначеніе высоко ставило Палицына въ ряду монастырской іерархіи, такъ какъ въ старыя времена келарь былъ первымъ лицомъ обители послѣ настоятеля. Завѣдуя вотчинами монастыря и всѣмъ вообще внѣшнимъ хозяйствомъ его, келарь въ то же время былъ посредникомъ между обителью и свѣтской властью. Благодаря характеру должности келаря на нее обыкновенно выбирались люди, умудренные житейскимъ опытомъ и обладавшіе природными практическими способностями. Особенно такими свойствами долженъ былъ обладать келарь первой въ государствѣ по богатству и значенію обители. Судя по разсѣяннымъ въ «Исторіи» Палицына замѣчаніямъ и его образу дѣйствій, старецъ-писатель былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для занятой имъ должности.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1608 года началась знаменитая осада Троице-Сергіева монастыря. Во время осады Палицынъ жилъ на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ. Это обстоятельство послужило причиной подозрѣнія, что Авраамій остался въ столицѣ, предвидя надвигавшуюся осаду и не желая подвергаться ея тяготамъ. Самъ Палицынъ утверждаетъ, что остался «въ царствующемъ градѣ Москвѣ по повелѣнію Самодержавнаго». Принимая во вниманіе кругъ обязанностей келаря, нѣтъ основаній сомнѣваться въ истинѣ показанія Авраамія. Во время осады «дома Живоначальныя Троицы» старецъ-келарь поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ своей обителью. Онъ подробно разсказываетъ въ своей «Исторіи» о томъ, какъ благодаря его настоятельнымъ и слезнымъ моленіямъ была отправлена нѣкоторая подмога осажденнымъ. Не преминулъ также Палицынъ посвятить одну изъ главъ своего произведенія повѣствованію «о приходѣ въ обитель сходниковъ съ грамоты отъ келаря старца Авраамія», который старался такимъ образомъ поддержать духъ защитниковъ монастыря. Въ то же время изъ «Исторіи» видно, что троицкій келарь благодѣтельствовалъ и осажденной Москвѣ. Благодаря выпущеннымъ имъ на продажу запасамъ монастырской ржи дважды падала цѣна на хлѣбъ, искусственно вздутая вслѣдствіе стачки «житопродавцевъ». Разсказывая такимъ образомъ о своихъ дѣйствіяхъ во время осады, Палицынъ, однако, какъ оказывается, сообщалъ о нихъ далеко не все. Въ своемъ «Сказаніи» объ осадѣ монастыря келарь повѣствуетъ о троицкомъ казначеѣ Іосифѣ Дѣвочкинѣ, обличенномъ въ измѣнныхъ замыслахъ діакономъ Гуріемъ Шишкинымъ. Авраамій говоритъ о признаніи казначея подъ пыткой и о скорой смерти его отъ ужасной болѣзни, въ которой видитъ карающій перстъ Божій. Въ разсказѣ объ измѣнѣ Дѣвочкина Палицынъ обвиняетъ также въ «потаковничествѣ» казначею второго воеводу осажденной рати, Алексѣя Голохвастова, и набрасываетъ на него въ осторожныхъ выраженіяхъ подозрѣніе въ соучастіи. Изъ сообщеній Авраамія не видно, принималъ ли онъ какое-либо участіе въ дѣлѣ обнаруженія «измѣны» казначея, и какъ отнеслись къ «измѣннику» восхваляемый Палицынымъ архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы. Въ этомъ случаѣ намъ на помощь приходятъ сохранившіяся до нашего времени письма къ Палицыну главнаго воеводы троицкой рати князя Долгорукаго и вышеназваннаго іеродіакона Гурія Шишкина, а также челобитная на имя царя Василія Шуйскаго, составленная однимъ изъ братій Троицкаго монастыря, но выданная имъ за коллективное прошеніе. Сопоставленіе этихъ документовъ приводитъ къ итересным выводамъ. Обнаруживается, во-первыхъ, что и Долгорукій, и Шишкинъ дѣйствовали подъ покровомъ тайны. Самая переписка ихъ съ Палицынымъ носитъ секретный характеръ. При этомъ и архимандритъ, и соборные старцы были на сторонѣ казначея, а не его обличителя. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что

Алексѣй Голохвастовъ, имѣя случаи измѣнить Шуйскому, ни разу этимъ не воспользовался, а самообвиненіе несчастнаго Іосифа Дѣвочкина, вызванное жестокой пыткой, имѣетъ мало значенія: недаромъ старшіе иноки монастыря отнеслись съ сочувствіемъ къ заподозрѣнному. Поэтому вполнѣ дозволительно думать, что троицкій казначей сталъ жертвой интриги, къ которой былъ причастенъ и знаменитый келарь.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть про письмо, присланное въ концѣ 1609 или началѣ 1610 года начальнику осаждающаго монастырь войска, Яну Петру Сапѣгѣ какимъ-то старцемъ архимандритомъ Авраамiемъ. Изъ письма видно, что Авраамій, имѣющій большое вліяніе въ Троице-Сергіевѣ монастырѣ, приглашался пріѣхать изъ Москвы въ станъ осаждающихъ обитель войскъ и склонить осажденныхъ къ уступчивости. Старецъ осторожно уклонялся отъ приглашенія, смягчая свой отказъ цѣнными сообщеніями объ отрядахъ Скопина и настроеніи москвичей. Принимая во вниманіе странное титулованіе Авраамія «старцемъ архимандритомъ» и вспоминая аналогичныя пожалованія въ Тушинѣ духовными санами, профессоръ Платоновъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе о тожествѣ Палицына съ корреспондентомъ Сапѣги. Послѣднее предположеніе подтверждается и тѣмъ фактомъ, что оба архимандрита, носившіе имя Авраамія и жившіе тогда въ Москвѣ—чудовскій и андроньевскій,—не имѣли никакого отношенія къ Троицкой обители. Въ такомъ случаѣ старца Авраамія Палицына придется причислить къ тѣмъ многочисленнымъ перелетамъ изъ Москвы въ Тушино и обратно, дѣйствія которыхъ онъ такъ краснорѣчиво заклеймилъ въ своей «Исторіи».

Допустимъ, однако, что указанное предположеніе, несмотря на всю его вѣроятность, остается лишь предположеніемъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣненъ фактъ дальнѣйшаго уклончиваго поведенія Палицына. Въ годъ снятія осады съ Троице-Сергіева монастыря наступило междуцарствіе. На земскомъ соборѣ рѣшено было избрать въ цари королевича Владислава, къ отцу котораго, королю Сигизмунду, подъ Смоленскъ было отправлено великое посольство. Виднымъ членомъ этого посольства, имѣвшаго цѣлью склонить короля согласиться на переходъ Владислава въ православіе, былъ и келарь «дома Живоначальныя Троицы», Авраамій Палицынъ. Послѣдній, противъ своего обыкновенія, ничего не говоритъ въ «Исторіи» о своемъ участіи въ посольствѣ. Указавъ на несогласіе Сигизмунда отпустить на царство королевича и требованіе короля, чтобъ москвичи подчинились прямо ему, старецъ-писатель рѣшается назвать посольство «бездѣльнымъ». Послы, по его словамъ, отчаялись и не знали, что дѣлать. Одни изъ нихъ вернулись въ царствующій градъ, а другихъ король отослалъ въ Литву. Читая произведеніе Авраамія, невольно удивляешься умаленію подвига Голицына, Филарета, Луговскаго и другихъ членовъ великаго посольства, которые предпочли тяжкій плѣнъ—измѣнѣ русскому дѣлу. Еще болѣе поражаетъ снисходительный тонъ сообщенія объ отъѣхавшихъ изъ-подъ Смоленска въ Москву и исполнившихъ волю врага родины, короля Сигизмунда. Удивленіе наше исчезаетъ, если только мы сообразимъ, что въ числѣ измѣнившихъ своему долгу пословъ былъ и Палицынъ. Пріѣхавъ подъ Смоленскъ, келарь Авраамій 12 октября 1610 г. представился вмѣстѣ съ другими членами великаго посольства Сигизмунду, причемъ поднесъ ему особенно богатые подарки. Въ декабрѣ того же года Палицынъ покинулъ наиболѣе стойкихъ пословъ и уѣхалъ въ Москву, послѣдовавъ примѣру другихъ угодниковъ польскаго короля. Передъ отъѣздомъ Палицынъ сказался больнымъ и на всѣ приглашенія Филарета и князя Голицына прійти къ нимъ для переговоровъ отвѣчалъ отказомъ. Не мѣшаетъ отмѣтить, что еще въ серединѣ ноября старецъ-келарь выхлопоталъ у Сигизмунда для своей обители разныя льготы, превратившись, такимъ образомъ, въ королевскаго «богомольца» задолго до своего удаленія изъ-подъ Смоленска. Историки-защитники Палицына думали объяснить поступокъ Палицына его горячимъ желаніемъ поскорѣе вернуться на родину, чтобы противодѣйствовать польскому вліянію. Однако, если бы келарь Троицкаго монастыря имѣлъ такія патріотическія намѣренія, ему нечего было бы уклоняться отъ свиданія съ послами, крѣпко стоявшими за русское дѣло. Вѣрнѣе поэтому думать, что Авраамій руководился дальновидными политическими соображеніями, считая польское торжество неминуемымъ, такъ какъ поляки занимали Кремль своимъ гарнизономъ и хозяйничали въ русской столицѣ. Мы знаемъ отъ современниковъ знаменитаго келаря, что онъ не сразу по возвращеніи въ Москву сталъ служить русскому національному движенію. Правда, повѣствуя о разсылкѣ грамотъ по городамъ съ приглашеніемъ «поспѣшить идти къ царствующему граду Москвѣ на богомерскихъ польскихъ и литовскихъ людей и на русскихъ измѣнниковъ», онъ упоминаетъ и о своемъ участіи въ составленіи этихъ воззваній. Но изъ Житія св. Діонисія, бывшаго тогда архимандритомъ Троицкаго монастыря, ясно, что въ составленіи первыхъ грамотъ, разосланныхъ по городамъ съ цѣлью поднять ихъ на поляковъ, Палицынъ участія не принималъ. Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что вообще указаннымъ грамотамъ Троицкаго монастыря съ легкой руки Авраамія придавалось преувеличенное значеніе. Имъ приписывали заслугу созванія ляпуновскаго ополченія. Между тѣмъ это совершенно невѣрно, такъ какъ починъ въ названномъ дѣлѣ принадлежитъ безспорно патріарху Гермогену, а грамоты троицкихъ властей лишь способствовали еще большему воодушевленію уже соединившихся въ ополченіе русскихъ людей. Къ сожалѣнію, даже подъемъ духа ополченцевъ не избавилъ ихъ отъ страшной розни между двумя частями ополченія: земской, предводимой Прокопіемъ Ляпуновымъ, и козачьей, бывшей подъ начальствомъ кн. Трубецкаго, Просовецкаго и Заруцкаго. Союзъ соціальныхъ враговъ скоро повлекъ за собой неминуемую катастрофу: убіеніе Ляпунова, случившееся 22 іюля 1611 года. Потрясенное смертью вождя земское ополченіе быстро разошлось изъ-подъ Москвы. Казалось, все погибло. Но разъ начатое движеніе уже не могло остановиться. Снова завязались обсылки городовъ между собой съ увѣщаніями стоять за общее дѣло, разослалъ грамоты изъ своего заключенія томившійся въ Чудовомъ монастырѣ подъ надзоромъ поляковъ и ихъ приверженцевъ патріархъ, возобновили свою дѣятельность и Троицкія власти. Вскорѣ сформировалось нижегородское ополченіе Минина и Пожарскаго, выросшее впослѣдствіи въ общеземскую рать.

Изъ разсказа Палицына съ увѣренностью заключали, что благодаря Троицкой обители возникла мысль о спасительномъ для русской государственной самобытности ополченіи. Изслѣдованія И. Е. Забѣлина доказали неосновательность такого утвержденія. Выяснилось, во-первыхъ, что первая изъ грамотъ Троицкаго монастыря пришла въ Нижній-Новгородъ уже послѣ возникновенія тамъ мысли объ ополченіи. Далѣе, и это наиболѣе важно, вожди ополченія не приняли той руководящей программы, которой совѣтовали держаться монастырскія грамоты. Они предпочли дѣйствовать по указаніямъ Гермогена. Разница же въ грамотахъ троицкихъ властей и патріарха заключалась въ слѣдующемъ. Діонисій и Палицынъ звали горожанъ подъ Москву противъ по-

ляковъ и на соединеніе съ козаками Трубецкаго и другихъ вождей. Патріархъ, взывая объ очищеніи столицы отъ иноземцевъ, совѣтовалъ въ то же время остерегаться и обуздывать козаковъ. Примѣръ Ляпунова былъ передъ глазами земскихъ русскихъ людей. Поэтому-то Мининъ и Пожарскій усвоили программу, намѣченную Гермогеномъ. Медленно и осторожно двинулись земскія рати къ Ярославлю и стали тамъ сосредоточиваться и устраиваться, принимая рядъ мѣръ къ обузданію и подчиненію себѣ козачьихъ отрядовъ. Отличные организаторы, вожди нижегородскаго ополченія прекрасно понимали всю важность обезпеченія и пополненія рати какъ запасами всякаго рода, такъ и личнымъ составомъ. Выполняя правильно понятую имъ задачу, Пожарскій не торопился походомъ къ Москвѣ. Между тѣмъ подъ вліяніемъ Трубецкаго, поссорившагося съ Заруцкимъ и боявшагося вступившаго въ русскіе предѣлы гетмана Хоткѣвича, Троицкія власти торопили ополченіе, ставшее въ февралѣ 1612 года общеземской ратью. Въ Ярославль отправился, наконецъ, въ концѣ іюня того же года, самъ Авраамій Палицынъ, которому, если судить по его словамъ, и удалось превозмочь нерѣшительность и медлительность Пожарскаго. Зная, что Троицкія власти видѣли враговъ русской земли лишь въ полякахъ и считали козаковъ поборниками православія, можно понять обвиненіе Аврааміемъ Пожарскаго въ томъ, будто онъ «косно и медленно о шествіи промышляше». Но выше мы видѣли, что причина неторопливости вождей земскаго ополченія была вполнѣ основательна. Движеніе же рати къ Москвѣ, послѣдовавшее вскорѣ послѣ пріѣзда старца-келаря въ Ярославль, находитъ себѣ объясненіе вовсе не во вліяніи учительныхъ словъ Палицына, а въ создавшейся къ тому времени обстановкѣ. Земское ополченіе было организовано и обезпечено, козаки частью подчинились земщинѣ, частью потеряли значеніе. Кромѣ того, гетманъ Хоткѣвичъ приближался уже къ самой столицѣ. Тогда-то и двинулись Пожарскій и Мининъ къ Москвѣ. Незадолго до ихъ прихода Заруцкій со своими шайками бѣжалъ изъ занимаемыхъ имъ таборовъ. Оставшіеся козаки не сливались съ земскимъ ополченіемъ, которое съ полнымъ основаніемъ держало себя недовѣрчиво по отношенію къ нимъ. Въ августѣ 1612 года начались бои съ Хоткѣвичемъ. Въ это время по просьбѣ вождей земскаго ополченія Палицынъ склонилъ козаковъ, которые въ моменты рѣшительныхъ столкновеній русскихъ людей съ поляками бездѣйствовали, постоять за общее дѣло. При этомъ старецъ-келарь обѣщалъ козакамъ раздачу Троицкой казны и тѣмъ возбудилъ въ нихъ желаніе сразиться за родину. Къ чести козаковъ слѣдуетъ замѣтить, что они отказались отъ всякаго вознагражденія, когда имъ были присланы, за неимѣніемъ въ Троицкой казнѣ денегъ, «церковныя сокровища, ризы, стихари и патрахили саженые». Въ успѣшномъ увѣщаніи козаковъ состояла несомнѣнная заслуга Авраамія Палицына. Въ своей «Исторіи» онъ не преминулъ распространиться объ отмѣченномъ дѣлѣ, причемъ, однако, сильно преувеличилъ какъ значеніе всего происшествія, такъ и размѣры своего въ немъ участія. Палицынъ разсказалъ въ своемъ повѣствованіи, что онъ уговаривалъ козаковъ дважды. Въ первый разъ ему удалось лишь силой своего учительнаго слова подвигнуть козаковъ на бой съ врагами и стать притомъ во главѣ ихъ отрядовъ, одержавшихъ блистательную побѣду. На другой день козаки снова отказались идти въ бой, и тогда Палицыну пришлось посулить имъ «церковныя сокровища». Эти разсказы опровергаются показаніями другихъ лѣтописцевъ и въ томъ числѣ троицкаго инока Симона Азарьина, ученика архимандрита Діонисія, представлявшихъ дѣло такъ, какъ выше изложено. Характерно, что Авраамій ни единымъ словомъ не обмолвился о подвигѣ Минина, который рѣшилъ результатъ боевъ ополченія съ Хоткѣвичемъ.

Послѣ полной неудачи литовскаго гетмана, русское ополченіе устроило тѣсную блокаду польскаго гарнизона въ Кремлѣ и въ октябрѣ 1612 года принудило его къ сдачѣ. Былъ созванъ новый земскій соборъ, на которомъ 21 февраля 1613 года всей землей избранъ царемъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Старецъ Авраамій повѣствуетъ объ обстоятельствахъ избранія, выставляя себя центральной фигурой: къ нему приходятъ «многіе дворяне и дѣти боярскіе и гости многихъ разныхъ городовъ, и атаманы и козаки... принесоша же и писанія своя о избраніи царскомъ». По просьбѣ пришедшихъ къ нему многочисленныхъ членовъ собора, Палицынъ «возвѣщаетъ всему освященному собору, и бояромъ, и воеводамъ, и всему царскому синклиту» о кандидатурѣ Михаила. Троицкаго же келаря вмѣстѣ съ архіепископомъ Θеодоритомъ и другими лицами посылаетъ соборъ на Лобное мѣсто «къ вопрошенію всего воинства, и всенароднаго множества о избраніи царскомъ». Нельзя, конечно, отрицать, что Палицынъ игралъ нѣкоторую роль на земскомъ избирательномъ соборѣ 1613 года. Съ другой стороны, разсказы прочихъ повѣствователей о Смутѣ, оффиціальныя данныя объ избраніи царя Михаила и изученіе хода событій не позволяютъ намъ считать Палицына очень виднымъ дѣятелемъ этого земскаго собора. По избраніи царя Палицынъ ѣздилъ въ числѣ пословъ въ Кострому «бить челомъ... чтобы благовѣрная великая Государыня инока Марѳа Ивановна благословила сына своего благороднаго Государя Михаила Θеодоровича Царемъ и Государемъ на Московское Государство».

Съ воцареніемъ Михаила Смута кончилась, и келарь Авраамій на досугѣ сталъ заниматься литературной дѣятельностью, не оставляя и своей должности. Судьба даже поставила его на время во главѣ обители, когда архимандритъ Діонисій, за предпринятое имъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, подвергся преслѣдованію отъ невѣжественныхъ московскихъ церковныхъ властей. Въ дни временнаго управленія Палицына монастырь пережилъ тяжелыя минуты опасеній новой осады. Это было во время похода королевича Владислава, шедшаго къ Москвѣ съ оружіемъ въ рукахъ добиваться русскаго престола, на который онъ предъявлялъ права. Предпріятіе Владислава кончилось неудачей, и въ 1618 году польскіе и русскіе уполномоченные заключили перемиріе въ троицкой деревнѣ Деулинѣ, гдѣ келарь Авраамій согласно своему обѣщанію построилъ въ 1619 году храмъ во имя Св. Сергія.

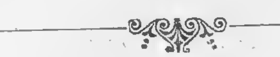
Въ слѣдующемъ 1620 году старецъ Авраамій былъ уже въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которомъ и скончался спустя нѣсколько лѣтъ (13 сентября 1626 года). Нѣкоторымъ русскимъ историкамъ представляется удаленіе Палицына въ Соловки добровольнымъ поступкомъ: старецъ удалился «на свое обѣщаніе», гдѣ и пожилъ «семь лѣтъ по трудѣхъ на покоѣ». Однако, извѣстія, что Авраамій Палицынъ былъ постриженникомъ Соловецкой обители, весьма сомнительны. Да и самъ старецъ-келарь въ 1611, по крайней мѣрѣ, году надѣялся до конца своихъ дней жить въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Поэтому справедливѣе мнѣніе, что удаленіе Палицына было вынужденнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ опись соловецкихъ документовъ, гласящая о существованіи грамоты относительно погребенія «присланнаго» въ Соловки «старца Авраамія Палицына». Кромѣ того, мѣсто погребенія Палицына въ сосѣдствѣ съ могилой сосланнаго при Петрѣ разстриженнаго тамбовскаго

архіерея Игнатія не даетъ права думать о почетномъ покоѣ троицкаго келаря въ Соловкахъ. Причинъ же ссылки старца Авраамія, послѣдовавшей за возвращеніемъ Филарета изъ польскаго плѣна, могло быть, какъ мы имѣемъ возможность заключить изъ его біографіи, нѣсколько, начиная съ самовольнаго оставленія имъ великаго посольства.

Знакомство наше съ личностью и дѣятельностью Палицына будетъ неполнымъ, если мы не обратимъ вниманія на его замѣчательное произведеніе, извѣстное подъ именемъ «Исторіи въ память предидущимъ родомъ», или Сказанія келаря Авраамія. «Исторія» является разсказомъ, передающимъ событія всей Смутной эпохи съ религіозно-нравственной точки зрѣнія и притомъ очень субъективно.

Первыя шесть главъ труда Палицына, составляющія самостоятельное произведеніе, посвящены общему описанію Смуты до междуцарствія. Онѣ обращаютъ главное вниманіе на нравственное состояніе русскаго общества въ эту эпоху и крайне любопытны. Суровыя рѣчи келаря Авраамія, хотя и проникнуты иногда узкимъ монашескимъ аскетизмомъ, вскрываютъ передъ нами страшную картину нравственнаго разложенія, обусловившаго и усилившаго смуту. Къ тому же старецъ-писатель умѣетъ указывать на очень реальныя причины нестроеній московскаго государства: соціальныя отношенія господъ и холоповъ, обострившіяся подъ вліяніемъ сильныхъ неурожаевъ, когда челядь выгонялась на улицу снискивать себѣ пропитаніе, корыстолюбіе и безнаказанность богатыхъ землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ, скопленіе въ Сѣверской Украйнѣ опасныхъ и преступныхъ элементовъ общества. Свое изложеніе Палицынъ иллюстрируетъ иногда краткими, но мѣткими описаніями; для примѣра укажемъ на описаніе подпаиванья бѣдняковъ и выманиванья у нихъ кабальныхъ записей. «Инѣхъ же»—разсказываетъ старецъ—«винца токмо испити взывающи и по трехъ или по четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ». Отмѣченныя стороны произведенія Палицына придаютъ ему большую цѣну въ глазахъ современныхъ историковъ, а людей XVII вѣка прельщали въ немъ и морализированіе, и благочестіе взглядовъ, и красота изложенія. Какъ первыя главы труда Авраамія, такъ и остальныя части его «Исторіи» написаны сильнымъ, яснымъ и мѣткимъ слогомъ. Старецъ вполнѣ владѣлъ рѣчью и щеголялъ своимъ искусствомъ. Сообразно описываемому сюжету мѣнялся и тонъ повѣствованія. Палицынъ не брезгалъ оживлять свое изложеніе игрой словъ и шутками. Иногда же его рѣчь принимала строй размѣренной и риѳмованной прозы. Послѣднее явленіе особенно замѣтно во второй основной части «Исторіи»—«Сказаніи» объ осадѣ Троице-Сергіева монастыря. Это «Сказаніе», обнимающее собою 51 главу печатнаго изданія Палицынскаго труда, дѣйствительно въ значительной мѣрѣ заслуживаетъ названія духовно-исторической эпопеи. Въ немъ мы находимъ рядъ разсказовъ о чудесахъ св. Сергія и Никона, а также и описаній воинскихъ подвиговъ монашеской братіи, изложенныхъ зачастую слогомъ эпическихъ произведеній. На ряду съ такими разсказами мы находимъ въ «Сказаніи» много историческихъ подробностей знаменитой осады. Особенно интересно указаніе розни, бывшей среди воеводъ и братіи; несмотря на отмѣченный въ этомъ случаѣ яркій субъективизмъ автора, показаніе его очень любопытно и содержитъ зерно истины. Минуя затѣмъ тринадцать главъ печатнаго изданія «Исторіи», имѣющихъ служебное значеніе и посвященныхъ частью дополненію повѣсти объ осадѣ, частью разсказу о московскихъ событіяхъ 1609—1611 годовъ (до прибытія ляпуновскаго ополченія къ Москвѣ), укажемъ, что послѣднія главы труда келаря представляютъ три самостоятельныхъ произведенія: «Сказаніе вкратцѣ о разореніи царствующаго града Москвы», «О избраніи благовѣрнаго и благороднаго великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича...» и «Сказаніе о приходѣ подъ царствующій градъ Москву изъ Польши королевича Владислава...». Первое изъ этихъ «Сказаній» посвящено разсказу о ляпуновскомъ и нижегородскомъ ополченіяхъ. Повѣствованіе отличается одностороннимъ восхваленіемъ Троицкой Лавры, а главное особы келаря Авраамія, который дѣлаетъ послѣднее необыкновенно искусно, говоря между прочимъ о себѣ все время въ третьемъ лицѣ. Нѣкоторой преувеличенной самооцѣнкой страдаютъ и остальныя двѣ части «Исторіи» Палицына, въ которыхъ авторъ въ то же время снова является моралистомъ, указывающимъ, что обращеніе народа къ Богу приноситъ благіе плоды, а нравственное паденіе общества влечетъ за собой немедленное наказаніе. Только-что отмѣченныя «Сказанія» имѣютъ значеніе и потому, что отражаютъ взгляды одного изъ видныхъ дѣятелей Смуты, и потому, что самовосхваленіе Палицына сдѣлано въ нихъ съ большимъ мастерствомъ. За «Сказаніемъ о приходѣ королевича» въ рукописныхъ произведеніяхъ «Исторіи» слѣдуетъ послѣсловіе; изъ него мы видимъ, что Палицынъ собралъ свои произведенія въ одно цѣлое въ 1620 году; время же написанія отдѣльныхъ частей «Исторіи» въ точности не выяснено.

Знакомство съ жизнью и литературной дѣятельностью Авраамія Палицына позволяетъ намъ съ извѣстною опредѣленностью высказаться объ этой интересной и умной личности. Ловкій и практическій дѣлецъ, старецъ Авраамій былъ далеко не той опорой и защитникомъ православія и народности, какимъ онъ себя сумѣлъ выставить. Онъ не прочь былъ искать выгодъ себѣ и своему монастырю у торжествующей партіи, какова бы она ни была. Это видно изъ его поведенія подъ Смоленскомъ и его дружбы съ козаками. Палицынъ умѣло выставлялъ на видъ свои заслуги, старался выслужиться передъ Романовыми послѣ воцаренія Михаила Ѳеодоровича и замалчивалъ, насколько могъ, подвиги такихъ людей, какъ Гермогенъ, Мининъ и Пожарскій. Въ его «Исторіи» мы не найдемъ требуемыхъ отъ историка безпристрастія и правдивости. Нравоучительныя обличенія старца Авраамія для людей, знающихъ истинную цѣну его личности, представляются лишь упражненіемъ въ морализированіи. Тѣмъ не менѣе, житейская опытность Палицына, его наблюдательность, мѣткость многихъ замѣчаній, литературныя достоинства произведеній Авраамія, наконецъ, роль его въ Смутѣ, придаютъ историческому труду старца-келаря высокій интересъ.

Савва Ефимьевъ,

протопопъ Спасо-Преображенскаго собора въ Нижнемъ-Новгородѣ.

С. Ѳ. Платонова.

Имя Саввы Ефимьева не пользуется никакою извѣстностью въ нашемъ обществѣ. Врядъ ли кто изъ широкой публики знаетъ, что Савва игралъ такую же видную роль въ нижегородской исторіи, какъ знаменитые его современники К. Мининъ и князь Д. М. Пожарскій. Послѣдующія строки имѣютъ цѣлью опредѣлить эту роль и объяснить значеніе Саввы въ нижегородскомъ ополченіи 1611—1612 годовъ.

О личной жизни протопопа Саввы намъ извѣстно очень мало. Въ главный нижегородскій соборъ перешелъ онъ, кажется, изъ нижегородской церкви свв. Козьмы и Дамьяна, стоявшей въ Старомъ острогѣ, на берегу Оки-рѣки. Въ 1604 году къ нему отошелъ по государевой грамотѣ дворъ прежняго спасскаго протопопа Василія «съ огородомъ и садомъ», по мірской оцѣнкѣ посадскихъ людей «за двадцать за пять рублей». Изъ этого извѣстія можно заключить, что Савва сталъ настоятелемъ Спасо-Преображенскаго собора около 1604 г. и, во всякомъ случаѣ, не позже этого года. Въ 1606 г., въ августѣ, Савва съ причтомъ Спасскаго собора получилъ отъ царя Василія Ивановича (Шуйскаго), тогда только-что вступившаго на престолъ, жалованную грамоту, въ которой опредѣлялось жалованье, владѣнія и права соборнаго духовенства. По этой грамотѣ нижегородскимъ игуменамъ и «попамъ всего города» вмѣнялось въ обязанность «спасскаго протопопа Саввы слушати, на соборъ по воскресеньямъ къ молебнамъ и по праздникамъ къ церквамъ приходити»; за ослушаніе Савва могъ налагать на игуменовъ и священниковъ денежные штрафы и даже могъ за упорное непослушаніе «сажати въ тюрьму на недѣлю», требуя для этого приставовъ у нижегородскихъ воеводъ. Такимъ образомъ, протопопу Саввѣ принадлежало первенство въ духовенствѣ всего Нижняго-Новгорода, и рядомъ съ нимъ могъ стать одинъ лишь неподчиненный ему архимандритъ главнѣйшаго нижегородскаго Печерскаго монастыря. Понятно, что, занимая виднѣйшее мѣсто среди священнослужителей Нижняго, Савва въ 1611 году, при началѣ патріотическаго движенія въ Нижнемъ, былъ очень замѣтенъ въ этомъ движеніи и стоялъ среди его руководителей. Когда же движеніе нижегородцевъ привело къ очищенію Москвы и дало возможность избрать новаго государя, Савва участвовалъ въ избраніи Михаила Ѳеодоровича въ числѣ прочихъ выборныхъ отъ Нижняго, а затѣмъ изъ Москвы поѣхалъ навстрѣчу государю—«его царскія очи видѣти». При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Савва получилъ подтвержденіе жалованной грамоты 1606 года для причта своего собора. Ему же лично за его заслуги въ дѣлѣ нижегородскаго ополченія было дано въ собственность въ нижегородскомъ кремлѣ, у самаго Спасскаго собора, «государево дворовое мѣсто», рядомъ съ такимъ же государевымъ дворовымъ мѣстомъ, пожалованнымъ знаменитому Минину. Такимъ отличіемъ не былъ почтенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ никто, кромѣ Минина и Саввы. Въ 1624 году Савва былъ еще живъ. Если ко всему сказанному прибавимъ, что у Саввы было два сына, Игнатъ да Василій, то исчерпаемъ все то, что намъ извѣстно о частной жизни нижегородскаго протопопа.

Скудость біографическаго матеріала есть типичная черта старо-московской жизни, не дававшей простора для индивидуальной свободы. Личность мало высказывалась и мало обнаруживалась въ томъ общественномъ строѣ, коимъ управляли «старина и пошлина», «мѣра» и «чинъ», иначе говоря, вѣками установленный порядокъ, который для жившихъ въ немъ былъ въ одно время и дѣйствительностью, и идеаломъ. Именно поэтому историку надобно не только много труда, но и много проницательности, чтобы за безстрастными показаніями послужныхъ списковъ и благочестивыхъ житій увидать живое лицо, угадать характеръ и воскресить дѣйствительную личность. Въ отношеніи занимающаго насъ теперь протопопа Саввы не помогутъ, однако, никакая проницательность и никакое трудолюбіе. Пока не нашлись (а надо думать, они и не найдутся) какія-либо новыя данныя о немъ самомъ, протопопъ Савва не встанетъ передъ нами какъ характеръ, какъ опредѣленная личность. Для серьезнаго историка будетъ всего достойнѣе и не пытаться дать характеристику этого лица, черты котораго уже безслѣдно стерты временемъ. Есть иная вполнѣ научная—и намъ доступная—задача, состоящая въ томъ, чтобы опредѣлить не самое лицо, а общественную роль протопопа Саввы въ исклю-

чительныхъ обстоятельствахъ его эпохи. Какъ дѣятель нижегородскаго движенія, Савва доступенъ нашему опредѣленію.

Въ послѣднія десятилѣтія исторія нижегородскаго подвига сдѣлала большіе успѣхи. И. Е. Забѣлинъ первый внесъ въ изученіе обстоятельствъ 1611—1612 гг. трезвый научный пріемъ, одинаково далекій какъ отъ реторическаго восхищенія на карамзинскій ладъ, такъ и отъ обличеній Костомарова. Живое чувство народности, глубокое знаніе и пониманіе стараго Великорусья позволили г. Забѣлину избѣжать академической сухости изложенія и облечь въ плоть и кровь смутныя преданія и легенды о нижегородскихъ герояхъ. У него Мининъ и Пожарскій стали историческими и перестали быть легендарными, а нижегородскій «міръ» изъ несмысленной толпы, шедшей слѣпо за вожаками, обратился въ одухотворенную патріотическимъ чувствомъ разумную среду. Изложеніе г. Забѣлина было построено на старомъ, давно извѣстномъ, но заново освѣщенномъ матеріалѣ. Послѣ книги г. Забѣлина о Мининѣ и Пожарскомъ былъ обнародованъ новый матеріалъ—текстъ писцовыхъ книгъ и десятенъ по Нижнему-Новгороду и его уѣзду и тексты литературныхъ произведеній о Смутномъ времени. Съ ихъ помощью можно продолжить работу г. Забѣлина и дать уже правильную исторію нижегородскаго движенія.

Самый общій очеркъ этой исторіи опредѣлитъ намъ значеніе нашего протопопа Саввы въ общемъ ходѣ нижегородскихъ и общерусскихъ событій великой эпохи освобожденія Москвы.

Во второй половинѣ 1611 года, послѣ смерти Пр. Ляпунова подъ Москвою, земское устройство, созданное имъ, пало, дворянское ополченіе разъѣхалось по домамъ, и органы центральной власти—«приказы», учрежденные въ подмосковной рати для управленія страною, попали въ распоряженіе козачьихъ вождей, одинаково враждебныхъ и полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ, и старому московскому порядку. Правительственныя учрежденія стали служить врагамъ земщины: они «изъ городовъ и съ волостей на козаковъ кормы сбирали», а козаки «ѣздили по дорогамъ станицами и побивали». Надъ измученною страною господствовали двѣ власти, желавшія стать правительствомъ: польская и козачья. Первая дѣйствовала именемъ короля Сигизмунда и «царя» Владислава и держалась оккупаціей столицы. Вторая дѣйствовала именемъ "Всея Земли» и держалась «козачьими таборами», т.-е. подмосковнымъ лагеремъ, въ которомъ козаки устроили правительственный центръ. Обѣ власти были ни для кого нежелательны, кромѣ тѣхъ, кто измѣнилъ родинѣ ради милостей Сигизмунда, и тѣхъ, кто связался съ козаками и отсталъ отъ стараго общественнаго порядка. Но никто не могъ указать, гдѣ искать третьей, болѣе законной власти. Ее еще надобно было создать. А кто же могъ ее создать въ обществѣ, которое разсыпалось на свои составныя части, отдѣльные города и волости?

Съ паденіемъ государственнаго порядка на Руси еще жилъ церковный. За недостаткомъ боевыхъ вождей народнымъ движеніемъ начинали руководить духовные отцы. Изъ церковныхъ круговъ шла проповѣдь, призывавшая къ единенію и народному подвигу. Если пастыри не могли стать сами во главѣ обновленнаго политическаго порядка, то они могли дать совѣтъ, какъ его обновить. И на этотъ разъ въ 1611 г. они давали странѣ не одинъ, а два взаимно-противоположные совѣта. Троицкая лавра думала и писала, что земщинѣ необходимо было соединить свои силы съ подмосковнымъ козачествомъ для совмѣстной борьбы съ поляками. На этой мысли были построены двѣ знаменитыя троицкія грамоты 1611—1612 гг. Патріархъ же Гермогенъ думалъ, что козаки—еще горшій врагъ Русской земли, чѣмъ поляки, и что землѣ слѣдуетъ соединить свои силы для борьбы не только съ поляками, но прежде всего и съ козаками. Именно это писалъ Гермогенъ нижегородцамъ въ августѣ 1611 г. Оба авторитета—и братія монастыря св. Сергія, и «вторый Златоустъ» патріархъ Гермогенъ — одинаково указывали, что почипъ движенія долженъ былъ идти изъ мѣстныхъ обществъ; но направленіе движенія опредѣлялось ими разно.

Вотъ та обстановка, въ которой возникъ нижегородскій подвигъ.

Въ исторіи этого подвига мы теперь различаемъ слѣдующіе моменты. Первый,—когда Минину удалось подвигнуть нижегородскую посадскую общину на собираніе «казны многой» для очищенія Московскаго государства. Второй моментъ, — когда приговоръ посадскихъ людей о собираніи казны и наймѣ ратныхъ людей былъ сообщенъ оффиціальнымъ лицамъ и высшему слою населенія Нижняго-Новгорода, былъ ими принятъ и повелъ къ образованію въ Нижнемъ особаго «приказа» для организаціи рати и ея хозяйства. Третій моментъ,—когда этотъ особый приказъ, съ кн. Пожарскимъ и Мининымъ во главѣ, распространилъ свое вліяніе и власть на всю Низовскую область и собралъ около себя «для справки» общій «земскій совѣтъ» низовскихъ городовъ. И, наконецъ, четвертый моментъ,— когда, перемѣстившись въ Ярославль, нижегородская военно-административная власть обратилась въ правительство всей Русской земли и повела эту землю къ Москвѣ для «очищенія государства» и для «царскаго обиранья».

Въ первый моментъ движенія главная роль принадлежитъ, безспорно, Минину. Онъ, и никто иной, нашелъ въ себѣ силу «возбудить спящихъ» въ то время, когда прочіе застыли въ унынія и уже отчаялись въ томъ, что Господь сохранитъ «останокъ рода христіанскаго» и оградитъ миромъ «останокъ Россійскихъ царствъ и градовъ и весей». Въ земской избѣ Нижняго-Новгорода (которую теперь назвали бы «городскою думою») Мининъ началъ многія рѣчи о необходимости «чинить промыслъ» надъ врагами. Какъ земскій староста, онъ имѣлъ вѣсъ своей общинѣ вѣсъ и вліяніе и добился того, что былъ написанъ «приговоръ всего града за руками», т.-е. оффиціальное постановленіе посадскихъ людей съ рукоприкладствомъ о томъ, чтобы поручить Минину произвести особый сборъ «на строеніе ратныхъ людей». Этотъ сборъ Мининъ «собою начатъ», т.-е. первый внесъ свою жертву на народное дѣло, а затѣмъ понесли свои вклады и прочіе нижегородцы. Такъ какъ приговоръ имѣлъ въ виду общее принудительное обложеніе тяглыхъ людей по достаткамъ и доходамъ, то Минину приходилось прибѣгать и ко взысканіямъ съ тѣхъ, кто не хотѣлъ добровольно подчиниться мірскому приговору и подоходной раскладкѣ. По словамъ одного современника, Мининъ дѣйствовалъ среди своихъ согражданъ, «уже волю веемъ надъ ними по ихъ приговору, съ Божіей помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». Такъ, въ начальномъ моментѣ движенія первое мѣсто принадлежитъ Минину.

Когда затѣянное Мининымъ большое дѣло получило ходъ въ податной общинѣ Нижняго, оно не могло остаться безъ огласки. По самой своей сущности оно требовало широкаго оглашенія, такъ какъ нуждалось въ общемъ сочувствіи и поддержкѣ. Оно было объявлено и другимъ, не-податнымъ чинамъ нижегородскаго населенія. По преданію, носящему признаки достовѣрности, произошло это такимъ образомъ. Въ Нижнемъ послѣ полученія одной изъ троицкихъ патріотическихъ грамотъ «нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша»; на

совѣтѣ же томъ были печерскій архимандритъ Ѳеодосій, протопопъ Савва и прочее духовенство, «дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ». Совѣтъ рѣшилъ собрать нижегородцевъ на другой день въ Спасо-Преображенскій соборъ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь Москвѣ. Такъ и сдѣлали. На другое утро собрали горожанъ колокольнымъ звономъ въ соборную церковь и уже ко всему населенію Нижняго, а не къ однимъ тяглымъ людямъ, обратились съ воззваніемъ о патріотическомъ подвигѣ. Первое мѣсто въ этомъ собраніи принадлежало Саввѣ. Послѣ обѣдни «предъ святыми вратами» говорилъ онъ рѣчь народу и самъ читалъ троицкую грамоту. Мининъ говорилъ послѣ Саввы. Оба они явились вождями движенія. Въ Мининѣ нашла своего вожака тяглая масса; Савва же Ефимьевъ оказался первымъ выразителемъ высшихъ слоевъ нижегородскаго населенія,—тѣхъ, которые на воеводскомъ дворѣ наканунѣ впервые пристали къ движенію, начатому Мининымъ въ своей податной средѣ. Вступленіе въ дѣло высшихъ круговъ нижегородскаго населенія было вторымъ моментомъ движенія, и въ этомъ второмъ моментѣ виднѣйшая роль принадлежитъ Саввѣ. Онъ стоитъ въ челѣ всей массы нижегородцевъ, его рѣчью начинается оффиціальная исторія нижегородской рати, его благословеніе и молитвы осѣняютъ самое возникновеніе подвига и встрѣчаютъ князя Д. М. Пожарскаго въ нижегородскомъ соборѣ.

И въ слѣдующихъ моментахъ движенія протопопу Саввѣ принадлежитъ дѣятельная роль. Подъ руководство Нижняго скоро стала вся Низовская земля, и только въ Казани произошло нѣкоторое осложненіе отношеній съ Нижнимъ. Чтобы выяснить недоразумѣніе, нижегородцы послали въ Казань посольство изъ духовныхъ и дворянъ, а во главѣ посольства—товарища Пожарскаго Биркина и Савву протопопа. Когда же благое дѣло московскаго очищенія совершилось, и Пожарскій изъ Москвы созвалъ выборныхъ изъ городовъ для государева обиранья, то Нижній опять выбралъ своимъ представителемъ Савву, который и подписался подъ избирательною грамотою такъ: «Изъ Нижняго Новагорода выборный спасскій протопопъ Савва».

Итакъ, Савва замѣтенъ для насъ съ начала до конца нижегородскаго подвига и можетъ быть опредѣленъ нами какъ одинъ изъ его иниціаторовъ или, говоря старымъ русскимъ языкомъ, какъ одинъ изъ его «заводчиковъ». Въ этомъ его и значеніе. Какъ одинъ изъ тѣхъ, кому принадлежалъ почипъ великаго дѣла, Савва, конечно, принималъ участіе въ обсужденіи его руководящаго плана, и въ этомъ отношеніи онъ для насъ особенно любопытенъ. Несмотря на то, что онъ читаетъ народу въ Спасскомъ соборѣ троицкую грамоту, онъ не раздѣляетъ троицкой программы, предполагавшей единеніе земскихъ силъ съ козачьимъ подмосковнымъ станомъ. Въ Нижнемъ рѣшено было держаться лозунга Гермогена: «и на поляковъ, и на козаковъ». Объ этомъ явственно говорили нижегородскія грамоты, пошедшія во всѣ окрестные города съ извѣстіемъ о началѣ движенія въ Нижнемъ. Объ этомъ же говоритъ изъ Нижняго послали въ Казань цѣлое посольство, въ которомъ былъ и Савва. Троицкая грамота, очевидно, служила для Саввы и другихъ руководителей Нижняго только поводомъ для бесѣды, но не приказомъ или обязательнымъ руководствомъ. Пошедшая отъ троицкой грамоты бесѣда привела къ отрицанію ея совѣтовъ,—и въ этомъ надо видѣть залогъ успѣха нижегородскихъ начинаній.

Вѣрный завѣтамъ Гермогена, Нижній началъ войну съ козаками раньше, чѣмъ съ поляками, и побѣдилъ ихъ. Козаки вошли въ составъ земскаго ополченія лишь тогда, когда покорились земщинѣ и погасили зажженное ими пламя общественной розни. Тѣ же изъ нихъ, кто все еще мечталъ сжечь этимъ пламенемъ старый общественный порядокъ, были вынуждены бѣжать изъ государства навсегда. И лишь тогда, когда были побѣждены козаки, русскіе люди успѣли одолѣть и поляковъ въ Москвѣ.

Пристальное изученіе нижегородскаго подвига, замѣняющее легенду исторіей, не только не стираетъ красокъ съ этой величавой исторической картины, но, напротивъ, освѣжаетъ ихъ до изумительно яркаго блеска. Поразительная минута глубокаго душевнаго возбужденія, пережитая народной массой съ Мининымъ и Саввою во главѣ, не пропадаетъ безслѣдно. Собраны деньги и люди, найденъ даровитый вождь Пожарскій, даны ему помощники и средства, выработанъ планъ дѣйствій,—и въ одну зиму созрѣла организація, широкая и мощная, осмотрительная и смѣлая, неторопливая и энергичная. Блескъ великаго народнаго генія освѣщаетъ эту картину, и въ его безсмертныхъ лучахъ всего виднѣе для насъ три нижегородскихъ имени: «сирота государевъ»—посадскій человѣкъ Мининъ, «слуга государевъ»—стольникъ князь Пожарскій и «государевъ богомолецъ»—протопопъ Савва.

Минин и Пожарскій.

М. А. Полїевктова.

Историческая легенда, прославляя подвигъ Минина и Пожарскаго, стираетъ индивидуальныя отличія каждаго изъ нихъ и замѣняетъ живыя лица однимъ общимъ героическимъ образомъ. Историческіе документы хранятъ память о такомъ различіи, и, вооруженная критикою, историческая наука, не умаляя заслугъ героевъ 1611 года, возстановляетъ реальныя условія ихъ дѣятельности и даетъ возможность выдѣлить личную долю участія каждаго изъ нихъ въ заключительныхъ событіяхъ Смутнаго времени.

Хорошо извѣстно общее положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ въ тотъ моментъ, когда начало развиваться такъ называемое нижегородское движеніе. Вся западная окраина государства была въ рукахъ враговъ— шведовъ и поляковъ. Въ московскомъ Кремлѣ засѣли бояре, присягнувшіе Владиславу, и польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Стоявшіе таборомъ подъ Москвою козаки Трубецкаго и Заруцкаго плохо выдерживали взятую ими на себя роль освободителей государства отъ враговъ и устроителей порядка. Монахи Троицко - Сергіевской Лавры продолжали призывать къ защитѣ родины отъ враговъ; изолированные отъ окружающей дѣйствительности и, можетъ-быть, не имѣя возможности слѣдить за быстро развивающимися событіями, они стояли на старой точкѣ зрѣнія и видѣли этихъ враговъ только въ полякахъ. Ближе знакомый съ настроеніемъ козачества, патріархъ Гермогенъ выступилъ въ это время тоже на поприще политической агитаціи призывомъ къ борьбѣ какъ съ врагами-поляками, такъ и, главнымъ образомъ, съ измѣнниками-козаками.

Въ настоящее время установлено, что нижегородское движеніе было откликомъ на призывъ не Троицкой Лавры, но Гермогена, а взявшій это движеніе въ свои руки Козьма Мининъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ порыва чувства, но по сознательно продуманному плану. Козьма Мининъ былъ по про-

Памятникъ Минина и Пожарскаго въ Москвѣ

фессіи говядарь, т.-е. скупщикъ скота и продавецъ мяса. Хотя лѣтопись и говоритъ, что онъ «убогою куплею питался», есть извѣстіе, однако, что его оборотъ доходилъ до 300 руб. въ годъ и, слѣдовательно, былъ для того времени довольно значительный. Въ 1611 г. занималъ выборную должность земскаго старосты, что по условіямъ того времени можетъ служить указаніемъ какъ на общественное къ нему довѣріе, такъ и на его имущественный достатокъ. Воззваніе Гермогена къ нижегородцамъ, посланное имъ въ августѣ, должно было пройти черезъ руки Минина, и еще задолго до октября мѣсяца (6 октября датирована первая грамота Троицко-Сергіевской Лавры) онъ началъ свою агитацію «предъ всѣми въ земской избѣ». Тогда же начатъ былъ имъ и сборъ денежныхъ пожертвованій на ополченіе. Присылка въ Нижній троицкой грамоты дала возможность поставить сразу на широкую ногу дѣло, которое было уже во всемъ ходу, и о которомъ, очевидно, уже много говорили въ городѣ. Минину удалось уже заручиться къ этому времени сочувствіемъ нижегородскаго служилаго класса и администраціи. На предварительномъ совѣтѣ съ послѣдними было рѣшено собрать на другой день народъ въ кремлевскій Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ первымъ ораторомъ, защитникомъ новаго дѣла, и выступилъ протопопъ Савва Ефимьевъ, а Мининъ развилъ практическую сторону программы. Въ его лицѣ на историческую сцену выступило тяглое населеніе, городской классъ, привычный въ упорной спокойной работѣ, способный разобраться въ тяжелыхъ обстоятельствахъ минуты.

Былъ организованъ особый приказъ для сбора казны, и по формальному приговору въ земской избѣ нѣсколько разъ назначались экстренные «оклады», достигавшіе порою размѣра пятой и третей деньги, т.-е. одной пятой или одной трети капитала. Однимъ изъ «окладчиковъ» былъ избранъ самъ Мининъ, оставившій при этомъ должность земскаго старосты. По всей вѣроятности, онъ довольно строго выполнялъ свои новыя обязанности, что не даетъ еще, конечно, основанія вѣрить легендамъ о продажѣ въ кабалу людей и т. п. Одновременно со сборомъ денежныхъ суммъ начали собирать и «ратныхъ людей», приглашая ихъ изъ всѣхъ понизовыхъ городовъ. Начальство надъ ополченіемъ, вѣроятно по рекомендаціи Минина, было предложено стольнику князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, находившемуся въ то время верстахъ въ 120 отъ Нижняго въ своей вотчинѣ.

Князья Пожарскіе происходили отъ стараго рода князей Стародубскихъ, владѣвшихъ до XVI вѣка большими вотчинами въ Нижегородскомъ и Суздальскомъ краѣ. Здѣсь на рр. Лухѣ и Тезѣ были и родовыя вотчины Пожарскихъ. При Іоаннѣ Грозномъ служебное и имущественное положеніе Пожарскихъ сильно пострадало отъ опричниковъ, и это одно опредѣляло уже отношеніе къ событіямъ князя Димитрія Михайловича. Въ немъ жили старыя княжескія традиціи. Начавъ свою службу при царѣ Ѳеодорѣ «стряпчимъ съ платьемъ», онъ ревниво относился къ чести своего рода и видимо плохо уживался съ Борисомъ Годуновымъ. Позднѣе онъ примыкаетъ къ «боярскому» царю Василію Шуйскому и вѣрно служитъ ему въ воеводахъ. Въ 1608 г. онъ отсиживался съ Шуйскимъ отъ тушинцевъ и нѣсколько разъ выручалъ царя отъ опаснаго положенія. Въ 1610 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ Зарайскъ и до конца удерживалъ городъ въ вѣрности Шуйскому. Когда послѣдній, наконецъ, былъ «сведенъ съ престола», Пожарскій одинъ изъ первыхъ двинулся къ Москвѣ «выбивать» засѣвшихъ въ ней поляковъ. Въ битвѣ съ послѣдними онъ былъ тяжело израненъ и принужденъ былъ отправиться на покой лѣчиться отъ ранъ. Предшествующая дѣятельность Д. Пожарскаго создала ему въ 1611 г. вполнѣ заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ боевыхъ воеводъ, умѣвшаго, съ одной стороны, стойко выдерживать натискъ врага, съ другой стороны, не поступаться и своими политическими убѣжденіями. Этимъ и объясняется вполнѣ сознательный выборъ нижегородцевъ, остановившихся на Пожарскомъ, помимо бывшихъ въ то время въ самомъ Нижнемъ воеводъ, князя Василія Андреевича Звенигородскаго и Андрея Семеновича Алябьева. Самъ Пожарскій высказывалъ сожалѣніе, что во главѣ ополченія не можетъ стать такой столпъ дворянства, какъ князь В. В. Голицынъ, томившійся въ то время въ польской неволѣ.

Ставъ въ концѣ октября во главѣ ополченія, Пожарскій передалъ хозяйственную часть Минину и взялъ на себя ратное дѣло и административныя обязанности, дѣйствуя, однако, обыкновенно только съ согласія «общаго совѣта», видное мѣсто въ которомъ занималъ все тотъ же «заводчикъ» нижегородскаго движенія. Въ «верховые» поволжскіе города, Вологду и Ярославль, отъ имени Пожарскаго были посланы призывныя грамоты съ приглашеніемъ стать заодно съ нижегородцами и понизовыми городами противъ поляковъ и козаковъ. Во многіе города были назначены правителями нижегородцы.

Всѣмъ вошедшимъ въ составъ ополченія было назначено достаточное жалованье—отъ 30 до 50 руб., и было заготовлено все необходимое для далекаго похода. Собравъ подъ свои знамена населеніе далеко не однихъ поволжскихъ городовъ, ополченіе въ концѣ марта 1612 года двинулось изъ Нижняго. Выступая въ походъ, Пожарскій избралъ, однако, не прямой путь на Москву, но кружный—на Кострому и Ярославль съ цѣлью, очевидно, хорошенько обезпечить за собою сѣверъ государства. Въ Ярославль ополченіе прибыло къ апрѣлю и оставалось здѣсь до августа: необходимо было ясно опредѣлить отношеніе новаго движенія къ общему положенію дѣлъ въ государствѣ.

Въ Ярославлѣ Пожарскій говоритъ уже въ своихъ грамотахъ отъ лица «всея земли», созвавъ къ себѣ земскій соборъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ и чиновъ Московскаго государства. Въ войскѣ существуетъ правильный «совѣтъ», организована администрація по московскому образцу въ видѣ «приказовъ» и «избъ»; словомъ, въ моментъ государственной разрухи здѣсь создается правильное временное правительство, которое и видитъ свою главную задачу въ возстановленіи общественнаго порядка.

Какъ представитель опредѣленной политической силы, Пожарскій вступилъ прежде всего въ дипломатическіе переговоры съ новгородскою областью и засѣвшими въ Новгородѣ шведами и, не отвѣчая прямымъ отказомъ на предложеніе избрать въ цари шведскаго королевича Карла-Филиппа, сумѣлъ не только выиграть время, но и удержать шведовъ отъ какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій. Въ то же время передовые отряды ополченія выбивали козаковъ изъ отдѣльныхъ занятыхъ послѣдними городовъ. Пожарскій охотно принималъ въ ополченіе козаковъ, пожелавшихъ перейти на «земское жалованье», но рѣшительно отказывался вступать въ какія-либо сношенія съ козацкими предводителями, Трубецкимъ и Заруцкимъ. И козачество скоро поняло характеръ той силы, представителемъ которой выступалъ Пожарскій. Въ Ярославлѣ на него было совершено покушеніе; злоумышленникъ, будучи схваченъ, сознался, что онъ подосланъ Заруцкимъ. Рядомъ послѣдовательныхъ мѣропріятій и образцовою организаціею ополченію удалось, тѣмъ не менѣе, одержать верхъ и надъ козаками. При извѣстіи

о приближенiи къ Москвѣ войска гетмана Ходкевича, Заруцкiй и Трубецкой сами оповѣстили объ этомъ Ярославль и звали Пожарскаго поспѣшить къ Москвѣ. При приближенiи ополченiя Заруцкiй предпочелъ, однако, уйти къ Рязани, а многiе изъ городскихъ служилыхъ людей, стоявшiе до этого вмѣстѣ съ козаками, теперь ихъ покинули. Козачество должно было подчиниться авторитету земской рати и примириться съ тѣмъ, что, подойдя къ Москвѣ, Пожарскiй рѣшилъ «отнюдь вмѣстѣ съ козаками не сживать» и расположился отдѣльно отъ таборовъ Трубецкаго. Случилось это, однако, не сразу. Во время борьбы съ подошедшимъ Ходкевичемъ въ козакахъ долго еще замѣчалось колебанiе, и не разъ Пожарскiй обвинялъ ихъ въ воровскихъ замыслахъ. Только къ октябрю между начальниками обоихъ ополченiй состоялось формальное соглашенiе. На нейтральной почвѣ, между двумя лагерями на Неглинной, они «по челобитью и по приговору всѣхъ чиновъ людей стали во единачествѣ и укрѣпились, что намъ (т.-е. Пожарскому и Трубецкому) да выборному человѣку Козьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Россiйскому государству добра хотѣть безъ всякiя хитрости».

Во время рѣшительнаго сраженiя съ гетманомъ Ходкевичемъ руководящая роль въ ополченiи принадлежала, конечно, Пожарскому. Существуетъ, однако, извѣстiе, что въ критическую минуту, когда упорство поляковъ казалось непреодолимымъ, Мининъ не только воодушевилъ рать словомъ, но самъ повелъ въ бой одинъ отрядъ, что и способствовало окончательному пораженiю гетмана. Послѣ того какъ удалось заставить Ходкевича отойти отъ Москвы, выбить польскiй гарнизонъ изъ Кремля не представляло уже особой трудности.

Роль нижегородскаго ополченiя не окончилась съ освобожденiемъ Москвы отъ поляковъ. Оно приняло дѣятельное участiе въ дальнѣйшемъ очищенiи земли отъ враговъ. Но избранiе будущаго царя было вождями ополченiя передано въ руки созваннаго для этого дѣла новаго земскаго собора, состоявшаго изъ выборныхъ отъ всѣхъ областей Московскаго государства. Какова была личная роль Минина и Пожарскаго на избирательномъ соборѣ 1613 г., съ точностью сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что во время предвыборныхъ переговоровъ и совѣщанiй они были одни изъ тѣхъ, которые настаивали на томъ, что царь долженъ быть избранъ изъ русскихъ. Очень можетъ быть, что представитель тяглаго класса, Мининъ сразу же былъ за кандидатуру неродовитаго Михаила Романова. Былъ ли согласенъ съ самаго начала на такое разрѣшенiе вопроса «княжичъ» Пожарскiй, остается неизвѣстнымъ.

Во время коронованiя Михаила Ѳеодоровича Минину было «сказано» думное дворянство. Стольникъ князь Пожарскiй пожалованъ въ думные бояре. Любопытно, однако, что во время самаго торжества Пожарскiй игралъ далеко не первенствующую роль и зачастую долженъ былъ уступать мѣсто многимъ другимъ боярамъ и даже своему недавнему сопернику князю Трубецкому. При совершенiи обряда коронованiя вторую по чину регалiю, скипетръ, держалъ Трубецкой, и третью, «яблоко великодержавное»,—Пожарскiй.

По документамъ можно прослѣдить и дальнѣйшую судьбу героевъ 1612 г. Мининъ прожилъ недолго и остатокъ своей жизни, видимо, пользовался большимъ довѣрiемъ при дворѣ. Въ 1615 г. во время отлучки царя ему было поручено беречь Москву. Въ слѣдующемъ году онъ былъ наряженъ производить розыскъ по случаю бывшаго на Волгѣ возстанiя татаръ и черемисовъ. Возвращаясь въ Москву послѣ окончанiя этого порученiя, онъ скончался. Пожарскiй при дворѣ все это время затеривается и отличается далеко не постольку, поскольку мы въ правѣ были бы того ожидать въ виду его предшествующихъ заслугъ. Потомку стараго рода, сокрушеннаго режимомъ Грознаго, ему его имя служитъ скорѣе помѣхою при прохожденiи придворной карьеры. Правительство не прочь, однако, воспользоваться его боевою опытностью, и мы не разъ встрѣчаемъ его на южныхъ окраинахъ государства, знакомыхъ ему еще со времени царя Шуйскаго. Уже въ 1615 году его посылаютъ гоняться за Лисовскимъ. И, пока во главѣ дѣла стоялъ Пожарскiй, погоня продолжалась успѣшно. Около Калуги Пожарскiй заболѣлъ и принужденъ былъ уступить начальство другимъ лицамъ, которыя, въ концѣ концовъ, такъ и не изловили храбраго польскаго наѣздника. Когда черезъ два года послѣ этого на Москву двинулся Владиславъ, и многiе города уже были имъ взяты, Пожарскiй былъ наряженъ въ Калугу, отбилъ приступъ врага и заставилъ его отойти къ Вязьмѣ. Вскорѣ послѣ этого, при извѣстiи о томъ, что на помощь Владиславу съ юга идетъ гетманъ Сагайдачный, Пожарскiй былъ переведенъ въ Серпуховъ. Здѣсь здоровье снова ему измѣнило, и ему было приказано вернуться въ Москву. Преемники его не сумѣли задержать Сагайдачнаго. Имя его упоминается еще въ 30-хъ годахъ XVII столѣтiя, во время неудачнаго похода подъ Смоленскъ Шеина. Самостоятельной роли въ этомъ походѣ Пожарскiй не игралъ.

Таково было дѣло Минина и Пожарскаго. Въ тяжелую годину бѣдствiя, при банкротствѣ, правильнѣе сказать, полномъ отсутствiи какого бы то ни было правительства, общество взяло на себя дѣло самоопредѣленiя и самоустроенiя, но успѣшно выполнить это дѣло оно смогло только тогда, когда активная роль перешла къ дѣловымъ людямъ, тяглому городскому населенiю, погруженному до того въ будничное сѣрое дѣло, но таившему въ себѣ, какъ это доказалъ Мининъ, способность къ идеальному порыву, широкому размаху на здоровой дѣловой подпочвѣ. Большое дѣло получило авторитетъ и стало рыцарскимъ подвигомъ, когда его покрылъ своимъ именемъ родовитый бояринъ, соблюдшiй свою честь, когда все кругомъ поисшаталось. Дѣло было сдѣлано, и порядокъ на Руси возстановился. Возрожденное правительство скоро, однако, начало искать себѣ опоры помимо тѣхъ силъ, какiя способствовали его возрожденiю, и нашло такую опору въ приказномъ строѣ. Аристократическимъ доблестямъ Пожарскаго не нашлось при этомъ мѣста. Какъ ужился бы съ этимъ новымъ строемъ Мининъ, если бы прожилъ дольше, также сказать трудно.

Филаретъ Никитичъ,

митрополитъ Ростовскій, патріархъ всея Руси.

А. Е. Прѣснякова.

Историкъ, который захотѣлъ бы найти среди пестрой и разнообразной толпы дѣятелей Смутнаго времени фигуру центральную, человѣка, чьи личныя судьбы тѣсно сплелись со всѣми перипетіями бурной эпохи, чья личная воля, энергія и ловкость постоянно стремились направить по своему теченіе событій богатаго событіями и катастрофами историческаго періода, естественно остановится на личности боярина Θедора Никитича Романова, во иночествѣ Филарета. Родившійся около 1553 г., онъ принадлежалъ къ старому боярскому роду Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, игравшему видную роль во дворцѣ московскихъ государей съ XIV вѣка. Женитьба царя Іоанна Грознаго на дочери Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина открыла потомству царскаго тестя, которое и писаться стало по его имени Романовыми-Юрьевыми, путь къ широкому государственному вліянію. Братъ царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, занялъ въ Москвѣ почетное мѣсто, не только какъ одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ царя, но и какъ единственный бояринъ временъ Грознаго, пользовавшійся въ народѣ доброй памятью и прославленный въ народной пѣснѣ за защиту неповинныхъ жертвъ царскаго гнѣва въ страшные годы опричнины. Большое вліяніе, которое онъ сохранилъ до самой смерти грознаго царя, и сложныя родственныя отношенія многолюдной семьи Романовыхъ въ боярской средѣ—поставили Никиту Романовича во главѣ цѣлой значительной партіи того новаго боярства, которое создалось по мѣрѣ роста власти московскихъ государей и состояло изъ фамилій не княжескихъ, не титулованныхъ, а опиравшихся въ своемъ возвышеніи на родство и свойство съ царствующимъ домомъ, на милость царскую и служебную карьеру. Эта придворная знать въ царствованіе Грознаго взяла верхъ надъ княжатами, потомками князей удѣльныхъ, значеніе и благосостояніе которыхъ было окончательно сломлено во времена опричнины. Переходъ власти въ руки слабаго Θедора Іоанновича въ 1584 г. передалъ управленіе государствомъ въ руки его дяди Никиты Романовича. Но болѣзнь сразила его уже осенью того же года, а къ веснѣ слѣдующаго — свела въ могилу. Ни одинъ изъ пяти его сыновей не имѣлъ еще въ это время боярскаго сана, не былъ участникомъ царской думы. Первенство въ правительственномъ кругѣ перешло къ Борису Годунову, которому Никита Романовичъ завѣщалъ заботу о сыновьяхъ, связавъ его клятвой имѣть ихъ «въ завѣщательномъ союзѣ дружбы».

Среди Никитичей—старшій, Θедоръ, выдѣлялся не только старшинствомъ, но и личными дарованіями. Онъ наслѣдовалъ отъ отца его популярность. Привѣтливаго и радушнаго боярина хорошо знала Москва. Его щегольство вошло въ поговорку; если на комъ платье хвалили, то говорили: сидитъ, какъ на Θедорѣ Никитичѣ. Но не такой славы хотѣлъ бояринъ. Большое честолюбіе, политическій темпераментъ и неутомимая энергія влекли его къ видной, исторической роли. Ранняя смерть отца, ставшаго-было во главѣ государства, какъ бы указывала Θедору цѣль его стремленій. Съ 1587 года Θедоръ Никитичъ сталъ бояриномъ. Покровительство Годунова было уже не нужно, а его первенство, обрекавшее Θедора на роль второстепенную, могло представляться обиднымъ и даже несправедливымъ честолюбивому наслѣднику Никиты, который, конечно, сознавалъ, насколько самъ Борисъ обязанъ своимъ возвышеніемъ поддержкѣ того боярскаго круга, въ центрѣ котораго стояли Романовы. И въ 1598 г., когда умеръ царь Θедоръ, Романовы выступили главными противниками избранія Годунова на царство. Въ Москвѣ ходили слухи, записанные иностранцами, что царь Θедоръ приказалъ Θедору Никитичу быть послѣ себя на царствѣ. Передавали, что Θедоръ говорилъ Годунову: «ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія». Несомнѣнно, что была партія, предпочитавшая видѣть на царствѣ Романова, а не Годунова. На Θедора Никитича указывали, какъ на двоюроднаго брата царя Θедора, племянника царицы Анастасіи. Когда же выяснилось, что грозитъ «единодушный» выборъ Бориса земскимъ соборомъ, партія Романовыхъ выступила съ фантастической кандидатурой Симеона Бекбулатовича, игравшаго роль великаго князя всея Руси по капризу Грознаго въ годы опричнины, и съ обвиненіемъ Бориса въ рядѣ преступленій: убіеніи царевича Димитрія, отравленіи царя Θедора и его дочери. Въ этихъ разсказахъ Θедору Никитичу приписывалась роль мстителя, готоваго своей рукой покарать убійцу.

Помѣшать избранію Годунова не удалось. И царь Борисъ одно время, повидимому, искалъ способовъ возстановить «союзъ дружбы» съ Романовыми. При самомъ вѣнчаніи своемъ на царство онъ сказываетъ боярство Александру и Михаилу Никитичамъ и ихъ роднѣ, князьямъ Черкасскому и Катыреву-Ростовскому. Но довѣрять Романовымъ онъ не могъ и окружилъ ихъ тайнымъ надзоромъ, поощряя къ шпіонству и доносамъ ихъ слугъ. Въ 1601 г. и разразилась надъ Никитичами царская опала по доносу ихъ служилаго человѣка Второго Бартенева. Гласно обвинили ихъ въ волшебствѣ, будто, найдя у одного изъ

нихъ, Александра, въ казнѣ какое-то «коренье». Романовыхъ арестовали, допрашивали, даже къ пыткѣ водили. Дѣло тянулось добрыхъ полгода, и привлеченъ былъ къ нему цѣлый рядъ боярскихъ семей, связанныхъ съ Романовыми родствомъ и дружбой. Всѣ пять Никитичей съ семьями и нѣсколько родственныхъ имъ семействъ были отправлены въ ссылку, въ разныя мѣста. Размѣры слѣдствія и результаты его не позволяютъ допустить, чтобы дѣло дѣйствительно сводилось къ «волшебнымъ корешкамъ». На истинный смыслъ этого дѣла указываетъ только одинъ изъ приставовъ, стерегшихъ Романовыхъ въ ссылкѣ, говоря въ своемъ донесеніи въ Москву о Романовыхъ, что они «злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ». Что дѣло было политическое, видно изъ судьбы старшаго Никитича, Ѳедора. Его сослали въ Антоніевъ-Сійскій монастырь (90 верстъ отъ Холмогоръ) и тамъ насильно постригли подъ именемъ Филарета. Насильное постриженіе было въ древней Руси обычнымъ средствомъ удалить навсегда съ политическаго поприща опаснаго человѣка. На этотъ разъ испытанное средство не привело къ цѣли. Монашескій клобукъ не укротилъ честолюбиваго Ѳедора-Филарета. Изъ Москвы внимательно слѣдили за его поведеніемъ въ ссылкѣ, по донесеніямъ состоявшихъ при немъ приставовъ. Имъ было приказано внимательно относиться къ ссыльнымъ и «береженье держать большое, чтобы имъ нужды ни въ чемъ отнюдь никакой не было, и жили бы и ходили свободны». Первое время инокъ Филаретъ сильно тосковалъ, но къ 1605 г. его настроеніе круто измѣнилось, и приставъ съ недоумѣніемъ доносилъ: «живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, а къ старцамъ жестокъ, лаетъ ихъ и бить хочетъ, а говоритъ старцамъ Филаретъ старецъ: увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ»!

Въ концѣ 1604 г. Лжедимитрій началъ походъ на Русь. Въ 1605 г. царь Борисъ, объявляя о войнѣ, назвалъ его Гришкой Отрепьевымъ и указывалъ, что Самозванецъ «жилъ у Романовыхъ во дворѣ». Позднѣе и царь Василій Шуйскій объяснялъ польскому правительству, что Самозванцемъ былъ Отрепьевъ, который прежде «былъ въ холопахъ у бояръ, у Никитиныхъ дѣтей Романовича». Сопоставленіе этихъ заявленій съ обстоятельствами ссылки Романовыхъ даетъ историкамъ основаніе предполагать прямую связь между боярской крамолой противъ Бориса и появленіемъ перваго Самозванца. Но если дѣйствительно Лжедимитрій долженъ былъ послужить лишь орудіемъ въ боярскихъ рукахъ для сверженія Бориса, то на первыхъ порахъ партія Романовыхъ въ разсчетѣ ошиблась. Въ цари Димитрія возвели признаніе его народной массой и переходъ на его сторону княжеской московской знати, Голицыныхъ и Шуйскихъ, соперниковъ Романовскаго боярскаго круга. Разбитая опалами Годунова, придворная знать лишь постепенно стала оправляться при новомъ царѣ. Филаретъ возвращенъ въ Москву и весною 1606 г. сталъ митрополитомъ Ростовскимъ; братъ его Иванъ, единственный изъ братьевъ, пережившій ссылку, сталъ бояриномъ. Но первую роль при дворѣ Самозванца стали играть совсѣмъ «новые» люди, изъ низшаго служилаго слоя. Родовитое боярство съ Вас. Ив. Шуйскимъ во главѣ, поспѣшило свергнуть Лжедимитрія. Романовы и ихъ друзья примкнули къ заговору, но не руководили имъ. Союзъ двухъ круговъ московской аристократіи не былъ и не могъ быть прочнымъ; недаромъ тотчасъ послѣ смерти Самозванца иностранцы сообщали о толкахъ русскихъ людей, что одинъ изъ Романовыхъ долженъ стать правителемъ.

Царемъ сталъ Василій Шуйскій. Повидимому, онъ думалъ примирить съ своимъ воцареніемъ Романовыхъ, возведя на патріаршество Филарета, вмѣсто низложеннаго грека Игнатія. Польскіе послы въ своихъ донесеніяхъ изъ Москвы называютъ Филарета патріархомъ, упоминая, что такъ называли его бояре во время переговоровъ съ ними въ 1606 г. Нареченный, но еще не поставленный на патріаршество Филаретъ былъ, тотчасъ по воцареніи Шуйскаго, посланъ въ Угличъ для перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву; съ нимъ поѣхалъ и родственный Романовымъ Шереметевъ. А во время ихъ отсутствія въ Москвѣ разыгрались уличные безпорядки, направленные противъ новаго царя и возбужденные подметными письмами и листами, прибитыми на воротахъ, гдѣ, по одному извѣстію, говорилось отъ имени Димитрія, что его Богъ спасъ отъ измѣнниковъ и помогъ ему скрыться. За эту смуту обвинили Шереметева, Мстиславскаго, а поляки слыхали, что самые листы приписывались «патріарху» Филарету, котораго за это и низложили. Дѣло это темное, извѣстія сбивчивы, но несомнѣнно, что уже въ концѣ мая 1606 г. царская опала снова постигла лицъ Романовскаго круга, и Филаретъ вернулся изъ Углича не на патріаршество, а въ Ростовъ на митрополію, гдѣ и оставался до октября 1608 года. За это время противъ Шуйскаго поднялась вся южная половина государства, поднялось и погасло возстаніе Болотникова, подошелъ подъ Москву второй Самозванецъ и сталъ въ Тушинѣ. Филаретъ формально оставался «вѣрнымъ богомольцемъ» царя Василія. Но въ октябрѣ 1608 г. отряды Тушинскаго вора взяли Ростовъ, потому что тутъ «жили просто, совѣту и обереганья не было». Городъ сожгли, а Филарета съ безчестьемъ увезли въ Тушино; но тутъ встрѣтили его съ почетомъ, дорожа имъ для роли «нареченнаго патріарха Московскаго» при самозванномъ царѣ. Извѣстія о пребываніи Филарета въ Тушинѣ противорѣчивы. По однимъ—онъ жилъ въ плѣну и его «блюли всегда крѣпкими сторожами», и патріархъ Гермогенъ не считалъ Филарета врагомъ въ увѣренности, что онъ въ Тушинѣ «не своею волею, но чужею». По другимъ—Филаретъ добровольно жилъ въ Тушинѣ, добровольно игралъ роль «нареченнаго патріарха», главы того духовенства, которое признало Вора—царемъ Димитріемъ Ивановичемъ. Всего вѣроятнѣе, что Филаретъ держался осторожно, не враждуя съ тушинцами, не становясь рѣшительно и за Шуйскаго. Враги царя Василія видѣли въ Ворѣ орудіе противъ него. Иванъ Никитичъ Романовъ, князья Катыревъ и Троекуровъ, женатые на Романовыхъ, съ ними и князь Трубецкой подверглись опалѣ за то, что чуть-было не увлекли войска на сторону новаго Самозванца. А потомъ Трубецкіе, Троекуровы, Черкасскій и др. люди Романовскаго круга собираются въ Тушинѣ вокругъ Филарета. Когда же Тушино распалось, покинутое Воромъ, бѣжавшимъ въ Калугу, поляками и козаками, то въ тушинскомъ стану остался Филаретъ во главѣ группы русскихъ людей, отставшихъ отъ Самозванца и вступившихъ въ переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III объ избраніи королевича Владислава на Московское царство. Филаретъ посылаетъ королю грамоты и въ нихъ продолжаетъ именовать себя нареченнымъ патріархомъ. Эта группа тушинцевъ состояла отчасти изъ представителей высокихъ слоевъ московской дворцовой знати, преимущественно Романовской партіи, не ужившейся съ Шуйскимъ и его сторонниками, родовитыми князьями, отчасти изъ совсѣмъ незнатныхъ людей, служилыхъ помѣщиковъ и дьяковъ. И у нихъ явился смѣлый планъ. Они рѣшили въ Москву къ Василію Шуйскому и Михайлѣ Скопину не отъѣзжать и на государство ни изъ

Шуйскихъ, ни изъ иныхъ бояръ московскихъ никого не хотѣть, а завели съ Сигизмундомъ переговоры, чтобы онъ далъ на Московское государство своего сына. Проектъ условій, на которыхъ Владиславъ долженъ былъ получить власть, показываетъ, что составляли его сторонники того порядка, который создавался при Грозномъ и Годуновѣ, былъ выгоденъ служилой знати и людямъ, возвышавшимся по заслугамъ и царской милости, словомъ, порядка, врагами котораго были родовитые князья, сторонники Шуйскаго. Король Сигизмундъ думалъ-было воспользоваться случаемъ, чтобы убѣдить Филарета и русскихъ тушинцевъ отдаться подъ свою власть. Но отвѣтъ получился уклончивый; желая избрать королевича, связавъ его условіями, которыя обезпечили бы независимость русскаго государства и неприкосновенность національной жизни, русскіе тушинцы заявили, что рѣшить такое дѣло не могутъ безъ совѣта всей земли. Во время переговоровъ Филаретъ поѣхалъ-было къ Смоленску, къ королю, но по дорогѣ былъ «отполоненъ» у поляковъ, его сопровождавшихъ, московскимъ отрядомъ и доставленъ въ Москву. Здѣсь его приняли съ честью, дѣлая видъ, что онъ вернулся изъ «плѣна», и Филаретъ снова сталъ митрополитомъ Ростовскимъ, оставаясь жить въ Москвѣ. О личномъ его участіи въ дальнѣйшихъ событіяхъ, въ низложеніи царя Василія—прямыхъ извѣстій нѣтъ, но участіе въ заговорѣ людей, близкихъ Филарету Никитичу, несомнѣнно. Противъ Шуйскаго поднялись двѣ партіи—одна, которой кандидатомъ на престолъ былъ князь В. В. Голицынъ, и другая, которой руководилъ Филаретъ. Вторая выдвигала молодого Михаила Ѳеодоровича Романова, за котораго были большинство горожанъ московскихъ и самъ патріархъ Гермогенъ. Но опасное положеніе Москвы, тѣснимой, съ одной стороны—шайками Самозванца, снова подступившаго къ столицѣ, съ другой—польскимъ войскомъ гетмана Жолкѣвскаго, побудило бояръ ввести въ Москву польскія войска и присягнуть Владиславу на условіяхъ лишь нѣсколько измѣненнаго тушинскаго проекта. Жолкѣвскій, однако, понималъ, что русскіе претенденты на престолъ опасны для польскихъ плановъ, и рѣшилъ принять противъ нихъ мѣры. Князя В. В. Голицына онъ убѣдилъ стать во главѣ великаго посольства къ Сигизмунду, а такъ какъ Михаилъ Романовъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы включить его въ посольство, то гетманъ постарался, чтобы назначили посломъ его отца Филарета, «дабы имѣть какъ-бы залогъ». Въ сентябрѣ 1610 г. великое посольство выѣхало въ лагерь короля Сигизмунда, подъ Смоленскъ. Отъ кого и съ чѣмъ оно ѣхало? Сверженіе Шуйскаго нанесло окончательный ударъ государственному порядку. Правительства въ Москвѣ не было. Распорядительная власть осталась въ рукахъ бояръ, но права распорядиться судьбою престола у нихъ не было. Не было и ни одной партіи, достаточно сильной, чтобы, распорядившись государственнымъ дѣломъ по-своему, добиться укрѣпленія и признанія созданнаго ею правительства. Бояре и не рѣшились дѣйствовать произвольно; они, какъ и Филаретъ въ отвѣтѣ королю изъ Тушина, понимали, что не могутъ рѣшать такое дѣло безъ совѣта всей земли. Еще въ іюлѣ 1610 г. были разосланы грамоты по городамъ съ требованіемъ, чтобы всякихъ чиновъ люди ѣхали къ Москвѣ для избранія государя. Но собрать выборныхъ отъ всякихъ чиновъ государства—не удалось; слишкомъ трудно было и организовать выборы при полномъ разстройствѣ порядка, и съѣхаться въ Москву выборнымъ—при господствѣ вражескихъ силъ и смуты въ большей части государства. Но въ Москвѣ все-таки устроили «совѣтъ всей земли» изъ тѣхъ представителей различныхъ чиновъ Московскаго государства, какіе находились въ столицѣ. Признать Владислава царемъ рѣшили, по оффиціальному заявленію, «всѣмъ Московскимъ государствомъ», т.-е. патріархъ Гермогенъ съ митрополитами, архіепископами и всѣмъ соборомъ духовенства, бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскія и дьяки, гости и торговые люди, стрѣльцы и козаки и всякіе служилые и жилецкіе люди всего Московскаго государства. Отъ лица этихъ чиновъ, составлявшихъ, по старому понятію, земскій соборъ, говорила и дѣйствовала боярская дума. Именемъ этого земскаго собора скрѣпленъ 17 августа 1610 года договоръ объ избраніи Владислава; отъ него отправлено и великое посольство, по составу напоминавшее маленькій земскій соборъ: митрополитъ Филаретъ—отъ духовенства, бояринъ князь Голицынъ, окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ и думный дьякъ Томило Луговскій—отъ думы, семь человѣкъ московскихъ дворянъ, 40 человѣкъ городовыхъ дворянъ разныхъ уѣздовъ, 8 стрѣльцовъ, нѣсколько «приказныхъ» людей, одинъ гость и пять торговыхъ людей, наконецъ, двое дворцовыхъ людей—отъ другихъ чиновъ. Заботливо принимались мѣры, чтобы дѣлу придать авторитетъ и законность, насколько это было возможно въ смутное время. И посольство сознавало себя уполномоченнымъ «всею землею», не признавая себя подвластнымъ боярской думѣ, правившей въ Москвѣ. А между тѣмъ, съ отъѣздомъ въ посольство части «собора»—онъ распался, и снова государство осталось безъ всякой власти, которая могла бы руководить дѣлами. Если бы Сигизмундъ утвердилъ договоръ объ избраніи Владислава, рѣшеніе «всей земли» было бы исполнено. Но Сигизмундъ хотѣлъ самъ сѣсть на Московское царство, а предварительно требовалъ сдачи Смоленска. Значительная часть участниковъ посольства пошла на подкупъ и измѣну и стала служить королю, вернувшись въ Москву. Въ самой Москвѣ захватили власть люди, передавшіеся Сигизмунду. Но «великіе послы» Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ твердо стояли на условіяхъ, утвержденныхъ «всею землею», отрицая возможность что-либо измѣнять по произволу лицъ и партій. Послѣ бурныхъ перипетій прежнихъ годовъ, когда Филаретъ велъ честолюбивую борьбу за власть, и когда имя его замѣшано въ самыя темныя и сложныя интриги, онъ въ 1610 г., при встрѣчѣ съ національной опасностью, твердо выступаетъ защитникомъ законности и независимости правъ русской земли. Договоръ былъ важенъ потому, что требовалъ полнаго превращенія Владислава въ русскаго царя и полнаго обезпеченія независимости русской политики отъ польской. Именно поэтому онъ не могъ встрѣтить сочувствія въ Польшѣ. Своею твердостью Филаретъ и Голицынъ подъ Смоленскомъ, а патріархъ Гермогенъ въ Москвѣ спасли Русь отъ политическаго и національнаго порабощенія. Весною 1611 г. Сигизмундъ приказалъ взять пословъ подъ стражу, а потомъ, ограбивъ ихъ имущество, отправить въ Польшу. Болѣе восьми лѣтъ провелъ Филаретъ въ плѣну, и заключившія московскую смуту событія разыгрались безъ него. Только лѣтомъ 1619 г. удалось царю Михаилу «батюшку своего изъ Литвы къ Москвѣ здраво выручить». Все время со смерти Гермогена (1612 г.) Москва оставалась безъ патріарха: ждали возвращенія Филарета, титулуя его пока «митрополитомъ Московскимъ и всея Руси». Возвращеніе Филарета совпало съ пріѣздомъ въ Москву Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который и совершилъ въ Успенскомъ соборѣ обрядъ поставленія новаго патріарха всея Руси. Съ этихъ поръ и до кончины своей (1633 г.), въ теченіе 14 лѣтъ, Филаретъ управлялъ и церковью и государствомъ. Властный и энергичный, онъ «всякими царскими дѣлами и ратными владѣлъ» не только путемъ неоффиціальнаго вліянія на

сына-царя. Его участіе въ государственной власти было оформлено какъ титуломъ «великаго государя», который онъ носилъ, такъ и порядкомъ дѣлопроизводства: всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, грамоты писались отъ имени ихъ обоихъ, а царь Михаилъ заявлялъ, что «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно». Современники говорили о Филаретѣ, что онъ «нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ, яко и самому царю его бояться; бояръ же и всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томяше заключеніями и иными наказаніями»,—и не сомнѣвались, кто изъ двухъ великихъ государей истинный правитель государства.

Филаретъ достигъ власти, которой добивался въ теченіе всей своей жизни. Прошлая жизнь закалила его деспотическую натуру и обогатила его сильный умъ разнообразнымъ общественнымъ и политическимъ опытомъ. Но въ немъ не было геніальности, смѣлаго и содержательнаго творчества; скорѣе надо видѣть въ немъ умнаго и энергичнаго администратора, умѣвшаго понять обстоятельства, чѣмъ реформатора, который умѣетъ не только пользоваться данными условіями, но и творчески измѣнять ихъ. Въ разгромленномъ «великой разрухой» Московскомъ государствѣ передъ правительствомъ перваго царя изъ дома Романовыхъ стояла, прежде всего, задача—возстановить государственный порядокъ. И Филаретъ много поработалъ надъ этимъ. Первымъ его дѣломъ было указать царю на рядъ неустройствъ въ государственныхъ дѣлахъ. Обо всѣхъ статьяхъ этого патріаршаго доклада состоялся, въ томъ же 1619 г., приговоръ земскаго собора, «какъ бы то исправить и землю устроить», ставшій программой всей дальнѣйшей дѣятельности московскаго правительства въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Правительство спѣшитъ собрать свѣдѣнія о степени разоренія страны послѣ Смуты. Съ 1619 года производится рядъ переписей, представившихъ яркую картину этого разоренія. Населенность большей части областей уменьшилась болѣе чѣмъ вдвое, размѣры запашекъ—въ нѣсколько разъ. У бóльшей части провинціальныхъ дворянъ вовсе не оказалось вотчинъ, а помѣстья, данныя имъ отъ государя, въ такомъ состояніи запустѣнія, что служить помѣщикамъ было «не съ чего». Иныя имѣнія были совсѣмъ пусты, безъ крестьянъ, въ другихъ по 3—4 крестьянина, и земля оставалась безъ обработки. Города запустѣли не меньше деревень; въ иныхъ вовсе не было посадскихъ людей, въ другихъ ихъ число уменьшилось до ничтожнаго числа. Сама Москва обезлюдѣла на двѣ трети. Разореніе среднихъ слоевъ населенія, мелкихъ землевладѣльцевъ, несшихъ всю тяжесть обороны государства, и людей посадскихъ, торгово-промышленнаго класса, важнаго для казны своимъ податнымъ тягломъ, разореніе массы тяглаго крестьянства—все это подрывало военныя и финансовыя силы государства. На возстановленіе этихъ силъ и средствъ и направилась дѣятельность правительства подъ руководствомъ Филарета. Устройство служилаго класса, путемъ правильной раздачи ему земель и распредѣленія служебной тяготы пропорціонально имѣющимся средствамъ, его увеличеніе, путемъ надѣленія помѣстьями козаковъ, «которые отъ воровства отстали и которыхъ въ службу верстать можно»; преобразованіе податной системы переносомъ подати съ земли на дворъ, что одновременно облегчало расширеніе запашекъ и увеличивало число плательщиковъ,—словомъ, рядъ мѣръ для обезпеченія «государева дѣла», военной службы и податного тягла составляютъ главную заботу правительства. Интересы «государева дѣла» совпадали, главнымъ образомъ, съ интересами именно среднихъ слоевъ населенія. Какъ ни важно было для казны тяглое крестьянство, но на его сторону въ противорѣчіяхъ между нуждами разныхъ классовъ правительство не могло стать, преслѣдуя цѣль обезпечить даровымъ крестьянскимъ трудомъ служилыхъ помѣщиковъ, которые на доходы съ помѣстій должны были нести военную службу, являясь въ походъ «конны, людны и оружны». А дворяне горько и громко жаловались на разорительные для нихъ крестьянскіе переходы и на то, что сильные люди, крупные землевладѣльцы, бояре и монастыри сманиваютъ и насильно увозятъ отъ нихъ крестьянъ. Правительство рядомъ мѣръ идетъ навстрѣчу помѣщичьимъ нуждамъ, не рѣшаясь еще на полное закрѣпощеніе всего сельскаго населенія, но подготовляя это дѣло, завершенное, какъ извѣстно, «Уложеніемъ» царя Алексѣя Михайловича въ 1649 г. Меньше оказалось новое правительство въ силахъ сдѣлать для тяглаго населенія. Огромныя финансовыя потребности казны заставили его увеличить подати—новая подворная подать была несомнѣнно тяжелѣе старой поземельной,—смягчая эту тяготу только временными льготами для особо разоренныхъ мѣстностей; потребность въ иностранныхъ товарахъ и иностранной монетѣ привела къ раздачѣ льготъ безпошлинной торговли иностраннымъ купцамъ, въ ущербъ торгамъ русскаго купечества.

Устраивая такими средствами «государево дѣло», правительство Филарета и Михаила въ то же время возстановляло старыя формы центральнаго и областного управленія, вводя новое лишь тамъ, гдѣ сами обстоятельства къ тому вынуждали. Въ столицѣ возстановляются приказы, число которыхъ постепенно растетъ; какъ въ высшую инстанцію, дѣла изъ приказовъ идутъ въ «Расправную Палату», административное засѣданіе думы. Носитель верховной власти постарому окруженъ боярской думой, но это не древняя аристократическая, княжеская дума, а «ближній» совѣтъ государевъ изъ людей довѣренныхъ, возвышенныхъ службой и царской милостью, независимо отъ «породы». По мѣрѣ возстановленія центральныхъ учрежденій слабѣетъ потребность въ поддержкѣ земскаго собора. Не прекращавшій своихъ засѣданій съ избранія новаго царя до возвращенія Филарета земскій соборъ до 1619 г. дѣлитъ съ царемъ правительственный авторитетъ, и дѣла рѣшаются «царскимъ указомъ и всея земли приговоромъ». Едва ли будетъ ошибкой сказать, что въ это время, которое сами современники считали «безгосударственнымъ», «приговоры земли» имѣли рѣшающее значеніе. Но возстановленіе сильной центральной власти съ пріѣздомъ Филарета обратило соборъ въ покорное орудіе правителя.

На первый взглядъ можно было бы, повидимому, ожидать, что въ области управленія и суда будутъ играть большую роль тѣ самоуправляющіеся земскіе міры, которые въ годину Смуты проявили такую политическую зрѣлость, такъ дѣятельно и умѣло организовали борьбу съ врагомъ и, объединившись въ земскій соборъ, возстановили разрушенное Московское государство. На дѣлѣ мѣстное самоуправленіе быстро падаетъ, и управленіе областное переходитъ въ руки воеводъ, объединившихъ въ своихъ рукахъ управленіе уѣздами по дѣламъ военнымъ, полицейскимъ и судебнымъ. Выборные люди вполнѣ подчинились воеводамъ, какъ ихъ отвѣтственные помощники по сбору податей и охранѣ полицейскаго порядка.

Вся эта организація управленія, возстановляя правительственную силу, тяжело легла на народъ. Въ царствованіе Михаила часто доходили до правительства громкія жалобы на притѣсненія и обиды отъ приказныхъ людей, на то, что—говоря словами этихъ жалобъ: «обнищали мы и оскудѣли до конца отъ

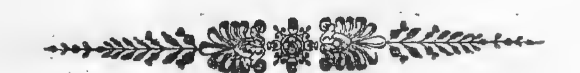
твоихъ государевыхъ воеводъ». И правительство не оставалось глухимъ,—но строгіе указы противъ взятокъ и вымогательствъ не помогали, а созданный Филаретомъ «приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ», характеренъ для его административныхъ понятій, но едва ли могъ помочь въ дѣлѣ борьбы съ злоупотребленіями безконтрольной приказной и воеводской власти.

Всматриваясь въ общій складъ государственной политики Филарета, нетрудно узнать знакомыя черты. Питомецъ той боярской среды, которая создана въ противовѣсъ потомкамъ удѣльныхъ князей властью московскихъ государей XVI в., бояръ-княжатъ, сынъ Никиты Романовича, бывшаго правой рукой царя Іоанна Грознаго во вторую половину его царствованія, сперва другъ, а потомъ соперникъ Годунова—Филаретъ и въ своемъ покровительствѣ среднимъ слоямъ населенія въ ущербъ знати и крестьянству, и въ стремленіи къ созданію сильной, централизованной и независимой власти—является прямымъ продолжателемъ политики Грознаго и Годунова. И ему удалось положить прочное основаніе такого государственнаго и общественнаго строя, выстроить который въ борьбѣ со стариной тщетно пытались его предшественники.

Такимъ же властнымъ администраторомъ и искуснымъ организаторомъ является Филаретъ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Насильно постриженный въ монахи, Филаретъ былъ чуждъ богословскому и каноническому образованію и смотрѣлъ на церковное управленіе тѣми же глазами, какъ на управленіе государственное. Церковь была для него, прежде всего, учрежденіемъ, которое надо устроить такъ же, какъ строилъ онъ государство. Онъ переноситъ цѣликомъ на свое патріаршеское управленіе формы приказнаго завѣдыванія дѣлами. Дѣла по управленію патріаршескому сосредоточены въ приказахъ Дворцовомъ, Судномъ и Казенномъ, которые по устройству и дѣятельности были довольно точнымъ воспроизведеніемъ царскихъ приказовъ. Получивъ власть не по каноническому избранію, а естественно, почти по «праву», которое признали за царскимъ отцомъ, онъ и для духовенства былъ, прежде всего, «великимъ государемъ». Судъ въ патріаршемъ судѣ былъ «въ духовныхъ дѣлахъ, и въ смертяхъ, и въ иныхъ во всякихъ дѣлахъ, противъ того же, что и въ царскомъ судѣ». Казенный приказъ вѣдалъ доходы съ патріаршей области, которые состояли изъ дани, взимавшейся съ дворовъ духовенства и причтовъ за право пользованія усадьбою, налога на доходъ духовенства съ требъ, дани съ пахотной земли и угодій духовенства и разныхъ болѣе мелкихъ сборовъ. Ни одна епархія не выработала такой стройной и однообразной для всѣхъ приходовъ системы обложенія, какъ обширная патріаршеская область при Филаретѣ. Для этого дѣла производились тщательныя переписи всѣхъ приходовъ и церквей, всего тяглаго духовенства.

Такъ и въ области патріаршескаго управленія Филаретъ создалъ строгія формы государственнаго властвованія высшаго чернаго духовенства надъ приходскимъ священствомъ. Въ дѣлахъ же чисто церковныхъ онъ оставилъ мало слѣда. Заботы о печатаніи и исправленіи церковныхъ книгъ не привели къ той широкой постановкѣ дѣла, какое оно получило позднѣе, хотя при Филаретѣ и вышло изъ типографіи больше книгъ, чѣмъ было ихъ напечатано до него со временъ Грознаго. Необходимое для подъема церковнаго просвѣщенія сближеніе съ греками только завязалось при Филаретѣ, благодаря личному вліянію, какое пріобрѣлъ поставившій Филарета въ патріархи іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Личные взгляды Филарета въ вопросахъ церковныхъ не всегда отличались правильностью. Такъ, онъ провелъ постановленіе, чтобы совершался заново обрядъ крещенія надъ принимаемыми въ лоно православной церкви католиками и уніатами и даже тѣхъ «бѣлорусцевъ», которые крещены хоть и въ православіи, но черезъ обливаніе, а не погруженіе. Въ такихъ чертахъ его дѣятельности, и въ общей односторонности его патріаршаго управленія сказывался его характеръ политическаго дѣятеля и властнаго администратора, стремившагося къ царской власти и лишь злою судьбою вырваннаго изъ среды свѣтскихъ дѣятелей.

Патріархъ Филаретъ скончался 1 октября 1633 года. Много пришлось пережить послѣ того смутъ и волненій Московскому государству XVII вѣка. Но зданіе государственное было возстановлено и выдержало дальнѣйшія испытанія. И въ этомъ историческое дѣло «великаго государя, святѣйшаго патріарха всея Руси» Филарета Никитича.

Содержаніе.

